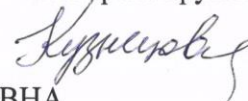

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В Г. ИРКУТСКЕ –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА ЛАРИСА ВАЛЕРЬЕВНА

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор С. Н. Плотникова

Иркутск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	13
1.1. Понятие прагматической ситуации как развитие понятия коммуникативной ситуации	13
1.2. Специфика коммуникативной ситуации в социальных институтах....	24
1.3. Современное понимание политического дискурса и политической коммуникации	35
1.4. Парламентские дебаты через призму ситуационного анализа	42
1.5. Решение проблем и принятие решений как междисциплинарная область исследований и ее лингвистические аспекты	48
1.6. Определение ситуации принятия решения в политической коммуникации.....	63
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	66
ГЛАВА II. ПАРАМЕТРЫ КОГНИЦИИ В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	68
2.1. Осмысление институциональной и коммуникативной ситуации как прагматической ситуации принятия решения	68
2.2. Языковые маркеры институциональной ситуации	73
2.3. Языковые маркеры коммуникативной ситуации	78
2.4. Языковые маркеры прагматической ситуации	86
2.5. Вербализация контрадикторных пропозиций как основной параметр когниции при формировании прагматической ситуации принятия решения	92
2.6. Коллективная когниция как отличительная особенность прагматической ситуации принятия решения	101

2.7. Длительный характер когниции в прагматической ситуации принятия решения: решение как финализованное знание	114
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	123
ГЛАВА III. ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСИВИЗАЦИИ В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	125
3.1. Дискурсивные механизмы согласия и несогласия как факторы поддержания процесса дискурсивизации	125
3.2. Роль аргументации в процессе дискурсивизации	135
3.3. Действие Кооперативного Принципа в процессе дискурсивизации ...	145
3.4. Направленность процесса дискурсивизации на конструирование будущего мира	150
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	172
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	186
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	188

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено теоретическому обоснованию понятия прагматической ситуации принятия решения и определению её статуса в общем ситуационном структурировании политической коммуникации.

Выбор темы связан с необходимостью дальнейшего исследования дискурса и коммуникации в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике и важностью введения новых понятий в понятийно-терминологический аппарат теории дискурса и коммуникации, в частности, введения понятия прагматической ситуации принятия решения в исследование политической коммуникации.

Политический дискурс и политическая коммуникация уже достаточно хорошо изучены; их изучение изначально началось в рамках критического анализа дискурса, направленного на исследование выражения в дискурсе власти, идеологии, социального неравенства [Р. Фаулер, Дж. Крес, Б. Ходж, Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэарклоф и др.].

Общие проблемы политического дискурса и политической коммуникации рассматриваются в трудах ведущих отечественных и зарубежных лингвистов: В.З. Демьянкова, А.П. Чудинова, В.Н. Базылева, Е.И. Шейгал, Л.В. Куликовой, А.Н. Баранова, П. Чилтона, Т. ван Дейка, Н. Фэарклофа и др.

В диссертации принимается за основу теория политической коммуникации Е.И. Шейгал. Ситуации политической коммуникации определяются ею как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 23]. Согласно принятой теории, политическая коммуникация включает в себя взаимодействие представителей политических институтов и их клиентов (политиков и населения) и взаимодействие между политиками (в парламенте, правительстве, партии и т.д.). Специфика политической коммуникации состоит в том, что в ней преобладает «субъектно-адресатный вектор общения», то есть коммуникация зачастую носит однонаправленный характер (от политика к народу, от лидера партии к её членам). Е.И. Шейгал выделяет «жанры институциональной коммуникации, составляющие основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции,

партийные программы, лозунги» [Шейгал, 2004, с. 244-245]. Коммуникацией, в строгом смысле этого слова, то есть носящей двунаправленный характер и предполагающей обмен сообщениями между участниками, являются дебаты и переговоры, при этом дебаты характеризуются более непосредственным и спонтанным коммуникативным поведением участников [Шейгал, 2004].

В нашей диссертации мы анализируем прагматическую ситуацию принятия решения в прототипическом жанре политической коммуникации – парламентских дебатах.

Различные лингвистические аспекты дискурса парламентских дебатов были исследованы в кандидатских диссертациях. Получили рассмотрение лингвостилистические средства аргументации в дискурсе парламентариев [Куликова, 1989]; дискурс британских парламентариев, обсуждающих бюджет [Скопинцева, 1998]; выражение категории модуса в аргументативном дискурсе дебатов Бундестага ФРГ [Кузнецова, 2004]; структурные характеристики высказываний в парламентском дискурсе Великобритании [Китик, 2004]; политический дискурс по проблеме терроризма в Конгрессе США и Парламенте Великобритании [Правикова, 2005]; речевые акты обвинения в парламентских дебатах Бундестага ФРГ [Сапрыкина, 2006]; гендерный фактор в аргументативном дискурсе французского парламента [Хламова, 2009]; имиджеобразующие стратегии в парламентских дебатах [Катанова, 2009]; стратегия конфликта в немецком парламентском дискурсе [Вознесенская, 2010]. В ряде работ анализируется национально-культурная специфика парламентских выступлений: дебатов в Госдуме РФ и Палате Представителей Новой Зеландии [Верещагин, 2007]; в Национальном Собрании Франции и Госдуме РФ [Чернышкова, 2007]; в Бундестаге ФРГ и Госдуме РФ [Константинова, 2013].

Исследование когнитивного процесса принятия решений в ходе парламентских дебатов, насколько нам известно, до сих пор не проводилось. Вместе с тем, принятие решений представляет собой основу любой политической деятельности. «Особенность политической коммуникации заключается в том, что это важное звено политической деятельности, суть которой – принятие решений, обеспечи-

вающих возможности для взаимодействия членов общества и функционирования общественных институтов» [Базылев, 2005а, с. 324]. В.Н. Базылев провёл исследование текстов политических выступлений, произнесенных в пользу принятия того или иного решения. «Тексты политиков дают возможность реконструировать вербализованный процесс принятия решений на операциональном уровне, а также выявить и исследовать закономерности отображения этого процесса в аргументативном тексте» [Базылев, 2005а, с. 325].

Представляется своевременным продолжить изучение процесса принятия решений на уровне диалогической политической коммуникации.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения параметров прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и способов их языковой реализации. Актуальным является также междисциплинарный подход к ситуации принятия решения с позиции лингвистики и других наук. Учет взаимодействия коммуникации, когниции и дискурса, а также прагматической мотивации в использовании языка определяет актуальность исследования в рамках современных направлений когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике.

Теоретической и методологической базой диссертации являются работы отечественных и зарубежных ученых в области:

1) теории коммуникации (К. Шеннон, У. Уивер, М. Фуко, Ю. Хабермас, У. Матурана, Ф. Варела, Р.О. Якобсон, Т.Г. Винокур, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Л.В. Куликова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Казакевич, И.А. Стернин, В.А. Митягина, А.А. Олянич, А.П. Панфилова и др.);

2) теории дискурса (В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, В.Н. Базылев, М.Л. Макаров, С.Н. Плотникова, Л.С. Бейлинсон, М. Стабс, Т. ван Дейк, П. Чилтон, Р. Водак, Н. Фэрклоф и др.);

3) прагмалингвистики (Ч. Моррис, П. Грайс, Д. Спербер, Д. Уилсон, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.В. Богданов, Н.К. Рябцева, С.Н. Плотникова, Г.Г. Матвеева и др.);

4) когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, А.А. Залевская, А.П. Бабушкин, Е.В. Падучева, Т. Виноград, П. Таргард, Т. ван Дейк, В. Кинч и др.);

5) теории конверсационного анализа (П. Дрю, Дж. Херитейдж, Г. Кларк, А. Померанц, А. Мейер и др.);

6) теории решения проблем и принятия решений (Дж. Нейман, О. Моргенштерн, Л. Заде, Г. Саймон, А. Ньюелл, В. Штегмюллер, Р. Нозик, Д. Канеман, А. Тверски, Э. Боно, Р. Акофф, М. Эддоус, Р. Стэнфилд и др.).

Исследование базируется на **гипотезе** о том, что политическая коммуникация структурируется разными типами ситуаций, в том числе и прагматическими ситуациями, одной из которых является прагматическая ситуация принятия решения.

Целью диссертации является теоретическое обоснование онтологической сущности прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и определение основных лингвистических параметров её формирования.

В соответствии с поставленной целью и в процессе доказательства выдвинутой гипотезы в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- 1) проанализировать понятие прагматической ситуации;
- 2) описать общие особенности институциональной коммуникации и особенности политической коммуникации;
- 3) рассмотреть основные положения междисциплинарной теории решения проблем и принятия решений и выделить её лингвистические аспекты;
- 4) дать определение прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и отграничить ее от институциональной и коммуникативной ситуации;
- 5) определить основные параметры когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации;
- 6) определить основные параметры дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Объектом исследования является прагматическая ситуация принятия реше-

ния в политической коммуникации.

Предметом исследования являются структурные, когнитивные и дискурсивные параметры прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Цель работы определяет привлечение различных **методов** исследования, среди которых метод ситуационного, пропозиционального, речеактового, аксиологического анализа, метод когнитивного моделирования и интерпретативный метод.

Материалом для исследования служат транскрипты протоколов (Hansard Records) заседаний Британского Парламента и стенограммы заседаний Государственной Думы РФ за 2005-2014 гг. Общий объём проанализированного материала составляет более 6000 страниц.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается репрезентативным отбором и разнообразием рассмотренного языкового материала, а также комплексным подходом к его анализу, включающим лексический, когнитивный и дискурсивный аспекты.

Научная новизна результатов исследования состоит в том, что в нем **впервые:**

1) проведен комплексный лингвистический анализ прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации;

2) определено, что прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации формируется общей прагматической установкой участников на принятие решения и их общей прагматической ролью «субъект, принимающий решение», дополнительной по отношению к институциональной роли «политик» и коммуникативной роли «адресант / адресат»;

3) установлена лингвистическая сущность решения, принимаемого в данном типе ситуации: на когнитивном уровне решением (финализированным знанием) становится одна из двух контрадикторных макропропозиций, обрабатываемых в проблемном когнитивном пространстве; на языковом уровне выбранная макропропозиция вербализуется как речевой акт декларатив о действии, которое будет

выполнено в мире;

4) определена взаимозависимость когниции и дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: два противостоящих друг другу на уровне когниции когнитивных сообщества на уровне дискурсивизации противостоят друг другу как два отдельные дискурсивные сообщества.

5) установлен длительный характер когниции и дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: прагматическая ситуация продолжается до принятия решения, в связи с чем она охватывает собой множество институциональных и коммуникативных ситуаций, протекающих в разное время, в разном месте и с разным составом участников.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Ситуация принятия решения в политической коммуникации является завершающим этапом более широкой ситуации решения политической проблемы, обсуждения имеющихся либо конструирования возможных вариантов решения. Финальная ситуация принятия решения представляет собой выбор одного из двух вариантов, оставшихся после отфильтровывания всех других; данная ситуация начинается с проблемного вопроса или призыва к участникам принять решение и заканчивается общим коммуникативным действием, ответом участников на поставленный проблемный вопрос.

2) Ситуация принятия решения в политической коммуникации превращается в прагматическую в том случае, когда принятие решения становится общей прагматической целью всех участников и общим прагматическим содержанием сообщений, которыми они обмениваются. Прагматическая ситуация принятия решения имеет самостоятельный статус; она не совпадает по своим границам с отдельной институциональной или коммуникативной ситуацией, превосходит их и включает в себя множество подобных ситуаций, протекающих в разное время, в разном месте и с разным составом участников.

3) Параметрами когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации являются: а) осмысление (познавание) текущей си-

туации как ситуации принятия решения; б) вербализация двух проблемных, кон-традикторных по отношению друг к другу макропропозиций как вариантов реше-ния; в) коллективный, но в тоже время адверсариальный характер когниции; г) формирование в процессе когниции двух когнитивных сообществ, моделируемых в виде двух противостоящих друг другу абстрактных коллективных решающих субъектов; д) длительный характер когниции, завершением которого является решение как финализованное знание.

4) Параметрами дискурсивизации в прагматической ситуации принятия ре-шения в политической коммуникации являются: а) формирование дискурса на ос-нове дискурсивных механизмов согласия / несогласия и аргументации / контрар-гументации; б) коммуникативная борьба за избранный вариант решения; в) спе-цифика реализации Кооперативного принципа – его несоблюдение по отношению к коммуникативному противнику; г) направленность процесса дискурсивизации на конструирование будущего мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вно-сит определенный вклад в развитие теории коммуникации, теории дискурса, ко-гнитивной лингвистики, политической лингвистики, социолингвистики.

Была поставлена общая теоретическая проблема ситуационного структури-рования институциональной коммуникации и роли в ней прагматической ситуа-ции. Была исследована конкретная теоретическая проблема статуса прагматиче-ской ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Создана теоретическая модель прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, объясняющая её сущностную природу, формиру-ющие её параметры когниции и дискурсивизации, ее взаимодействие с институ-циональной и коммуникативной ситуацией. Разработанная модель углубляет научное представление о типах ситуаций, реализуемых в политической коммуни-кации, и способах их языковой объективации.

Уточняются теоретические знания о природе когниции; выявлены особен-ности коллективной когниции в процессе принятия решения в политической ком-муникации. Углубляется теоретическое представление о когнитивном сообществе

и коллективном субъекте, в частности, о коллективном субъекте, принимающем решение.

Получает развитие понятие дискурсивизации; определены закономерности, лежащие в основе протяженного развертывания дискурса в политической коммуникации. В анализ дискурса вводится понятие дискурсивного механизма как сквозного употребления определённых речевых актов, интегрирующего дискурс и выступающего в качестве базового принципа дискурсообразования.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее основных положений в преподавании вузовских курсов теории коммуникации, теории дискурса, когнитивной лингвистики, социолингвистики. Результаты и материалы исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий по теории языка, а также при руководстве курсовыми и дипломными работами.

Апробация работы. По теме диссертации сделаны доклады на двух международных конференциях: «Язык – когниция – социум» (Минск, 2012 г.); «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2013 г.); на 9-й Всероссийской научной конференции «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2015 г.); на конференциях молодых ученых «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» в ФГБОУ ВПО ИГЛУ (2012, 2013, 2014 гг.).

Основные результаты исследования отражены в 12 публикациях, в том числе в трех публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях. Общий объем публикаций составляет 4 печатных листа.

По **структуре** диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 160 наименований, в том числе 56 на иностранных языках, списка использованных словарей, списка источников примеров.

Во **Введении** формулируются цели и задачи работы, обосновывается актуальность и научная новизна исследования, перечисляются основные методы анализа, приводится описание теоретической базы диссертации, излагаются основ-

ные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Теоретический подход к исследованию прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации» описывается теоретическая база диссертации, на основании чего выделяются три типа ситуаций политической коммуникации: институциональная, коммуникативная и прагматическая, разграничиваются неситуативный и ситуативный подходы к принятию решения и дается, в рамках второго подхода, определение прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Во второй главе «Параметры когници в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации» анализируется процесс формирования прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации в рамках текущей институциональной и коммуникативной ситуации, разграничиваются языковые маркеры каждой из этих ситуаций, и определяется специфика коллективной когници в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

В третьей главе «Параметры дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации» определяются дискурсивные механизмы, лежащие в основе дискурсообразования в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, анализируется действие в ней Кооперативного принципа и специфика контента производимого в ней дискурса.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются вытекающие из него основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения данной темы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. Понятие прагматической ситуации как развитие понятия коммуникативной ситуации

Ситуационный / ситуативный анализ, как лингвистический метод, направлен на изучение роли языка в объективации различных типов ситуаций. Вместе с тем, понятие ситуации трактуется в лингвистике по-разному, в зависимости от принимаемого подхода.

Прежде всего, рассматриваются ситуации, соотносящиеся с высказыванием; в отечественной лингвистике их изучение было начато В.Г. Гаком [Гак, 1998а]. В русле этого подхода разграничиваются денотативные и сигнификативные ситуации; сигнификативная ситуация определяется как «содержание высказывания, которое выделяет некоторый единичный «кадр» описываемой реальности, семантическое соответствие денотативной ситуации» [Касевич, 1988, с. 57]. А.В. Бондарко выделяет понятие категориальной ситуации, репрезентирующей в высказывании определённую семантическую категорию и соответствующей функционально-семантическому полю [Бондарко, 2005].

Наряду с теорией ситуации, соотносящейся с высказыванием, в лингвистике развивается понятие ситуации, соотносящейся с интерактивным взаимодействием общающихся людей, то есть понятие коммуникативной ситуации.

Лингвистическое понятие коммуникативной ситуации базируется на философском и социологическом понимании ситуации. Ситуация определяется в социологии как феномен обособления, сингуляризации определенного фрагмента взаимодействия людей, основанного на их совместном участии и вовлеченности в процесс взаимодействия [Росс, 2000].

В философии вводится понятие экзистенциальной ситуации, под которой понимается со-бытие и со-присутствие человека с Другим в каждый конкретный момент человеческой жизни. М. Хайдеггер определяет человека, как «присут-

ствие», а бытие, к которому он относится, как экзистенцию, обладающую ситуативной структурой [Хайдеггер, 2002. с. 21, 52].

Говоря о развитии науки о коммуникации, необходимо отметить немецкого философа Ю. Хабермаса, который является основоположником философской теории коммуникации, и его концепцию коммуникативной рациональности. Ю. Хабермас называет коммуникативными такие интеракции, в которых «их участники согласуют и координируют планы своих действий, при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость, а именно притязанием на истинность, на правильность и на правдивость своих высказываний» [Хабермас, 2001, с. 91-92].

В трактовке У. Матураны и Ф. Варелы экзистенциальная, жизненная, ситуация выступает как коммуникативная ситуация. Приравнивание коммуникативной ситуации к ситуации жизни обосновывается ими тем, что коммуникация вплетена в непосредственное существование всех живых организмов. У. Матурана и Ф. Варела определяют коммуникацию как процесс жизни, как сопряженность живых организмов; она представляет собой «координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства» [Матурана, 2001, с. 171-172].

Большой вклад в разработку метода ситуационного анализа внесли американские ученые Дж. Барвайс и Дж. Перри, создатели ситуационной семантики (situation semantics), альтернативной семантике возможных миров [Barwise, 1983]. В основе данной теории лежат три базовых понятия: установки / настройки на создание ситуации (attunements), принуждения, диктуемые ситуацией (constraints) и частичность / неполнота ситуации (partiality). Ситуация – это часть реальности, которая может быть воспринята как целое и которая взаимодействует с другими ситуациями в открытом ситуационном множестве [Barwise, 1983].

В настоящее время теория коммуникации является довольно развитым направлением исследований в лингвистике. Коммуникация, в ее лингвистическом понимании, – это процесс социального взаимодействия, обмен информацией;

коммуникация осуществляется ее участниками посредством коммуникативных актов, ее единиц [БЭСЯ].

Следует сказать, что само понятие коммуникативного акта возникло в математике, в математической модели связи К. Шеннона и У. Уивера [Devito, 1978]. Во время коммуникации, то есть осуществления коммуникативного акта, происходит передача информации в канале связи при помощи кода, в частности, кодом может выступать естественный язык. Закодированный сигнал проходит по каналу связи от источника информации – того, кто передает сообщение, к приемнику (получателю) – тому, кто принимает информацию [Devito, 1978, с. 27]. Впоследствии передатчик (кодирующее устройство) и приемник (декодирующее устройство) получили в лингвистике название адресанта и адресата.

Эти термины были введены, Р.О. Якобсоном, который предложил лингвистическую модель коммуникативного акта и определил основные механизмы языковой коммуникации. Лингвистическая модель коммуникативного акта, по Якобсону, включает следующие компоненты: адресант, адресат, сообщение, контекст, код и контакт. Речевое сообщение проходит по каналу связи в условиях физического или психологического контакта между адресантом и адресатом. Для того чтобы сообщение функционировало, необходим контекст, воспринимаемый адресантом и адресатом, и код, общий или частично общий для коммуникантов, определяющий их способность кодировать и декодировать информацию [Якобсон, 1975, с. 198].

Данное понимание коммуникативного акта лежит в основе лингвистического понимания коммуникативной ситуации; она представляет собой взаимодействие адресанта и адресата, которые постоянно меняются местами и при помощи коммуникативных актов осуществляют процесс передачи сообщений или обмена сообщениями.

Ситуационный характер коммуникации проявляется в «пространственно-временном соотношении коммуникантов в момент общения, их обоюдном восприятии друг друга» [Куликова, 2009, с. 36].

Исследуя различные аспекты коммуникации, лингвисты подчеркивают ее социальный характер, рассматривая ее как взаимодействие, интеракцию в физическом присутствии общающихся [Леонтьев, 1977; Почепцов, 2001; Макаров, 1998; Олянич, 2003; Стернин, 2002 и др.].

Понятие коммуникативной ситуации соотносится с понятием коммуникативной личности и коммуникативного пространства. Ю.Н. Караулов характеризует основных участников коммуникативной ситуации, исходя из представления о трехуровневой организации языковой личности, основанной на процессах восприятия и понимания. Мотивационному, тезаурусному и вербально-семантическому уровням в смысловом восприятии соответствуют побуждающий, формирующий и реализующий уровни. Побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную информацию и мотивационную сферу и связан с общественной потребностью и индивидуальной заинтересованностью. В силу своей индивидуальности, высший мотивационный уровень языковой личности зависит от коммуникативно-деятельностных потребностей самой личности и включают в себя как личностные, так и общественные потребности, то есть зависит от прагматической установки участников взаимодействия. Отношения между этими потребностями «заданы условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и исполняемых общающимися коммуникативных ролей. Эти отношения образуют свою сеть (сеть коммуникаций в обществе), достаточно устойчивую и традиционную» [Караулов, 2010, с. 53-54]. В связи с изучением языковой личности назрела необходимость изучать саму коммуникативную сеть, характер и содержание коммуникативно-деятельностных потребностей, поскольку бытие человека с Другим имеет ситуативный характер, и от разного типа ситуаций зависит смыслопорождающая и дискурсивная деятельность человека. Как указывает Ю.Н. Караулов, участниками коммуникативной ситуации являются языковые личности, мотивационный уровень которых определен их прагматической установкой.

Понятие коммуникативной сети соотносится с понятием коммуникативного пространства, а само понятие коммуникативного пространства опирается на поня-

тие коммуникативной личности. С.Н. Плотникова определяет коммуникативную личность как языковую личность, участвующую в процессе коммуникации, в реальном или виртуальном взаимодействии с другими людьми, то есть реального адресанта или адресата, и пользующаяся в процессе коммуникации как естественным языком, так и другими семиотическими системами – жестами, музыкой, рисунками и т.п. [Плотникова, 2008, с. 4-5]. Коммуникативная компетенция языковой личности определяется ее способностью порождать сообщения, в виде дискурса, востребованного другими людьми. Когда языковая личность начинает порождать определенный дискурс «в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения», она немедленно становится дискурсивной личностью и создает из производимых ею сообщений дискурсивное пространство. В понимании С.Н. Плотниковой, дискурсивное пространство представляет собой «некую логическую среду, в которую погружен данный человек и которая включает в себя все когда-либо произведенные им дискурсы» [Плотникова, 2008, с. 2]. Понятие языковой личности и языкового пространства С.Н. Плотникова характеризует как наличие первоначальной, стартовой позиции. Языковая личность – это человек, владеющий естественным языком, способный говорить, слушать, читать и писать на нем и сделавший этот язык пространством своего языкового существования [Плотникова, 2008, с. 1]. Переход языковой личности в дискурсивную личность обусловлен превращением первоначальных языковых смыслов во вторичные дискурсивные смыслы. Дискурсивная личность становится коммуникативной личностью, когда она понимает, для какого определенного адресата предназначено данное сообщение.

Если коммуникация имеет экзистенциальную природу, способную поддерживать координированное поведение людей в пределах единого коммуникативного пространства, которое не мыслится без существования языкового и дискурсивного пространства, то коммуникативную ситуацию можно определить как взаимодействие людей, которые владеют общей для них знаковой системой и способны проецировать в коммуникативное пространство значимые для них сообщения.

Каждое коммуникативное взаимодействие языковой личности с другими можно соотнести с какой-либо определенной ситуацией, где она стремится выразить свои коммуникативные, личностные и социальные потребности, но, с другой стороны, на эту ситуацию накладывается общее коммуникативное пространство, поэтому каждая коммуникативная ситуация выступает как отдельный образец, представитель того множества коммуникативных ситуаций, которые образуют устойчивую сеть коммуникаций в обществе.

В понимании природы коммуникативной ситуации необходимо, на наш взгляд, учитывать оппозицию вариант – инвариант. Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности, в то время как вариант – это ее конкретная модификация. Инвариант отображает общие свойства класса объектов, образуемого вариантами, присущие каждому из вариантов, – это сокращенное название класса относительно однородных объектов. Каждый вариант-объект обладает инвариантными свойствами и может быть оценен как «представитель» данного инварианта [БЭСЯ].

Коммуникативная ситуация как инвариант мыслится в виде сосуществования множества ее вариантов: она представлена в коммуникативном пространстве в виде множества экземпляров. «С одной стороны, коммуникативная ситуация всегда конкретна, всегда неповторима. С другой стороны, она всегда выступает как вариант какого-то типа, точнее – ряда типов конкретных ситуаций» [Сахарный, 1989, с. 114].

Исследование коммуникативной ситуации изначально было тесно связано с прагматикой, в фокусе внимания которой находится прагматическое содержание сообщения.

Прагматика, как раздел лингвистики, изучает функционирование языковых знаков в речи. Прагматика рассматривает комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом и их взаимодействием в коммуникации, в ситуации общения. В связи с адресантом изучаются явные и скрытые цели высказывания, типы речевого поведения, установка говорящего, или прагматическое значение высказывания, референция говорящего, то есть отнесение языковых выражений к

предметам действительности, вытекающее из намерения говорящего, прагматические пресуппозиции, отношение говорящего к тому, что он сообщает. В связи с адресатом речи изучаются интерпретация речи, воздействие высказывания на адресата, типы речевого реагирования. В связи с изучением текста (дискурса), прагматика исследует прагматические данные, организованные в форме сценариев, фреймов, моделирующие знание о типичных ситуациях, позволяющие правильно интерпретировать содержание текста (дискурса) [БЭСЯ].

Важные для прагматики понятия «прагматическое значение» и «прагматическое правило» были предложены Ч. Моррисом. Моррис указывает, что в ходе коммуникации люди устанавливают для себя семантические, синтаксические и прагматические правила. В прагматическом измерении семантические и синтаксические правила помогают интерпретировать дискурс. Прагматика определяет закономерности использования знаковых средств в определенных обстоятельствах и ожидание того, что другие будут использовать данные знаки адекватным образом. Ч. Моррис пишет о потенциальной intersубъективности любого значения, воспринимаемого из опыта, и отмечает, что субъективный характер некоторых данных опыта и восприятий в опыте знакового процесса совместим с возможностью объективного и исчерпывающего определения любого значения. Все эти факторы составляют знаковую ситуацию. В знаковой ситуации прагматическое правило человек устанавливает для себя с позиции говорящего, и оно определяет тип его речевого поведения. Соответственно, прагматическое значение имеет субъективный характер и зависит от говорящего [Моррис, 2001 с. 73, 75, 86].

Прагматический характер имеет принцип коммуникации, сформулированный П. Грайсом и известный как Кооперативный принцип / Принцип сотрудничества. Данный принцип разъясняет, как люди взаимодействуют, когда они являются адресантами. Основная цель теории П. Грайса – провести различие между смыслом и его использованием, так как главное назначение прагматики – это понятие пользователя языка, поскольку смысл высказывания зависит от говорящего. П. Грайс определяет дискурс как «разумное поведение», то есть правильное поль-

зование языком, и вводит понятия «тщательности» и «разумности» в употреблении языка. Эти понятия выражаются в адекватности высказываний, так как, по определению П. Грайса, люди разумны от природы и знают, что такое тщательность и разумность. П. Грайс заложил основы анализа беседы и определил условия, которые руководят и управляют беседой. П. Грайс отмечает, что в беседе люди не обмениваются бессвязными репликами; совместная беседа – это кооперативное усилие сотрудничества. Это выражается в том, что в беседе с самого начала сформулирована цель или набор целей, и есть взаимопринятое направление. Благодаря этому знанию, некоторые реплики могут исключаться как совершенно неуместные, как это часто бывает в обычной беседе.

П. Грайс сформулировал свой принцип сотрудничества в форме инструкции для говорящего: делай свой вклад в беседу таким, каким он должен быть, на той ее стадии, на которой нужно, в соответствии с принятой целью и направлением разговора. Эту инструкцию П. Грайс называет Кооперативным принципом, или принципом сотрудничества, и разъясняет ее в четырех категориях (правилах), которые должен соблюдать каждый говорящий в любой коммуникативной ситуации. Каждая категория состоит из максим, известных как максимы Грайса:

1. Категория количества определяет объем информации, которую следует предоставлять собеседнику, и включает две максимы:

А. Делай свой вклад настолько информативным, насколько требуется для цели беседы (не замалчивай, говори столько, сколько нужно);

Б. Не делай свой вклад более информативным, чем требуется (то есть не говори больше, чем требуется); адресат ожидает от собеседника только то, что должно быть сказано.

2. Категория качества подразумевает, что «качественным» является искреннее общение; здесь выделяется супермаксима, требующая сделать вклад правдивым. Она содержит две специфические максимы:

А. Не говори того, что считаешь ложным;

Б. Не говори того, чему у тебя нет соответствующих доказательств.

3. Категория отношения содержит одну супермаксиму:

А. Будь релевантным, то есть говори по теме.

Эта инструкция ставит перед говорящим проблему выбора темы – требуется выбрать правильную тему, говорить по теме и правильно переходить от темы к теме.

4. Категория манеры относится к тому, как говорить, и содержит одну супермаксиму: говори понятно, то есть:

А. Избегай неясности, двусмысленности;

Б. Будь кратким и последовательным, избегай многословия.

П. Грайс сформулировал базовые принципы ответственности говорящего перед слушающим, на которые могут накладываться другие дополнительные максимы эстетического, социального, морального плана. Однако П. Грайс пишет, что не все типы беседы могут подчиняться кооперативному принципу, например ссора, и таким образом, обосновывает возможность отклонения от принципа сотрудничества. В основе теории П. Грайса лежит разумный и тщательный принцип использования языка, где центральное место занимает говорящий, то есть прагматический принцип, от которого зависит дискурс [Грайс, 1985].

Проблемы лингвистической прагматики, в сферу интересов которой входят условия употребления языковых знаков, исследуются в большом количестве трудов [Арутюнова, 1997;1981; Степанов, 1981; Ахманова, 1978; Богданов, 1996; Булыгина, 1981; Гак, 1992; Рыжова, 2007; Grice, 1989; Bach, 2004 и др.].

«В центре внимания прагмалингвистики находится реальный говорящий, осуществляющий свою коммуникативную деятельность каждый раз в новой обстановке, в новом коммуникативно-прагматическом пространстве» [Матвеева, 2015, с. 19]. Ученые, работающие в русле прагмалингвистики, отмечают, что данная наука занимается вопросами отбора говорящими тех языковых форм, которые наилучшим образом оказывают влияние на слушающих, что особенно является наглядным в политических речах, в рекламе и т.д. [Матвеева, 2015, с. 23]. Г.Г. Матвеева подчеркивает, что в реализации коммуникативных действий и актуализации коммуникативного поведения говорящих главное значение принадлежит категории выбора, который рассматривается как «предпочтение говорящего / пи-

шущего из совокупности возможных вариантов высказывания тех из них, которые отвечают его коммуникативным целям и намерениям для достижения оптимального воздействия на получателя текста» [Матвеева, 2015, с. 31]. Таким образом, внимание прагмалингвистики направлено на говорящего субъекта, находящегося в ситуации общения, и его коммуникативные интенции.

Понятие коммуникативной ситуации получило дальнейшее развитие в понятии прагматической ситуации, предложенном Н.Д. Арутюновой. Данное понятие является базовым для нашей диссертации. Н.Д. Арутюнова определяет прагматическую ситуацию как ситуацию, «скрывающуюся» за коммуникативной ситуацией. «За ситуацией коммуникативного плана (говорящий – сообщение – слушающий) скрывается более сложная система поведенческих отношений, межличностных и социальных» [Арутюнова, 1981, с. 361], «прагматическое содержание коммуникативного акта, впитавшее в себя коммуникативную ситуацию» [Арутюнова, 1981, с. 356-357].

Это скрывающееся за коммуникативной ситуацией прагматическое содержание Н.Д. Арутюнова обозначает понятием «прагматическая ситуация» как расширяющим и уточняющим понятие «коммуникативная ситуация». Прагматическая ситуация связана со «структурой внутреннего человека», формируемой в контексте коммуникативного взаимодействия [Арутюнова, 1997, с. 62].

В качестве примера Н.Д. Арутюнова анализирует прагматическую ситуацию стыда. В прагматической ситуации стыда участвуют Я и Другой, последний в этом взаимоотношении занимает привилегированную позицию. Я совершает некоторое ненормативное действие, которое подлежит этической или социо-этикетной оценке со стороны Другого. Я осознает это и начинает смотреть на себя глазами Другого. Он чувствует стыд, ему неловко перед Другим. Стыд, как свойство внутреннего человека, распространяет свое действие на его дискурс, заставляя опускать детали и заменять прямые способы номинации косвенными. Прагматическая ситуация стыда данного человека, таким образом, становится прагмати-

ческой ситуацией и для его собеседника, который вынужден реагировать на проявление стыда [Арутюнова, 1997, с. 64].

Н.Д. Арутюнова ставит проблему изучения различных типов прагматических ситуаций, в которых вскрываются разные прагматические смыслы, связанные со структурой внутреннего человека.

Теорию прагматической ситуации Н.Д. Арутюновой развивает Н.К. Рябцева; она определяет прагматическую ситуацию как дополнительную по отношению к коммуникативной ситуации, участниками которой являются адресант и адресат. Они не просто обмениваются сообщениями, но выступают деятелями, создающими прагматическую ситуацию. Они совершают прагматические поступки, устанавливающие межсубъектные отношения и делающие возможным референцию к ним, и каждый раз совмещают в себе социальные, коммуникативные и прагматические роли. При этом прагматическая ситуация может не совпадать с коммуникативной по месту и времени [Рябцева, 1994].

К термину «прагматическая ситуация» обращается также С.Н. Плотникова, рассматривая прагматическую ситуацию неискренности, связанную с человеком, реализующим особую дискурсивную стратегию; она соотносит прагматическую ситуацию «не со всеми участниками, а с отдельной языковой личностью, реализующей специфические коммуникативные намерения» [Плотникова, 2000, с. 111].

Понятие прагматической ситуации начинает развиваться и в кандидатских диссертациях, в частности, Е.С. Анисимова, исследуя дискурсивную реализацию прагматической ситуации счастья, отмечает, что любая прагматическая ситуация счастья связана с внутренними ощущениями личностного понимания счастья, в ней реализуется внутренняя сущность человека счастливого; прагматическая ситуация счастья представляет собой дискурсивное конструирование счастливого мира для себя и для Другого [Анисимова, 2007].

Е.И. Матвеева моделирует прагматическую ситуацию признания в любви в рамках разных жизненных сценариев и раскрывает прагматический характер ис-

кренного / неискреннего выражения чувств в формировании дискурса человека влюбленного [Матвеева, 2009].

Итак, в теоретической литературе вводится понятие прагматической ситуации, которое уточняет собой понятие коммуникативной ситуации. Суть этого уточнения в том, что на коммуникативную роль – роль адресанта и адресата – накладывается определенная прагматическая роль, например, человека стыдящегося, неискреннего, счастливого, влюбленного и т. п.

На основе анализа теоретической литературы мы принимаем в диссертации следующие определения коммуникативной и прагматической ситуации.

Коммуникативная ситуация – это фрагмент координированного взаимодействия говорящих, поочередно выполняющих коммуникативные роли адресанта и адресата и обменивающихся сообщениями, направленными на осуществление определенной коммуникативной цели.

Прагматическая ситуация – это ситуация, формируемая прагматической мотивацией коммуникантов, включающей как их личностные, так и общественные прагматические установки, в соответствии с которыми коммуниканты принимают те или иные прагматические роли. Прагматическая ситуация вбирает в себя коммуникативную ситуацию, но может и не совпадать с ней по месту и времени.

1.2. Специфика коммуникативной ситуации в социальных институтах

Коммуникативная ситуация в социальных институтах имеет свою специфику, обусловленную сущностной природой институциональной коммуникации.

Институциональная коммуникация как предмет дискурсивного и социолингвистического анализа начинает изучаться в середине XX века, когда в социологии появилось понятие социального пространства и конституирующих его институтов.

П. Бурдьё определяет социальное пространство как жизненное пространство существования людей. Социальное пространство представляет собой абстрактное многомерное пространство, сформированное комплексом подпространств, или

полей (экономическое поле, интеллектуальное, социальное и др.), которые различны по своей структуре благодаря неравному распределению отдельных видов капитала [Бурдьё, 1993, с. 39]. Социальное пространство имеет иерархическую структуру за счет неравномерной дифференциации общества, так как данный процесс зависит от возможности присвоения значительных благ и услуг, то есть от имеющегося у людей капитала. П. Бурдьё подчеркивает, что пространство нашего физического существования является социально обозначенным и сконструированным, то есть физическое пространство есть «социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии» [Бурдьё, 1993, с. 39]. Таким образом, реализованное физически социальное деление представляет собой дифференциацию общества в лице индивидуальных агентов и групп, локализованных физически. По определению П. Бурдьё, люди «являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством, точнее, с полями» [Бурдьё, 1993, с. 33-34]. Поэтому место, которое человек занимает в социальном пространстве, может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам и через позицию ранга в порядке (через структуру расположений социальных позиций).

Объективированные в физическом пространстве социальные пространства стремятся наложиться друг на друга. Следствием этого является концентрация наиболее дефицитных благ и их собственников в определенных местах физического пространства, что приводит к борьбе за пространство, осуществляемое как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, в частности через политическую борьбу, которая разворачивается на местном и на государственном уровнях. Преимущество в борьбе, осуществляемой в различных полях, зависит от наличного капитала, который позволяет сближаться с желательными людьми и держать на расстоянии людей нежелательных. Результатом является пространственное господство привилегированных групп и манипулирование распределением групп в

социальном пространстве, а также возможность сохранять или трансформировать социальный мир [Бурдьё, 1993].

Согласно теории П. Бурдьё, социальный мир может быть представлен в форме многомерного пространства, обладающего иерархической структурой, где осуществляется борьба между социальными институтами за власть, власть владеть капиталами, и как следствие – возможность изменять мир. Человек, располагаясь в социальном пространстве относительно других людей, занимает место, которое определяет характер его взаимоотношений с другими людьми и выполнение его социальной роли.

Понятие социального пространства в настоящее время используется в лингвистике для исследования коммуникативного пространства, коммуникативных процессов и различных типов коммуникативных ситуаций, конструируемых в различных социальных сферах жизни людей – социальных институтах.

Понятие института (социального), возникшее в социологии, определяется как «установленный порядок правил и стандартизованных моделей поведения. <...> Социальный институт относится к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется нормами и ролями. <...> Институционализация касается процесса, посредством которого разрабатываются и реализуются предназначенные для различных социальных установок нормы и роли» [БТСЛ]. Институциональные роли воплощаются в различных институциональных ситуациях.

Понятие социального института рассматривается также в философии – «как относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества» [ВЭФ].

Философы отмечают, что социальные институты и социальные структуры поддерживаются благодаря действиям и выбору людей в институциональных ситуациях и тому давлению мотивационных структур, с которыми они сталкиваются. Институциональные ситуации, в свою очередь, зависят от других институтов и поведения других людей. Р. Нозик сравнивает социальные институты с большой

мозаикой, где каждая часть подходит только к тому свободному месту, которое было оставлено другими частями. Таким же образом в социальных институтах действия каждого члена исполняются только в пределах заданной институциональной ситуации – заданного пространства принуждения (давления) и мотивации (стимула), которое было оставлено действиями других. Р. Нозик подчеркивает, что институты будут сохранять преемственность, если они способны воспроизводить себя в союзе с другими институтами; это означает, что они способны создавать рациональные институциональные ситуации и рациональных членов, восприимчивых к определенным видам мотивации (стимула) и придающих значение определенным видам принуждения (давления). Выживают только те институты, которые набирают, обучают, дают стимул (мотивацию) новым людям, чтобы они взяли на себя те функции, которые необходимы для их непрерывности. Институты существуют только в сотрудничестве с другими институтами. Деятельность одного института обеспечивает деятельность другого. В тоже время это избирательный процесс: те институты, которые не воссоздают себя, то есть не воссоздают свои институциональные ситуации, не выживают [Nozick, 1993, p. 125].

Исходя из вышеизложенного, мы принимаем в диссертации следующее определение институциональной ситуации.

Институциональная ситуация – это воссоздаваемый в рамках того или иного социального института фрагмент взаимодействия людей, выполняющих определенные институциональные роли.

Институты воссоздают себя, свои институциональные ситуации, в первую очередь, посредством коммуникативной и дискурсивной деятельности, на что впервые указал М. Фуко, который заложил основы теории институциональной коммуникации. Он отмечает, что процесс институционализации, формирующий социальные институты, не только стандартизирует правила и модели поведения, предписывая различные социальные роли, но и контролирует их реализацию на вербальном уровне. Функционирование дискурса в социальном пространстве характеризуется тем, что дискурсы контролируются институтами и институционально обусловлены [Фуко, 1994; 1996]. В любом обществе производство или

воспроизводство дискурсов опирается на институциональную поддержку. Дискурсы контролируются и подвергаются строгому отбору с помощью институционально принудительных процедур. «Дискурс – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [Фуко, 1996, с. 52]. М. Фуко понимает дискурс как «насилие, которое мы совершаем над вещами, как некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности» [Фуко, 1996, с. 80]. Таким образом, институты имеют тенденцию навязывать свои дискурсы обществу, устанавливая надзор и контроль над порядком вещей. Институты присваивают себе право выражать свою волю, свою власть через дискурсы.

В конце 70-х годов XX века начинает развиваться критическая лингвистика, рассматривающая использование языка в различных социальных институтах [Fowler, Kress, Hodge 1979]. Анализ языкового поведения в социально значимых ситуациях позволил установить наличие связи между языковой и социальной структурами, и тем самым доказать, что дискурс имеет социальное значение и что дискурс и общество представляют собой диалектически взаимосвязанные сущности [Водак, 2011].

Определяя роль текста (дискурса) в организации общества, М. Пешё утверждает, что «существуют институты (юридические, экономические и т.д.), с которыми можно соотносить тексты (дискурсы)» и что понятие социального института в этом случае является «значимым для формирования представления о данном объекте», поскольку существует конвенционально заданный способ говорить о заданном объекте [Пешё, 1999, с. 308-310]. М. Пешё воспринимает дискурс как часть «действующего механизма», принадлежащую системе норм, и соотносит его с определенным местом «внутри данной общественной формации», подчеркивая, что «специфически характерные условия порождения дискурса зависят от речевой ситуации и положения главных действующих лиц дискурса в данной социальной структуре» [Пешё, 1999, с. 331].

В несколько иных терминах об этом же пишет Н. Фэарклоф, который указывает, что «социальный институт – это аппарат вербального взаимодействия <...> Каждый институт имеет свой собственный набор речевых событий, собственные дифференцированно заданное место действия с набором участников и набором норм для их объединения». Он рассматривает институты как одновременно способствующие и сдерживающие социальные действия его членов. Институты обеспечивают их рамкой, без которой они не могли бы действовать, но она, таким образом, принуждает их действовать внутри заданного сценария [Fairclough, 1995, p. 38]. Использование когнитивных терминов «фрейм» и «сценарий» показывает, что участники включаются в нужный сценарий, содержащий знание участников об условиях коммуникации и о том, что они должны делать в определенной институциональной коммуникативной ситуации. Дискурс создает свои собственные конвенции, придавая смысл реальности, поскольку он регулирует или исключает определенные способы размышления и действия, то есть институт существует, когда санкции достаточно сильны [Fairclough, 1992; Phillips, 2004].

Таким образом, институты – это социальные структуры, в образовании которых дискурс принимает самое непосредственное участие: все институты являются в определенной степени дискурсивными продуктами. В свою очередь, институционализация – это социальный процесс, с помощью которого институты дискурсивно производятся и воспроизводятся и который заставляет индивидов принять общее определение социальной реальности; именно она дает законную силу институтам. Социальные институты функционируют, развиваются, производятся, воспроизводятся благодаря деятельности дискурсивных личностей.

М. Фуко в своих трудах противопоставляет институциональный дискурс частному дискурсу, то есть дискурсу, производимый в социальных институтах, в качестве своей противоположности предполагает дискурс, производимый людьми в их частной жизни.

В нашей стране ведущим исследователем в этой области является В.И. Карасик, который выделяет два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный дискурс (статусно-ориентированный); системообразующим признаком последнего является статусная, представительская функция человека, являющая собой институциональное общение, то есть «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [Карасик, 2002, с. 193]. Применительно к современному социуму В.И. Карасик выделяет следующие виды институционального дискурса: политический, административный, юридический, медицинский, массово-информационный военный, педагогический, рекламный, религиозный, мистический, деловой, спортивный, научный, сценический и др.

Институциональный дискурс, по определению В.И. Карасика, – это «специализированная, клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 195]. Для определения типа дискурса учитываются статусно-ролевые отношения, которые выделяются на основании двух признаков: целей и участников общения; также принимается во внимание иерархия участников институционального дискурса: агент – клиент – маргинал. Поскольку институциональность носит градуальный характер, то основой институционального дискурса является общение базовой пары неравных по статусу участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, врача и пациента, но вместе с тем выделяется общение равных по статусу собеседников, например, общение учеников между собой. На периферии институционального общения находится взаимодействие представителей института с человеком, не относящимся к этому институту [Карасик, 2002, с. 204]. В.И. Карасик подчеркивает, что дискурс представителей социальных институтов определен характером (типом) коммуникативной ситуации. В институциональном дискурсе коммуниканты, высту-

пая в качестве представителей определенной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией [Карасик, 2002, с. 199].

В русле школы В.И. Карасика проведены многочисленные исследования дискурса, в которых установлено, что основной характеристикой институционального дискурса является организующая функция общения. Функции институционального дискурса регулируются системой ценностей, как определенного социума, так и отдельной общественной группы, что и отражается в правилах поведения.

В частности, Л.С. Бейлинсон связывает возникновение социальных институтов в обществе с «выполнением важнейших функций общения, организации социума как целостного образования с иерархической структурой», основными участниками которого являются его представители – агенты и клиенты [Бейлинсон, 2009, с. 143]. Она выделяет четыре основные функции институционального дискурса (перформативная; нормативная; презентационная; парольная) и рассматривает различные виды коммуникативных действий в зависимости от данных функций, которые уточняются в типах и жанрах институционального дискурса, например, в жанре «парламентские дебаты» в рамках политического дискурса или в жанре «урок» в рамках педагогического дискурса. По мнению Л.С. Бейлинсон, дискурс-анализ строится в зависимости от жанра; жанр – это исторически сложившийся текстотип. Кроме того, она подчеркивает, что в основе каждого институционального дискурса лежит система ценностей, не выраженная явно, но реконструируемая при анализе высказываний, содержащих явную или имплицитную оценку [Бейлинсон, 2009, с. 144-145].

В.А. Митягина соотносит формирование современных традиций стандартизированного коммуникативного поведения, свойственных современным институтам, с эпохой расцвета буржуазии: «В буржуазном «микрокосме» правила вербального поведения стали выполнять функцию социальной компетенции. Эпоха определила актуальность целерациональных и ценностно-ориентированных действий: институты гражданского общества получили дискурсивное оформление и,

как следствие, возможность последовательного, константного развития во времени и пространстве» [Митягина, 2008, с. 25]. Как указывает В.А. Митягина, в это время появилось «новая форма общественной жизни» – институт салона: «Светская беседа выступила основой дискурса и коммуникативной идентификации целого класса, атрибуты ее осуществления образовали семиотическую систему, которая была призвана демонстрировать статус, принадлежность к определенному кругу» [Митягина, 2008, с. 25].

М.Ю. Олешков, в свою очередь, выделяет основные системообразующие признаки институционального дискурса: 1) статусно квалифицированные участники; 2) локализованный хронотроп; 3) конвенционально обусловленная в рамках данного социального института цель; 4) ритуально зафиксированные ценности; 5) интенционально закрепленные стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях); 6) ограниченная номенклатура жанров; 7) жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) [Олешков, 2012, с. 8].

Новое понятие в изучении институционального дискурса предлагает Л.В. Куликова – понятие коммуникативного стиля в разных типах институциональной коммуникации; коммуникативный стиль имеет свои значимые закономерности для коммуникации в группах. Ученый указывает, что «речевое взаимодействие внутри социальных групп или институтов, в ходе которого люди реализуют свои статусно-ролевые возможности, представляет собой не что иное, как институциональную коммуникацию с присущим ей стилем» [Куликова, 2009, с. 38]. Коммуникативный стиль рассматривается в качестве конституирующей основы для любой организации или института. Кроме того, подчеркивается, что в коммуникации проявляется коллективное когнитивное пространство, оно соотносится с «определенным видом институции, которому свойственен конкретный институциональный тип дискурса», что отражается в особенностях коммуникативного стиля данного дискурса [Куликова, 2009, с. 49-50].

Л.В. Куликова выдвигает также проблему исследования дискурсивных практик институциональной коммуникации в эпоху технологизации и глобализации коммуникации [Куликова, 2015].

Итак, в отечественной лингвистике установлено, что любой институциональный дискурс, осуществляемый общественными институтами, представляет собой важную составную часть функционирования этих институтов; при этом реализуются две основные роли участников институционального общения – роль агента (представителя определенного института) и роль клиента (того, кто обращается в этот институт). Агенты и клиенты действуют согласно заданному сценарию и их институциональной и коммуникативной роли. Институциональные и коммуникативные роли участников взаимодействия определены их статусом, который дает им право занимать привилегированную позицию или позицию подчинения. Внутри таких групп возникают различного типа коммуникативные ситуации, которые имеют свою особую специфику, реализуемую на вербальном уровне.

Современные западные исследователи институционального дискурса ведут работу, в основном, в социолингвистическом русле. Так, А. Мейер и её школа, используя теоретическую рамку критического анализа дискурса, детально изучают взаимосвязь языка и институтов в таких контекстах (заданных «обстановках» / settings), как медиадискурс, военный, тюремный, юридический (дискурс защиты), дискурс высшей школы. «Институты практикуют политику и власть через своих членов, так как институты формируются с помощью дискурсов, а те, в свою очередь, способны создавать и навязывать дискурсы со своими институциональными ценностями, смыслами и точками зрения» [Mayer, 2008, p. 1-2]. Таким образом, институты продвигают и придают законную силу дискурсам в современном обществе. Социальные институты ищут пути узаконить свои собственные интересы и существование через дискурсы, с помощью которых они трансформируют и пересогласовывают социальные практики.

Мейер говорит о специфическом институциональном дискурсе, который доминирует в современном обществе, – это коммерческий дискурс, поддержива-

ющий экономическую модель, как образец не только для производственных предприятий, но и политических, социальных сфер, например, здравоохранения; он формирует в них коммерческую культуру [Mayer, 2008, p. 3]. В этом процессе язык играет значимую роль, так как является «стимулятором знания», генерируя новое знание о мире и о том, как люди должны действовать в этом мире, например, на рабочем месте. Институты играют существенную роль в конструировании реальности, так как их дискурсы наделены властью дать существование той самой реальности, которую они предъявляют к описанию.

Несмотря на большую изученность институционального дискурса в целом и его отдельных типов, в частности, исследователи обратили внимание на то, что рассматривается, в основном, дискурс между представителями институтов и клиентами, а дискурс между самими представителями институтов остается мало изученным [Agar, 1985, p. 164].

В настоящее время появляются исследования институционального дискурса в русле разговорного анализа, в которых анализируются некоторые коммуникативные взаимодействия в рамках определенных коммуникативных ситуаций, имеющие специфически институциональный характер, что обусловлено коммуникативными ролями участников и формирует их коммуникативное поведение, например, звонок в полицию, разбирательство в суде, интервью, рабочее совещание. В фокусе внимания исследователей при этом находятся цели взаимодействия участников, как более ограниченные и институционально специфичные и природа их вклада во взаимодействие [Drew, 1992; Heritage, 1998]. В нашей стране в рамках этого направления выполнено исследование С.Б. Белецкого, который анализирует разговорный дискурс коммуникативного жанра «собеседование», рассматриваемого как контекст общения в ситуации заботы через запрет. Институциональной сферой общения данного жанра является сфера деловых отношений, основной целью данной формы институциональной коммуникации является отбор претендентов на открытые вакансии [Белецкий, 2010].

Итак, исследование институциональной коммуникации в рамках различных социальных институтов осуществляется в двух направлениях: анализируется либо

взаимодействие между представителями институтов (агентами) и теми, кто туда обращается (клиентами), либо взаимодействие между представителями самих институтов. Поэтому специфика институциональной коммуникации определяется двумя типами коммуникативных ситуаций: коммуникативные ситуации между представителями институтов и теми, кто туда обращается, и коммуникативные ситуации между представителями самих институтов. Если коммуникативные ситуации первого типа уже достаточно исследованы, то дискурс профессиональных групп в институциональной коммуникации до сих пор остается малоизученным. Именно такой профессиональной группой и является группа политиков, участвующих в парламентских дебатах. Коммуникативные ситуации внутри такой группы требуют специального рассмотрения.

1.3. Современное понимание политического дискурса и политической коммуникации

Политическая коммуникация и политический дискурс уже достаточно хорошо изучены; их изучение изначально началось в рамках исследования взаимодействия дискурса и власти в русле критического анализа дискурса; его целью является анализ неявных, скрытых отношений дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке [Dijk 1989; 2013; Wodak 1989; Fairclough 1989; Fairclough, Kress 1993 и др.].

В сфере интересов критической лингвистики и критического анализа дискурса основным направлением является критическое изучение ситуаций социального неравенства и их дискурсивной реализации; исследование ситуаций проявления власти и идеологии, последняя понимается как система мнений и убеждений, выдвигаемая группой, которая имеет власть. Исследователи принимают во внимание тот факт, что в структуре дискурса отражается ситуативное проявление доминирования, законодательно закрепленного идеологиями групп, имеющих власть [Водак, 2011].

Главное понятие критического анализа дискурса – это понятие социальной власти групп или социальных институтов, реализуемой в разных типах ситуаций.

Т. ван Дейк определяет социальную власть с точки зрения осуществления контроля за текущей ситуацией. Группы имеют больше или меньше власти, если они способны в большей или меньшей степени контролировать действия и мышление членов других групп в различных коммуникативных ситуациях. Власть предполагает привилегированный доступ к дефицитным социальным ресурсам, таким как сила, деньги, статус, слава, знание, информация, или различным формам публичного дискурса и коммуникации [Dijk, 1996]. Власть доминирующих групп закреплена в законах, правилах, нормах, обычаях – это власть доминирующего дискурса. Этот процесс охватывает ежедневные коммуникативные ситуации институционального характера. Например, учителя контролируют педагогический дискурс, журналисты – медиадискурс, юристы – законодательный, политики – политический и другие формы общественно-политического дискурса.

Коммуникативные ситуации в сфере политической коммуникации объединяет то, что все они направлены, прежде всего, на установление и поддержание социальной власти. Этот принцип распространяется и на концептуальную структуру политического дискурса, в которой актуализируются два центральных концепта политического дискурса – «власть» и «политик»; они представляют собой базовые ценностные координаты знакового пространства политического дискурса [Шейгал, 2004, с. 96].

Ситуации политической коммуникации представляют собой «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 23]. Политическая коммуникация, как тип институциональной коммуникации, который осуществляется в рамках отдельных политических институтов, характеризуется статусно-ориентированной ролью ее участников. Особенностью политической коммуникации является тот факт, что клиент, как правило, массовый, реже – групповой, еще реже – индивидуальный, в то время как в других социальных институтах клиент, в основном, индивидуальный, реже – групповой или массовый. Согласно теории Е.И. Шейгал, политическая коммуникация представляет собой не только взаимодействие представителей институтов и их клиентов (политиков и населения), но и общение между представи-

телями внутри политических институтов, то есть взаимодействие между политиками (в парламенте, правительстве, партии и т. д.). Если в первом случае коммуникация отдельных членов общества, осуществляемая в политических институтах, не всегда предполагает ответные действия со стороны их представителей, то есть преобладает субъектно-адресатный вектор общения между агентами и клиентами, то во втором случае коммуникация носит двунаправленный характер, но не всегда является равностатусной [Шейгал, 2004, с. 23, 42-44]. В целом, содержание ситуаций политической коммуникации сводится к публичному обсуждению трех фундаментальных вопросов: а) распределение общественных ресурсов; б) контроль за принятием решений / право принимать решения; в) применение санкций [Шейгал, 2004, с. 23].

Политический дискурс, функционирующий в рамках политической коммуникации представляет собой сложное многомерное образование, жанровое пространство которого состоит из многочисленных жанров, образующих сеть множественных пересечений [Шейгал, 2004, с. 232].

Е.И. Шейгал подходит к определению политического дискурса широко и включает в него как институциональное (статусно-ориентированное), так и лично ориентированное общение. Исходя из данного определения, в качестве одного из параметров структурирования жанрового пространства политического дискурса она рассматривает степень институциональности, согласно которой политическая коммуникация представлена как институциональная (публичная) и межличностная (приватная) [Шейгал, 2004, с. 240].

Кроме того, Е.И. Шейгал соотносит понятие жанра с понятием речевого события и определяет его как форму речи, как часть того или иного события. Все события политической жизни она делит на циклические (ритуальные), календарные (текущие) и спонтанные. Циклические политические события происходят регулярно, в определенное время, по определенному, жестко установленному графику и достаточно жестко регламентированному сценарию (выборы и предшествующие им предвыборные кампании, церемония инаугурации, очередные съезды партии, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию и дру-

гие); календарные события планируются заранее и заносятся в политический календарь, они относительно предсказуемы, но характеризуются вариативностью по таким параметрам, как место, время или участники события (к ним относятся: встречи депутатов с избирателями, парламентские слушания, визиты политических деятелей, переговоры); спонтанные политические события не планируются, и их невозможно предсказывать, они представляют собой реакции на текущую политическую ситуацию – это митинги, пикеты и демонстрации, политические кампании (протеста или поддержки), акции гражданского неповиновения, политические скандалы, референдумы. Таким образом, политические события являются коммуникативно сложными и состоят из различных типов ситуаций [Шейгал, 2004, с. 242].

Политическая коммуникация, конституирующие ее ситуации взаимодействия анализируются в их соотношении с типами политического дискурса.

Е.И. Шейгал указывает, что подобно любому другому дискурсу, политический дискурс представляет собой полевую структуру, в центре которой находятся жанры, прототипные для данного типа дискурса (то есть первичные дискурсы, не переплетающиеся с другими типами дискурса), а на периферии – маргинальные жанры (то есть вторичные дискурсы), сочетающие в себе разные типы дискурса. К прототипным (первичным) жанрам относятся «жанры институциональной коммуникации, составляющие основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т.д.». К маргинальным (вторичным) жанрам относятся жанры бытового общения, так называемые «разговоры о политике», они представляют собой «комментирование, обсуждение, интерпретацию, одним словом, реакцию на действия (в том числе и речевые), совершенные политиками». К этой же сфере относятся такие жанры, как интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и другие [Шейгал, 2004, с. 244-245].

Мы принимаем теорию политической коммуникации и политического дискурса Е.И. Шейгал в качестве базовой для нашей диссертации и будем в дальнейшем опираться на изложенные выше теоретические положения и определения.

Мы также будем опираться на понимание политической коммуникации и политического дискурса, предлагаемое в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов.

В.Н. Базылев определяет политический дискурс как разновидность идеологического дискурса, различие между ними состоит в том, что «политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен» [Базылев, 2005б, с. 13]. В.Н. Базылев характеризует политический дискурс как некую «семиосферу коммуникативных практик», рассматриваемых в реальном и виртуальном аспектах. Ученый подчеркивает, что в реальном измерении они представляют собой «дискурсные события, текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, обладающую признаком процессности и связанную с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание некоторой коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов» [Базылев, 2005б, с. 14]. В.Н. Базылев подчеркивает, что кроме семиотического пространства к потенциальному пространству дискурса относятся представления о типичных моделях вербального поведения и набор коммуникативных (речевых) действий и жанров, специфических для определенного типа коммуникации [Базылев, 2005б, с. 14] .

Таким образом, кроме коммуникативного пространства при анализе политического дискурса следует учитывать понятие семиотического и жанрового пространства.

По мнению В.З. Демьянкова, такие свойства политического дискурса, как полемичность, а также театральность, порой напоминают театральную постановку, так как политики прибегают к тщательному отбору языковых средств. Как отмечает В.З. Демьянков, полемичность направлена на «внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего и на навязывание иных цен-

ностей и оценок», а эффективность политического дискурса состоит в том, чтобы «убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков, 2002 с. 34-36]. Кроме того, исследование политического дискурса связано не только с такими базовыми концептами, как «власть», «воздействие» и «авторитет», но и с анализом формы, задач и содержания, употребляемого в определенных политических ситуациях [Демьянков, 2002 с. 33].

Л.В. Куликова отмечает, что в политическом дискурсе в соответствии с интенцией политика актуализируются номинации, которые выполняют функции «модификации, утверждения или поляризации установок адресата», при этом целью политика является не изменение мнения или позиции адресата, а стимулирование его обратной ответной реакции. «Политическое словоупотребление является важным инструментом дискурсивной деятельности политика, отражая процессы многочисленных селективных решений, принимаемых политиком, суть которых заключается в прагматике основного вопроса: Как обозначить – что – для кого – в какой коммуникативной ситуации?» [Куликова, 2009, с. 206-207].

Исследователи также отмечают, что политический дискурс маркируется ярко выраженной поляризацией «свои – чужие» [Куликова, 2009; Детинко, 2013], оценкой политического противника с позиции своей группы: «наш – не наш» [Базылев, 2005, с. 16].

П. Чилтон выделяет несколько функций, характерных для политического дискурса и охватывающих разного типа коммуникативные ситуации – от конфиденциальных разговоров до официальных заявлений. Эти функции включают в себя: привлечение внимания к политическим ситуациям, определение этих ситуаций через установление связи между новым событием и уже известной причиной или аналогичным событием, создание и поддержание определенного видения мира, следование определенным политическим убеждениям, выражение определенных настроений, стимулирование невербальных действий, использование слов в качестве действий и использование слов в качестве символических заменителей действий (например, обещания, заверения и т. п.) [Chilton, 2002].

А.Н. Баранов определяет политическую коммуникацию как «совокупность дискурсивных практик», которая включает в себя устойчивые наборы языковых средств, свойственные определенному политическому субъекту, и характерные темы политической коммуникации. Дискурсивные практики идентифицируют участников политического дискурса и формируют конкретную тематику политической коммуникации [Баранов, 2001, с. 245-246]. Политическим институтам свойственны определенные обсуждаемые темы и набор средств, которые позволяют отнести автора к тому или иному институту.

А.П. Чудинов подчеркивает, что дискурсивный подход к изучению политических текстов (дискурсов) помогает рассматривать каждый конкретный текст (дискурс) в контексте политической ситуации, в которой он создан, в соотношении с другими текстами (дискурсами), учитывая целевые установки, политические взгляды и личностные качества политика, а также специфику восприятия этого текста (дискурса) различными людьми [Чудинов, 2006, с. 7].

В зависимости от особенностей реализации политической коммуникации, А.П. Чудинов выделяет четыре ее уровни: 1) аппаратная (служебная, внутренняя) политическая коммуникация, ориентированная на общение внутри государственных или общественных структур; такая коммуникация предназначена только «для посвященных», формальным признаком здесь служат грифы «секретно», «для служебного пользования»; 2) политическая коммуникация в публичной политической деятельности, которая является формой осуществления профессиональной и общественной деятельности политических лидеров; 3) политическая коммуникация, осуществляемая журналистами; такая коммуникация рассчитана на массовую аудиторию; 4) политическая коммуникация рядовых граждан, не являющихся профессионалами в данной области, деятельность которых осуществляется в процессе митингов, демонстраций, различных собраний [Чудинов, 2006, с. 36-37].

Таким образом, анализ теоретической литературы показывает, что особенности политической коммуникации позволяют рассматривать ее с точки зрения реализации в ней разных типов коммуникативных ситуаций, которые характеризуются конкретной тематикой политического дискурса и конкретным набором

языковых средств, то есть особым содержанием и спецификой его языкового выражения.

Разнообразие коммуникативных ситуаций в сфере политики ставит перед нами проблему выбора того их типа (инварианта), который мы будем анализировать. Мы выбираем для последующего практического анализа институциональную и коммуникативную ситуацию «парламентские дебаты» и производимый в ее рамках дискурс. Это прототипический жанр политической коммуникации, составляющий основу политической деятельности. Политические дебаты – это коммуникация в рамках публичной сферы, она не предназначена только лишь для «посвященных» и имеет большую общественную значимость. Лингвистические параметры ситуации принятия решения в ходе парламентских дебатов, несомненно, заслуживают рассмотрения.

1.4. Парламентские дебаты через призму ситуационного анализа

Ситуационный критерий анализа политической коммуникации предполагает выделение инварианта, лежащего в основе множества вариантов – конкретных ситуаций определенного типа.

На наш взгляд, ситуации, развертывающиеся в ходе парламентских дебатов, объединяет одно общее, инвариантное свойство – это разговорная деловая деятельность представителей политических институтов.

Однако дебаты – это не единственный «разговорный» тип политической коммуникации. Начинают появляться разработки и других «разговорных» типов в русле ситуационного подхода. Проведен анализ ситуаций коммуникации между президентом и сотрудниками Белого дома в современном и историческом аспектах [Witherspoon, 1991]; коммуникации внутри правительственных групп [Miller, 1993]; профессиональной коммуникации между политиками и консультантами [Friedenberg, 1997]; межличностной коммуникации во время проведения политических кампаний [Trent, 2000].

Объединяя данные «разговорные» типы политической коммуникации с парламентскими дебатами, следует отметить, что совместную коммуникативную деятельность профессиональных политиков следует рассматривать не только в плане сущностных характеристик политического дискурса (борьба за власть), но и с точки зрения делового дискурса, поскольку «разговорный» политический дискурс является одновременно и деловым дискурсом. Именно данный критерий сближает парламентские дебаты с другими «разговорными» институциональными ситуациями в политической коммуникации.

В деловой коммуникации важен процесс взаимодействия деловых партнеров, направленный на организацию и оптимизацию того или иного вида предметной деятельности: производственной, научной, педагогической и пр.; эта деятельность осуществляется в трех основных формах: монологической, диалогической и полилогической. Поскольку предметом общения в деловой коммуникации является деятельность (дело), следовательно партнер по общению выступает как личность, значимая для Другого [Панфилова, 2001, с. 15-16].

Парламентские дебаты не только носят деловой характер, также важно сотрудничество и стремление к сближению целей, выработка в них равных партнерских отношений. На наш взгляд, равные, партнерские отношения между коммуникантами является вторым инвариантным свойством ситуации парламентских дебатов.

Деловой профессионализм политиков чрезвычайно важен, так как парламентские дебаты служат «источником передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами» [Шварценберг 1992, с. 174].

В связи с этим политический дискурс, производимый во время политических дебатов, можно рассматривать как профессиональный дискурс, то есть как специальность или необходимый атрибут специальности. Профессиональная речь порождается профессионально пишущими (писателями, учеными, публицистами,

юристами и т.д.) и профессионально говорящими (учителями, лекторами, врачами, юристами, руководителями и т.д.). Профессионалы – это «широкий круг носителей языка, к которому относятся и более и менее образованные люди самых разных специальностей и занятий – руководители предприятий и учреждений, работники торговли, органов правосудия и милиции, хозяйственные работники и пр.» [Винокур 1993, с. 118]. Т.Г. Винокур подчеркивает, что профессионалу свойственно присутствие на рабочем месте в определенное время, в связи с чем его речевое поведение квалифицируется как «служебное» [Винокур, 1993, с. 119].

Парламентариев, несомненно, отличает подобное «служебное» поведение и профессиональный политический дискурс. Участвующие в дебатах политики составляют профессиональную группу, локализованную в пространстве, которая определяется как постоянная, обязательная и формальная социо-группа [Макаров, 1998]. Политики присутствуют на рабочем месте – в парламенте, в Думе, и их дискурс носит заданный характер – он организован в форме полилога. То есть, третьим инвариантным свойством политических дебатов является то, что они представляют собой профессиональную / деловую / служебную коммуникацию.

Парламентские дебаты представляют собой взаимодействие, в основном, равных по статусу представителей власти. Каждый говорящий выполняет социальную роль, роль политика, и реализует свои статусно-ролевые возможности через отношение доминирования или подчинения, действуя согласно заданному сценарию, в частности, сценарию принятия решения.

Рассмотрим жанровые характеристики, свойственные парламентским дебатам, которые уже получили освещение в теоретической литературе.

Парламентские дебаты как жанр политического дискурса начал привлекать внимание исследователей сравнительно недавно. Детальное исследование сущности парламентских дебатов провел Т. ван Дейк. Он определяет данный жанр как «частное проявление глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Такие дебаты включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функцио-

нируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему» [Дейк, 2013, с. 228]. Т. ван Дейк выделяет следующие специфические характеристики жанра «парламентские дебаты»: политическая сфера, институт парламента, законотворчество как социально-политическая деятельность, выполняющие различные роли участники (политики, члены партий, правительства, члены парламента, представители оппозиции и др.), локальные действия, такие как защита или критика законопроекта, выступление с речью, критика правительства, атака оппонентов и т.д. [Дейк, 2013, с. 145]. Парламентские дебаты представляют собой жестко структурированный политический дискурс, где организовано чередуются выступления политиков. Каждый выступающий выполняет определенную политическую роль, говорит по определенной теме и высказывается «за» или «против» ряда обсуждаемых проблем. Главной целью таких выступлений является легитимация принимаемых решений. Характерная особенность парламентского дискурса состоит в том, что речи парламентариев предназначены для протоколов, то есть они подробно записываются и представляют собой официальные записи (Hansard), поэтому в них исключаются спонтанные формы взаимодействия, такие как наложение речи одного говорящего на речь другого, поправки, незавершенные предложения [Дейк, 2013, с. 228].

Т. ван Дейк соотносит воспроизводство политической информации с воспроизводством политического дискурса по причине тесной связи между политическими действиями, участием в политических процессах, с одной стороны, и коммуникацией и дискурсами с другой стороны. Он разделяет политическое пространство на три уровня: нижний уровень, который формируется из политических агентов и их дискурсов, убеждений и действий в политических ситуациях; средний уровень – из политических групп и институтов и их репрезентаций, дискурсов и интеракций; а высший уровень состоит из политических систем и их абстрактных репрезентаций, порядков дискурсов, социологических, культурных и исторических процессов. Каждый уровень формируется на основе предыдущего и

характеризуется наличием многоуровневых связей, которые реализуются в социальном пространстве одновременно [Дейк, 2013, с. 192-193]. Поэтому речь политика в парламенте рассматривается с точки зрения воспроизводства индивидуальных когнитивных установок в определенной политической ситуации, но в то же время выступающий произносит речь от имени партии, выражая позицию и идеологию своей группы, вступает в оппозицию с другими партиями, но одновременно воспроизводит систему парламентской демократии и подразумевает в своей речи существование общепринятых культурных норм, знаний, ценностей, разделяемых всеми группами в рамках определенного исторического этапа единой культуры. Поэтому при анализе политической коммуникации необходимо учитывать комплексность взаимоотношений между индивидуальным, социальным и конвенциональным уровнями.

Т. ван Дейк подчеркивает, что парламентские дебаты представляют собой «тип дискурсов, в основу которых положено убеждение. В рамках данных дискурсов члены парламента принимают политические позиции и роли, выражают свои мнения и атакуют своих оппонентов. Все это происходит в рамках аргументативных структур – наиболее характерных схематических структур парламентского дискурса» [Дейк, 2013, с. 220]. В парламентских дебатах дискурс парламентариев изобилует оценочными суждениями, основанными на нормах, ценностях, их политических убеждениях и идеологии, которые они используют для конструирования индивидуальных моделей (видений) текущей ситуации, имеющих стратегический характер, с целью повлиять на процесс политических решений (направленный на стимулирование процесса принятия парламентских решений в отношении определенного законопроекта). Основной стратегией аргументативных ходов является положительная (позитивная) саморепрезентация и отрицательная (негативная) репрезентация других (в качестве других могут выступать члены оппозиционных партий, защищающих противоположную точку зрения) [Дейк, 2013]. Роли и идентичности участников определенной коммуникативной ситуации индексируются местоимениями «мы», «они», ритуальными обращения-

ми «мой уважаемый друг», которые представляют собой стратегии включения и исключения участников коммуникации в определенные группы. Этого эффекта они достигают, используя дискурсивную поляризацию «мы vs они», дейктические выражения, лексические, синтаксические, звуковые, визуальные, риторические средства, с помощью которых они подчеркивают или нивелируют определенные значения. Все эти специфические значения имеют эффект фрейма (сценария), который запускает механизм когнитивных репрезентаций, стратегий, установок, идеологий, направленный на конструирование выгодной политической ситуации [Дейк, 2013, с. 223].

Итак, парламентские дебаты являются публичными и официальными; их организация жестко контролируется.

Рассмотрим, в каких аспектах в различных диссертационных работах подвергались лингвистическому исследованию парламентские дебаты. Были исследованы: лингвостилистические средства аргументации в дискурсе парламентариев [Куликова, 1989]; традиции российского парламентского красноречия, ораторское искусство и типичные ошибки в публичных выступлениях [Баранов, 1991; Ширяев, 1994]; дискурс британских парламентариев, обсуждающих бюджет [Скопинцева, 1998]; особенности и закономерности функционирования логико-грамматической категории модуса в аргументативном дискурсе на материале пленарных и предвыборных дебатов Бундестага [Кузнецова, 2004]; снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе парламентских слушаний Великобритании на разных языковых уровнях: фонемном (на письме – графическом), морфемном, лексемном, уровне словосочетания, предложения и текста [Китик, 2004]; когнитивно-фреймовые, семантико-синтаксические, модально-аксиологические и аргументативно-прагматические свойства дискурса парламентских дебатов по терроризму на материале транскриптов парламентских дебатов Конгресса США и Парламента Великобритании [Правикова, 2005]; лингвистические особенности и способы репрезентации речевого действия «обвинение» в современных в парламентских дебатах Бундестага ФРГ [Сапрыкина, 2006]; ген-

дерный фактор в аргументативном дискурсе французского парламента [Хламова, 2009]; самоидентифицирующие высказывания, порождаемые в рамках реализации аргументативных и имиджеобразующих стратегий в ходе парламентских дебатов [Катанова, 2009]; речевые стратегии, тактики конфликта и языковые средства их выражения в современном немецком парламентском дискурсе [Вознесенская, 2010].

Ряд работ посвящен сравнительно-сопоставительному анализу парламентских выступлений, с целью выявления их национально-культурной специфики: сравнению подверглись дебаты в Госдуме РФ и Палате Представителей Новой Зеландии [Верещагин, 2007]; в Национальном Собрании Франции и Госдуме РФ [Чернышкова, 2007]; в Бундестаге ФРГ и Госдуме РФ [Константинова, 2013].

Обзор научной литературы по исследуемой тематике показывает, что несмотря на определенную изученность политической коммуникации, коммуникативное взаимодействие политиков, решающих проблемы и принимающих решение, во время парламентских дебатов еще не подвергалось исследованию.

1.5. Решение проблем и принятие решений как междисциплинарная область исследований и ее лингвистические аспекты

Интеграция современной лингвистики с другими областями научного знания позволяет лингвистам исследовать ряд проблем междисциплинарного характера. В качестве одной из таких проблем мы выделяем анализ решения проблем и принятия решений. Данная проблема активно изучается в ряде естественных и гуманитарных наук; мы предлагаем ее трактовку с лингвистических позиций.

В математике и экономике исследование процесса принятия решения связано с интересом к познанию законов рациональной человеческой деятельности; одной из первых теорий в этой области была теория игр Дж. Неймана и О. Моргенштерна, в которой рассматривается «рациональная теория решения», или «логика решения» [Нейман, 1970]. Еще в 1947 г. Дж. Нейман и О.

Моргенштерн предложили принцип максимизации ожидаемой полезности, рассматривая его как критерий рациональности принимающих решение. В дальнейшем они сформулировали аксиомы, характеризующие предпочтения человека, действующего рационально при выборе оптимального решения. Аксиомы определяют рациональное принятие решения в количественных терминах (то есть полезность рассматривается как количественно измеряемая величина); «полезность является числом с точностью до линейного преобразования» [Нейман, 1970, с. 51]. Их аксиомы включают транзитивность, замещение, доминирование и инвариантность. Согласно данным аксиомам, ожидаемая полезность (выгода) действия определяется численной полезностью, ожидаемое значение которой максимизируется в выборе среди альтернатив, предполагающих риск. Таким образом, человек, поступая в соответствии со своими предпочтениями, выбирает действия, которые доводят до максимума ожидаемую полезность [Нейман, 1970]. Ученые математически обосновали, что человек, следующий этим аксиомам, получает максимальную выгоду при выборе оптимальной альтернативы. Но необходимо отметить, что основы теории ожидаемой полезности (выгоды) были заложены Д. Бернулли (1738), который первым предположил, что можно математически рассчитать ожидаемую ценность выигрыша и сделал вывод: человек руководствуется увеличением (максимизацией) не ожидаемого выигрыша, а ожидаемой полезности, выгоды от этого выигрыша [Плаус, 1998, с. 108].

Теория решения находится в центре внимания ученых, занимающихся созданием искусственного интеллекта [Заде, 1976; Беллман, 1976; Саймон, 1964; Саймон, 1972; Newell, 1977 и др.]. Наибольшую известность получила теория нечетких множеств Л. Заде. Нечеткие «терм-множества», являющиеся значениями «лингвистической переменной», позволяют создавать инструменты для описания и управления нечеткими системами, используемыми в инженерной практике [Заде, 1976, с. 17].

Исследование процессов поиска и принятия решения путем их компьютерного моделирования привело к созданию программ для решения логических задач

(«Общий решатель задач», «Логический теоретик»), что оказало существенное влияние на развитие кибернетики [Саймон, 1964; Саймон, 1972; Simon, 1972; Newell, 1977].

Так, Г. Саймон работал над машинным моделированием поведения человека, решающего задачи. Экспериментальные данные оказали влияние на формирование теории информационных процессов, на основе которой были созданы программы, состоящие из блоков информации, имитирующих мышление человека в процессе решения проблем [Саймон, 1972]. Г. Саймон высказал мысль о том, что процедуры мышления человека и машины имеют схожий характер и способны приспосабливаться к требованиям окружающей среды [Саймон, 1972, с. 60-61, 68].

Рассматривая конструирование как основу любой деятельности, Саймон предлагает приспособить науку о конструировании к поиску альтернатив в решении задач. «Мы конструируем всякий раз, когда разрабатываем способы превращения данной ситуации в другую, более приемлемую» [Саймон, 1972, с. 70]. В его понимании теория конструирования представляет собой математическую задачу, которая включает уже известную теорию вероятности и теорию полезности, где рассматривается множество возможных миров; сначала анализируются все возможные миры, и среди них отыскивается такой мир, который удовлетворяет целям и максимизирует функцию полезности [Саймон, 1972, с. 76-78]. Другими словами, рассматриваются все предложенные альтернативы решения и выбирается наиболее удовлетворительный, оптимальный вариант. Теория конструирования направлена на создание специализированных программ для вычислительных машин, которые могут иметь практическое применение в производстве. Подобные вычислительные методы позволяют находить оптимальные решения в ситуациях реальных и приближенных к реальным. На основе данной теории была создана программа («Общий решатель задач»), представляющая собой систему поиска, с целью отыскать и составить последовательность действий, которая преобразует данную ситуацию в желаемую при большом числе открывающихся альтернатив [Саймон, 1972, с. 84]. Г. Саймон называет поиск удачных решений «конструкция-

ми»; они составляют основу разумного поведения человека. Конструкции могут быть представлены в качестве возможных миров, возможных решений проблем, из большого числа которых конструктивная способность человека дает возможность выбрать вариант, максимизирующий ценность решения и удовлетворяющий цель поиска.

В рамках теории компьютерного моделирования искусственного интеллекта А. Ньюелл ввел понятие «проблемного пространства», состоящего из отдельных состояний знания [Newell, 1977], чем способствовал развитию когнитивного подхода к решению проблем. А. Ньюелл пишет, что решение проблем происходит в проблемном пространстве (problem space): элементы этого пространства состоят из отдельных знаний, относящихся к рассматриваемой проблеме, включая первоначальную и желаемую ситуации [Newell, 1977]. Это значит, что человек, принимающий решение, обладает определенной информацией в момент вербализации проблемы. В процессе принятия решения он замкнут внутри проблемного пространства. Его решение циркулирует от одного знания к другому до тех пор, пока он не придет к правильному решению. Процесс принятия решения напоминает игру в шахматы, когда игрок перебирает в своем сознании множество вариантов ходов и принимает один правильный.

Итак, в математике и компьютерном моделировании подходу к решению как выбору противопоставляется конструктивистский подход. Конструирование предполагает не только рассмотрение всех уже имеющихся альтернатив в качестве решения, но также проектирование, придумывание наиболее удовлетворительного, оптимального варианта решения.

Теория принятия решений начинает разрабатываться и в философии, где во второй половине двадцатого века появилось понятие «проблема». Она определяется с двух позиций: «в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий разрешения; в узком смысле – ситуация» [ВЭФ]. В. Штегмюллер предлагает приступить к созданию общей рациональной теории решения проблем и считает, что она должна иметь дело с решениями трех

видов; к ним относятся решения, принимаемые с уверенностью, рискованные решения и безосновательные решения [Штегмюллер, 1987, с. 319]. Он фокусирует внимание на рискованных решениях, как наиболее важных, где «действующие субъекты не могут полностью контролировать все возможные последствия своих действий и точно предвидеть их, однако, в состоянии дать вероятностную оценку различным обстоятельствам и следствиям своих поступков» [Штегмюллер, 1987, с. 321]. Он также рассматривает три фактора («три матрицы»): следствия, полезности и вероятности, которые составляют основу рациональных представлений о правильном решении.

Э. де Боно выявляет различие между методом традиционного (сократовского) мышления, ключевым этапом которого является суждение (или / или, правильно / неправильно), приводящее к выбору между двумя вариантами через доказательство неправоты одной из сторон, и методом «параллельного» мышления, ключевым понятием которого является понятие конструирования. В параллельном мышлении все внимание направлено на исследование возможностей, генерацию идей и творчество. Параллельное мышление порождает возможности – это творческое, креативное мышление. Любая новая идея рассматривается как возможность, которая может получить дальнейшее развитие и принять участие в достижении результата. Целью параллельного мышления является конструирование результата. Конструктивистский подход допускает параллельное существование противоречащих друг другу взглядов. С помощью параллельного мышления мы обогащаем поле деятельности «возможностями», и затем приступаем к построению наиболее приемлемых действий или решений. Все идеи высказываются бок о бок и не взаимодействуют между собой. Во внимание принимаются все варианты, то есть каждый вариант рассматривается как одна из возможностей решения [Боно, 2007].

Понятие ценности является частью процесса конструирования и определяется контекстом и обстоятельствами [Боно, 2007]. Мыслить конструктивно – значит сконструировать решение, то есть результат достигается

путем конструирования – «придумывания», а не выбора из уже имеющегося. Акцент падает на создание новых идей и новых возможностей. Вместо жестких суждений, принимающих или отвергающих идею, вводится понятие возможности и сотрудничества. Традиционная система, подчеркивает Э. де Боно, предполагает ведение споров и принятие решений через устранение причин этих споров, но не все проблемы могут решаться таким способом. Он предлагает оставить причины в покое и искать выход из создавшейся ситуации, а в целом, заставить людей больше внимания уделять придумыванию решений и тем самым развивать привычку конструктивного мышления [Боно, 2007].

Идеи Э. де Боно дополняют концепцию Г. Саймона о конструктивном мышлении, которое помогает принимать решения путем создания новых идей и ведет к сотрудничеству. Кроме того, он подчеркивает, что понятие ценности решения является составляющей предлагаемых возможностей.

Эти идеи легли в основу нового способа принятия решений в современных корпорациях, так называемого «мозгового штурма» (brainstorming). Данный метод ведения бизнеса был разработан в 40-50-х гг 20 века американским журналистом, основателем рекламного агентства, А. Осборном, который определяет его как «один из наиболее популярных методов стимулирования творческой активности, позволяющий найти решение сложных проблем путем применения специальных правил обсуждения» [<http://psyfactor.org/personal0htm>].

Еще одним направлением в философской теории решения проблем стала концепция Р. Нозика. Расширяя границы понятия рациональности, он сформулировал нормативную теорию решения проблем, в которой нормой для выбора решения провозглашается: 1) мировоззренческая / знаковая ценность (symbolic utility), то есть наибольшая полезность с точки зрения мировоззренческой позиции решающего и его социальных связей; 2) несомненная фактическая выгода (evidentially expected utility), то есть ожидаемое получение наиболее весомых практических результатов; 3) системная выгода (causally expected utility), то есть выгода, которая будет получена из общей

согласованности и упорядоченности причин и следствий предпринимаемых действий.

Р. Нозик дает следующее определение рационального решения. «Рациональное решение в максимальной степени учитывает ценность данного действия как решения; эта ценность складывается из системной, фактической и мировоззренческой пользы, которая будет получена от данного действия» (A rational decision will maximize an action's decision-value, which is a weighted sum of its causal, evidential and symbolic utility) [Nozick, 1993, p. 137].

Принцип максимизации ожидаемой выгоды (expected utility) определяет ее как взвешенную сумму выгод, то есть единственно возможных результатов (исходов), взвешенных по своим вероятностям в условиях, когда известно каждое возможное значение для всех исходов. Ожидаемая выгода / полезность действия представлена не только в виде взвешенной простой вероятности исходов, но и условной вероятности исходов данных действий и доказательством для каждого из них ожидаемой полезности (evidentially expected utility). Каузальная теория вероятности, которая также имеет отношение к результату действия, рассматривается не просто как условная вероятность, но и как каузально-вероятностная связь (some causal-probabilistic relation), указывающая на прямое причинное (каузальное) влияние – каузально ожидаемую полезность действия (causally expected utility) [Nozick, 1993, p. 42-43].

Р. Нозик отмечает, что решающий имеет разную степень уверенности в разных принципах решения и связанных с ними аргументов, так как степень уверенности соотносится с тем весом, который решающий придает каждому из принципов и от которого зависит ценность решения (decision-value). Р. Нозик предполагает, что принцип фактической выгоды от действия (evidentially expected utility) и принцип системной выгоды (causally expected utility) являются разумными и правильными – рациональными. Вес, который решающий придает этим принципам, – это мера легитимной силы каждого принципа (measure of the legitimate force of each principle). Понимание этих основополагающих принципов

приводит к пониманию нормативной теории: ее суть в том, что она направляет человека к выбору действия с максимальной ценностью как наиболее рационального решения [Nozick, 1993, p. 45].

Р. Нозик предлагает формулу ценности решения как математический расчет, который складывается из того веса значений, который люди придают доказательно ожидаемой практической выгоде действия (*evidentially expected utility*) и каузально ожидаемой системной выгоде (*causally expected utility*). В эту формулу он также включает знаковую пользу действия (*symbolic utility*), которая вбирает в себя выгоду от различных других действий и достижений, семиотически связанных с данным действием. (We could add to the formula the symbolic utility of the action, its SU, which incorporates the utility of the various outcomes and actions symbolized by the act, with its own associated weight WS). Р. Нозик выводит знаковую / символическую пользу из той конкретной знаковой ситуации, в которую люди погружены и которая определяет их мировоззрение и ценностные доминанты. Жить в богатом символическом мире, частично культурном, частично нашего собственного создания – значит извлекать из действий и событий пользу. «Действие (или его результат) является знаком определенной, стоящей за ним ситуации, и полезность для решающего всей этой знаковой ситуации в целом атрибутирует избранному в качестве решения действию дополнительную полезность» (The action (or one of its outcomes) symbolizes a certain situation, and the utility of this symbolized situation is imputed back, through the symbolic connection, to the action itself) [Nozick, 1993, p. 27]. Знаковая ценность – это не какая-то другая разновидность полезности – это особый вид связи, знаковой связи с основополагающими видами полезности (системно-каузальной и фактической). Знаковая полезность действия определяется тем, что это действие имеет знаковую связь с другими действиями, которые сами по себе имеют стандартную степень полезности [Nozick, 1993, p. 48]. В частности, выполнение кооперативного действия, действия сотрудничества, приносит большую знаковую пользу. Это значит, что для решающего внутренняя

ценность действия, избранного в качестве решения, повышается в результате его выбора быть человеком сотрудничающим во взаимодействии с другими людьми, а именно: исполнительным и непридирчивым в совместном поиске взаимной полезности и выгоды.

Следует учитывать, что принимающий решение обращает внимание не только на знаковую пользу действия, он также оценивает фактическую и системную выгоду. В понимании Р. Нозика, в ситуации выбора, в процессе принятия решения все три принципа выполняют функцию фильтров, то есть решающие не рассматривают те действия, которые нарушают данные принципы, поскольку принципы принятия решения группируют действия, расставляя их под общую рубрику. Принципы отвечают за все действия группы, заставляя каждое последующее действие соответствовать остальным. Автор пишет, что принципы направляют людей к правильному решению, помогают контролировать личностные факторы, которые могут ввести решающего в заблуждение. Поэтому есть взаимосвязь между использованием принципов как средств для достижения правильных решений и использованием их для устранения нежелательных и нерелевантных факторов [Nozick, 1993].

Итак, Р. Нозик, в своей философской теории рациональности рассматривает нормативные принципы, учитывающие взаимосвязь действия, избранного в качестве решения, с его результатом.

Обобщая вышеизложенное, следует сделать вывод, что теория решения проблем, как таковая, возникла в математической теории игр, в которой были сформулированы принципы, характеризующие предпочтения человека, действующего рационально, то есть в соответствии с ожидаемой пользой / выгодой для себя, определяемой выбором из нескольких альтернатив, предполагающих риск; решение рассматривается как такая альтернатива, которая позволяет человеку получить максимальную выгоду при выборе.

Вклад философии в теорию решений заключается в обосновании понятия «проблема», в связи с чем сфера действия данной теории расширяется. Она становится общей теорией решения проблем; под проблемой понимается некий

вопрос или ситуация, требующие принятия решения (проблемный вопрос, проблемная ситуация).

В целом, в науке выделяются два основных подхода к принятию решения. Согласно первому подходу, решение проблем входит в теорию рациональности, позволяющую определить нормы / принципы принятия решений: они учитывают различные виды полезности / выгоды от действия как возможного решения. Согласно второму подходу, решение рассматривается как результат творческого, креативного мышления, когда решение вырабатывается путем его активного поиска и конструирования.

Упомянутые выше исследования, разрабатывающие теорию принятия решений, нашли практическое применение в области управления производством и маркетинга, страхования и других отраслей, где принятие решения рассматривается как составная часть управленческой функции [Акофф, 1982; Эддоус, 1997, Payne, 1976].

В психологии принятие решения трактуется с разных позиций. Традиционно принятие решения рассматривается как «этап волевого акта, связанный с выбором цели и способа действия. Продуктивный процесс принятия решения включает в себя появление новых целей, оценок, мотивов, установок, смыслов» [БПС]. С.Л. Рубинштейн связывает решение с исполнением: «Принять решение еще не значит выполнить его. За решением должно последовать исполнение. Без этого последнего звена волевой акт не завершен» [Рубинштейн, 2000, с. 474]. Кроме того, принять решение – значит произвести выбор, который требует оценки [Рубинштейн, 2000, с. 472]. С.Л. Рубинштейн также отмечает, что процесс принятия решения может протекать по-разному и характеризоваться такими компонентами, как цель, борьба мотивов, активность и осознанность [Рубинштейн, 2000, с. 473]. Из этого следует, что «каждый волевой акт включает в себя решение, поскольку он предполагает принятие определенной цели и открывает соответствующему желанию доступ к моторной сфере, к действию, направленному на ее осуществление» [Рубинштейн, 2000, с. 473].

Принятием решений в психолингвистике считается также опознание слов. Принятие решения соотносится с мыслительной деятельностью индивида в ходе восприятия речи и опознания в ней отдельных слов [Леонтьев, 1997; Залевская, 1999]. Так, А.А. Залевская, описывая модель процесса опознания слов, определяет роль принятия решения как его конечного этапа. «Модель включает три операции первичного перцептивного узнавания: оценку признаков, интеграцию признаков и принятие решения. Признаки с градуальными значениями оцениваются, интегрируются и сопоставляются с прототипными описаниями в памяти; решение принимается на основании относительного (градуированного) соответствия стимульной информации описанию прототипа <...>. Третья операция в ходе узнавания – это принятие решения. На данной стадии показатель по каждому признаку оценивается относительно суммы показателей всех релевантных прототипов» [Залевская, 1999, с. 182]

В целом, согласно данному психологическому, подходу, каждый волевой акт, связанный с выбором и требующий оценки, представляет собой решение, поскольку он предполагает принятие индивидом определенной цели и открывает соответствующему цели желанию доступ к моторной сфере, к действию, направленному на осуществление цели. С этих позиций, сама обработка слов, их восприятие и опознание рассматривается как решение. Это – широкий подход к понятию принятия решений. В этом смысле каждый волевой акт – это уже принятие решения.

В лингвистике неситуативный, широкий, подход к пониманию решения предполагает, в первую очередь изучение лексики со значением принятия (исполнения) решения. Исходя из широкого понимания принятия решений, когда каждый волевой акт рассматривается как решение, лингвисты определяют языковые средства, семантика которых отражает различные этапы процесса принятия решения.

Описывая характер оценочных предикатов и их роль в языке, Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что оценочные суждения имеют свои основания и мотивы, це-

люю которых является «сформулировать некоторое отношение, мнение и оказать на другое лицо воздействие, либо дать возможность самому принять практическое решение» [Арутюнова, 1999, с. 168]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что глаголы оценочного значения сами по себе обладают иллокутивными функциями, что обусловливается прагматическим подходом к значению оценочных предикатов, тем самым высказывания с оценочным суждением влияют на адресата, определяют принятие решения и выбор жизненных позиций. Кроме того, анализируя предложения операционального предпочтения, Н.Д. Арутюнова выделяет и описывает основные черты, характеризующие предложения подобного типа, куда включены такие характеристики, как выбор, принятие решения или совет, и все они вместе «создают концептуальный контекст, в который входят предложения ОП, и, соответственно, программу того текста, в котором отражается ситуация принятия решения или совет» [Арутюнова, 1999, с. 230-231]. Таким образом, глаголы со значением выбора, совета, предпочтения характеризуют процесс принятия решения. Согласно такой формулировке, любой речевой акт можно рассматривать как принятие решения, в широком смысле, что соответствует вышеобозначенному психологическому и психолингвистическому подходу, где каждый акт *cogito* – это решение.

Е.В. Падучева, описывая глаголы со значением принятия (и исполнения) решения (*решать, забывать, предполагать* и т.п.), отмечает, что проблемная ситуация требует, чтобы субъект осознал, какое действие будет более рациональным в данной ситуации. «В ситуации принятия решения, концептуализуемой с помощью глагола *решить*, разум оставляет несколько возможностей в качестве допустимых, и тогда вмешивается воля, которая делает окончательный выбор» [Падучева, 2004, с. 308]. Е.В. Падучева выделяет следующих обязательных участников ситуации принятия решения: действующий субъект с его разумом и волей; множество альтернатив; значение параметра, например намерение; проблемная ситуация или проблема в качестве мотивировки, чтобы решать или выбирать, и мотив [Падучева, 2004, с. 310].

В русле данного направления выполнен ряд кандидатских диссертаций посвященных выделению и анализу лексических единиц принятия решения [Рыскина, 2004; Чалабаева, 2006].

В когнитивной психологии и когнитивной лингвистике существует и другой, более узкий, подход к понятию принятия решения, предлагаемый Д. Канеманом и А. Тверски. Базовыми понятиями их концепции являются понятия проблемы, требующей решения (decision problem), и принятия решения (decision making) в условиях наличия двух опций (options), то есть двух вариантов выбора [Kahneman, 1981; 1986]. Согласно Д. Канеману и А. Тверски, принятие решения определяется правом выбора из двух альтернатив, которые человек, принимающий решение, должен проанализировать и определить возможные результаты или последствия каждого из двух действий. Ученые используют термин «фрейм решения» (decision frame), то есть их подход является ситуативным. В таком фрейме моделируются представления человека, принимающего решение (decision maker), о действиях, результатах и непредвиденных обстоятельствах, ассоциирующихся с определенным выбором. Фрейм, действующий при принятии решения, контролируется частично формулировкой самой проблемы и частично нормами, привычками и личными качествами решающего. Кроме того, можно использовать более чем один фрейм для решения проблемы, то есть можно решать проблему более чем одним способом [Kahneman, 1981, p. 453].

Д. Канеман и А. Тверски учитывают изложенные выше факторы выгоды и утраты, отмечая, что проблема всегда формулируется в свете потери или приобретения, при этом предпочтения решающих в решении проблем демонстрируют несклонность к риску, большинство людей предпочитают чувствовать себя уверенными при выборе необходимого решения. [Kahneman, 1981, p. 453].

Таким образом, Д. Канеман и А. Тверски рассматривают ситуацию, где есть проблема, требующая решения (decision problem), и подчеркивают, что эту проблему решает решающий (decision maker), используя определенный фрейм или, в других терминах – сценарий, охватывающий всю ситуацию, в рамках которого

происходит понимание участниками всей ситуации в целом, этапов ее развертывания и осознание ими своих коммуникативных действий.

Кроме того, они разграничивают две фазы в процессе выбора решения: первоначальную фазу, в которой действия, результаты и связанные с ними обстоятельства объединяются в едином фрейме, и последующую фазу оценки (We distinguish two phases in the choice process: an initial phase in which acts, outcomes and contingencies are framed, and a subsequent phase of evaluation) [Kahneman, 1981, p. 454].

Ситуация принятия решения, согласно данному, когнитивному, подходу, для решающего всегда выглядит следующим образом: решающий выбирает один из двух вариантов (Choose between: A. a sure gain of \$ 240; B. 25% chance to gain \$ 1000 and 75% chance to gain nothing; Which of the following options do you prefer? – A. a sure win of \$ 30; B. 80% chance to win \$ 45; Would you pay \$ 10 for another ticket? – A. yes; B. no).

Д. Канеман и А. Тверски подчеркивают, что в когнитивном плане принятие решения всегда связано с финальным выбором из двух вариантов. Например, в тесте, когда даются несколько возможных ответов на поставленный вопрос, решающий вначале отсеивает, отфильтровывает в процессе когниции все варианты, кроме двух, наиболее подходящих, и затем выбирает один из них в качестве решения.

Насколько нам известно, было проведено три лингвистических исследования ситуации принятия решения. С.Н. Плотникова рассматривает данную ситуацию в аспекте выбора решения из двух альтернатив и определяет когнитивный сценарий принятия решения как формулирование двух проблемных пропозиций и выбор одной из них; данный сценарий реализуется в ситуации обсуждения, взятой в её целостности [Плотникова, 1995]. С.Н. Плотникова анализирует подобную ситуацию на материале серии бесед. Особенность данной ситуации состоит в том, что процесс принятия решения осуществляется в условиях конфликта между мужчиной и женщиной. В ходе первой беседы

собеседники выражают две конфликтующие между собой пропозиции: пропозиция женщины противоречит пропозиции мужчины. Такой тип решения она называет адверсариальным, а не кооперативным, поскольку одна пропозиция полностью исключает другую [Плотникова, 1995, с. 122]. В процессе развития ситуации конфликта в последующих беседах дискурс движется от одной пропозиции к другой, когда решающие защищают, отстаивают, каждый, свою пропозицию, выражая несогласие с пропозицией собеседника. Процесс принятия решения завершается на основании реализации стратегии власти, осуществляемой мужчиной над женщиной, когда женщина вынуждена принять проблемную пропозицию мужчины, так как он в данной ситуации обладает большей властью, статусом, компетенцией [Плотникова, 1995, с. 129].

А.П. Бабушкин анализирует решение задач как совокупность когнитивных операций, зафиксированных в художественном тексте. Он пишет: «Решение задачи (problem solving) – это когнитивный процесс, направленный на трансформацию данной ситуации в ситуацию, предполагающую достижение поставленной цели» [Бабушкин, 2005, с. 46]. А.П. Бабушкин исследует ситуации решения математических задач, описываемые в художественной литературе, главным образом, в детской литературе, и выделяет четыре операции когниции, осуществляемые в уме решающего: репрезентацию задачи, планирование способов её решения, исполнение, то есть выбор решения, и мониторинг правильности решения. А.П. Бабушкин делает вывод, что лингвистический подход к решению задач может расцениваться как «первое приближение к анализу одного из аспектов работы человеческого разума – ключевого понятия всей когнитивной науки» [Бабушкин, 2005, с. 53].

В.Н. Базылев выделяет когнитивное событие «принятие решения» в текстах политиков и создает когнитивную модель монологической аргументации в политическом дискурсе. Он отмечает важность сближения когнитивного подхода с прагматическим и указывает, что «тексты политиков дают возможность реконструировать вербализованный процесс принятия решений на

операциональном уровне, а также выяснить и исследовать закономерности отображения этого процесса в аргументативном тексте» [Базылев, 2005а, с. 325].

Представляет интерес продолжить данное направление исследования и создать модель диалогической аргументации в ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Проведенный обзор теоретической литературы в междисциплинарной области анализа решения проблем (problem solving) и принятия решений (decision making) показал, что в данной области исследований существуют самые различные, в том числе и противоречащие друг другу подходы. В связи с этим требуется выработать свой собственный подход и собственное определение ситуации принятия решения в политической коммуникации.

1.6. Определение ситуации принятия решения в политической коммуникации

Из изложенного в предыдущем разделе следует, что разграничиваются неситуативный и ситуативный подходы к определению понятия принятия решения. В частности, психологическое понимание принятия решения как любого волевого акта не связано с понятием ситуации.

Мы принимаем второй, ситуативный подход. Он предполагает, что процесс решения проблем и принятия решений осуществляется в рамках ситуации, которая носит промежуточный характер между некой первоначальной и конечной, желаемой ситуацией.

В рамках первоначальной ситуации возникает проблема – сложный теоретический или практический вопрос, требующий решения. Решение данной проблемы осуществляется в отдельной ситуации, отграниченной от первоначальной, в особом когнитивном / проблемном пространстве.

Ситуация решения проблемы (problem solving) является более широкой, чем собственно ситуация принятия решения (decision making), и предваряет данную ситуацию.

Ситуация решения проблемы включает в себя либо 1) рассмотрение и обсуждение всех имеющихся вариантов решения, либо 2) конструирование решения, его проектирование, «придумывание», когда сконструированные решения представлены в терминах возможных миров.

Ситуация принятия решения в когнитивном плане представляет собой выбор одной из двух альтернатив, оставшихся после отфильтровывания всех других вариантов.

По отношению к политической коммуникации ситуация принятия решения определяется нами как финальная ситуация решения той или иной политической проблемы, выбор одного из двух вариантов и принятие его в качестве институционального политического решения.

Необходимо также определить сущностную природу решения. В предыдущем разделе был рассмотрен подход к решению как действию в мире. Согласно этому подходу, неудовлетворённость первоначальной ситуацией направляет индивида или группу к поиску действия, имеющего максимальную ценность для улучшения положения вещей, то есть к решению.

Решение, в рамках этого подхода, определяется через действие; реализация действия, избранного в качестве решения, во внешнем мире превращает первоначальную ситуацию в желаемую и приводит к завершению промежуточную ситуацию принятия решения.

Принципами принятия решения, рассмотренными в предыдущем разделе, являются рациональный характер решения, его фактическая полезность (выгода), его системная согласованность с другими действиями и его мировоззренческая ценность для решающего.

Анализируя коммуникацию, в частности, политическую коммуникацию, мы определяем решение как коммуникативное действие. Исходной теоретической посылкой нашего дальнейшего исследования, которую мы будем доказывать на практическом материале, является положение о том, что в лингвистическом плане решаемая проблема эксплицитно или имплицитно формулируется в виде вопросительного предложения или предложения в повелительном наклонении, с кото-

рым обращаются сами к себе участники; решение является коммуникативным действием – общим ответом участников политической коммуникации на поставленный проблемный вопрос.

Учитывая общие принципы принятия решения, мы рассматриваем принятие решения в политической коммуникации как рациональный выбор коммуникативного действия из двух альтернатив, основанный на принципе системности, фактичности и учитывающий мировоззренческую позицию решающего.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В качестве теоретического подхода к исследованию политической коммуникации в данной главе применяется ситуационный анализ, направленный на изучение роли языка в объективации различных типов ситуаций.

Нами принимается теоретическое положение о том, что ситуационный фрагмент взаимодействия (экзистенциальная ситуация), сопровождающийся коммуникативным взаимодействием участников, выступает как коммуникативная ситуация. Коммуникативная ситуация определяется в проанализированной нами теоретической литературе как взаимодействие адресанта и адресата, которые постоянно меняются местами и при помощи коммуникативных актов обмениваются сообщениями.

При исследовании типов коммуникативных ситуаций ученые опираются на прагматику, в фокусе внимания которой находится прагматическое содержание сообщения. Поэтому понятие коммуникативной ситуации получило развитие в понятии прагматической ситуации как расширяющего и уточняющего понятие коммуникативной ситуации. Прагматическая ситуация рассматривается как предметная, дополнительная по отношению к коммуникативной и социальной ситуации, имеющая особую прагматическую значимость для адресанта или адресата. Рассмотрев имеющиеся исследования различных прагматических ситуаций, мы сделали вывод, что сущность прагматической ситуации состоит в том, что на коммуникативную роль – роль адресанта или адресата – накладывается определенная прагматическая роль, например, человека стыдящегося, неискреннего, счастливого, влюбленного и т. п.

В главе также дается обоснование того, что коммуникативная ситуация в социальных институтах имеет свою специфику. В институциональной коммуникации выделяются два типа коммуникативных ситуаций: между представителями институтов и теми, кто туда обращается, и между представителями самих институтов. Из анализа теоретической литературы мы сделали вывод, что коммуникативные ситуации первого типа уже достаточно исследованы, в то время как дискурс профессиональных групп в институциональной коммуникации до сих пор

остаётся малоизученным. В частности, недостаточно исследованным остаётся дискурс профессиональной группы политиков, участвующих в парламентских дебатах.

В данной главе также была рассмотрена теория решения проблем и принятия решений, и было установлено, что в науке выделяются два основных подхода к принятию решения. Согласно первому подходу, решение проблем входит в теорию рациональности, учитывающую различные виды полезности / выгоды от действия как возможного решения. Согласно второму подходу, решение рассматривается как результат творческого, креативного мышления.

Было проанализировано понятие проблемы, под которой понимается некий вопрос или ситуация, требующие принятия решения (проблемный вопрос, проблемная ситуация).

Мы установили, что в науке разрабатывается также когнитивный подход к принятию решения, согласно которому решение рассматривается как рациональный выбор из двух вариантов, основанный на принципе системности, фактичности и учитывающий мировоззренческую позицию решающего, а само решение проблем происходит в особом проблемном, или пропозициональном, пространстве.

ГЛАВА II. ПАРАМЕТРЫ КОГНИЦИИ В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Осмысление институциональной и коммуникативной ситуации как прагматической ситуации принятия решения

В качестве параметра когниции, осуществляемой участниками политической коммуникации, мы выделяем осмысление (познавание) ими текущей ситуации как определенной прагматической ситуации, в частности, прагматической ситуации принятия решения.

Человеческая когниция представляет собой познавательный процесс («познание» и «познавание»), то есть это процесс приобретения знаний, опыта, и его результатов; это совокупность психических процессов (ментальных, мыслительных), способствующих обработке и переработке поступающей к человеку информации [КСКТ]. Когниция облекается в языковую форму, поэтому когницию можно исследовать, исследуя языковой материал. Именно поэтому встает вопрос о том, как и когда человек отбирает из всего многообразия языковых средств необходимые ему средства; этот процесс получает общее название «языковая когниция» [Демьянков, 1994, с. 27].

В связи с тем, что когниция интерактивна и связана как с воспринимаемым миром, так и с волей человека [Демьянков, 1994, с. 25], то есть процессы познания (осмысления) протекают в определенном социальном контексте и связаны с потребностями человека и его взаимодействием со средой, то в науке наметились разные исследовательские проблемы, характеризующие различные аспекты когниции, одним из которых является процесс решения проблем. Мы рассматриваем этот процесс с лингвистической точки зрения, поскольку, как справедливо подчеркивает В.З. Демьянков, «в филологии интерпретация речи человеком – это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [Демьянков, 1994, с. 27].

Как показал анализ нашего материала, в процессе когниции разграничение институциональной, коммуникативной и прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации опирается на особые языковые маркеры, указывающие на каждую из этих ситуаций.

Отграничим прагматическую ситуацию принятия решения от институциональной и коммуникативной ситуаций на примере заседания Палаты Общин Британского парламента от 5 фев. 2013 г., на котором обсуждался законопроект об однополых браках.

Из приведенного в теоретической части диссертации определения институциональной ситуации следует, что институциональное взаимодействие осуществляется либо между представителями институтов (агентами) и теми, кто туда обращается (клиентами), либо между представителями самих институтов, то есть между агентами [Heritage, 1991; Карасик, 2002 и др.]. На основе этого определения мы делаем вывод, что перед нами институциональная ситуация взаимодействия между агентами.

Тип институциональной ситуации – дебаты, на что указывает многократная номинация ситуации при помощи слова *debate* (*I am delighted that we have had this debate; I, too, welcome the tenor of this debate; Throughout all the debates and controversies...*). В протоколе (Hansard) указывается место проведения дебатов (*House of Commons*), время их проведения (*Tuesday 5 February 2013, the House met at half-past Eleven o'clock*), упоминаются наиболее значимые участники: Спикер Палаты Общин (*Mr. Speaker*), его заместитель (*Mr Deputy Speaker / Madam Deputy Speaker*), Министры (*The Minister for Women and Equalities, The Minister of State, Department for Culture, Media and Sport*), представители правящих политических партий: Лейбористской (Lab), Консервативной (Con) и Либерально-Демократической (LD).

Употребляемая в обращении участников друг к другу лексическая единица *Member* (и ее варианты: *Members, MPs*) служит средством номинации институциональных агентов социального взаимодействия – членов парламента (*That is why I*

am pleased that the vast majority of Labour MPs have said that they will support the Bill today; Members will know, a Second Reading debate is about the central principles of a Bill).

В институциональной ситуации «парламентские дебаты» парламентарии следуют институционально закрепленным формам вежливости в обращении друг к другу. Каждый говорящий начинает свой дискурс с речевого акта апеллятива, то есть речевого акта обращения к слушающему, с помощью которого он призывает его к восприятию сообщения. Депутаты обращаются к Спикеру, используя конвенциональную вежливую форму обращения Мистер Спикер (*Mr. Speaker*). В обращении друг к другу парламентарии используют такие языковые средства номинации, как: Почтенный Джентльмен (*the hon. Gentleman*), Почтенная Леди (*the hon. Lady*), Достопочтенный Джентльмен (*the right hon. Gentleman*), Достопочтенная Леди (*the right hon. Lady*). Также используется обращение к коллегам по названию избирательного округа, который они представляют: Почтенный Член парламента от... (*the hon. Member for St Austell and Newquay*), а к министрам – по названию занимаемых ими постов: Министр по вопросам равноправия (*the Minister for Women and Equalities*). Если политики обращаются к соратникам по партии, они употребляют выражения: Мой достопочтенный / почтенный друг (*my right / hon. Friend*).

Все эти речевые акты обращения представляют собой ритуальные и институционально закрепленные формы вежливости, характерные для институциональной ситуации «парламентские дебаты». Различия в обращениях отражают структуру данной институциональной ситуации: институционально закрепленные в ней социальные роли и распределение участников по определенным группам.

Структура институциональной ситуации включает в себя также общение не равных по статусу выступающих. Спикер обладает преимущественным правом структурировать ситуацию. С помощью речевого акта директива, акта приказа, спикер не только требует соблюдения порядка присутствующими, но и фиксирует свою институциональную роль доминирования (*Order. The Second Church Estates Commissioner, who has designated responsibilities in the House, will be subject to a*

10-minute limit. Thereafter, a four-minute limit on Back-Bench speeches will apply). Спикер оглашает временной регламент для выступающих, который устанавливает иерархическую структуру распределения социальных ролей («заднескамеечники» не должны превышать четырехминутный лимит при выступлении). Выбор адресата спикер осуществляет посредством невербального взаимодействия, через контакт с помощью взгляда. Свои функции, с тем же набором вербальных и невербальных средств, спикер может делегировать своему заместителю (*Mr Deputy Speaker: Order. Time is up. I call Craig Whittaker*). Поскольку от спикера зависит предоставление слова депутату, выступающие обращаются к нему, используя речевой акт экспрессив, выражая благодарность за то, что он обратил на них внимание (*I am grateful for having caught your eye, Mr Speaker*).

Спикер выступает главным организатором не только институциональной ситуации, но и коммуникативной ситуации. Согласно изложенному в первой главе диссертации теоретическому подходу к коммуникативной ситуации, она формируется ее участниками как последовательность коммуникативных актов и представляет собой взаимодействие адресанта и адресата в структуре диалога либо многих адресантов и адресатов в структуре полилога.

В данном случае с помощью речевых актов ассертивов спикер информирует участников о количестве желающих выступить, то есть стать адресантами, и о правилах чередования говорящих (*Mr Speaker: 71 Members want to speak. We will do our best to accommodate them all, but it will be appreciated if Members do not keep coming up to the Chair asking whether, and if so, when, they will be called. They shall just have to be patient. We look forward to the debate*).

Поскольку развитие данной коммуникативной ситуации заключается в выступлении многих участников друг за другом, то общение осуществляется в форме полилога; это основная форма коммуникативного взаимодействия политиков в парламентских дебатах. Полилог представляет собой разговор между несколькими людьми и подразумевает меню коммуникативных ролей говорящий / слушающий (адресант / адресат); основной характеристикой полилога является ситуативная связанность, спонтанность и нелинейность [Винокур, 1993].

Итак, институциональная ситуация «парламентские дебаты», в свою очередь, является коммуникативной ситуацией, так как предполагает непосредственное со-присутствие общающихся политиков здесь и сейчас, которые, обмениваясь сообщениями, постоянно становятся адресантами и адресатами. Об этом свидетельствует использование грамматических форм настоящего времени в речи участников (*I understand the point that the hon. Gentleman is making; Does the right hon. Lady accept that there is a kind of inevitability about what many of us are hoping will be decided here this evening?*).

Первым докладчиком является Министр, подготовивший законопроект, и уже это первое выступление позволяет рассматривать анализируемую институциональную и коммуникативную ситуацию также как прагматическую ситуацию принятия решения. Уже из первого выступления ясно, что присутствующие собрались с общей прагматической целью – принять решение; говорящая сразу же заявляет о своем собственном выборе из двух вариантов: она поддерживает однополые браки (*What we have to do is not just legislate for today, but for the future. I think that there is an extremely strong argument for the Bill to be passed, and I am presenting it today*).

В целом, анализ данного примера показывает, что ситуация принятия решения в политической коммуникации представляет собой сложное единство. Она моделируется из трех типов ситуаций: институциональной, коммуникативной и прагматической; каждая из них имеет свои особенности и на уровне вербализации определяется своими языковыми маркерами. Иными словами, отдельные языковые маркеры можно классифицировать по принадлежности к конкретной ситуации: институциональной, коммуникативной и прагматической, то есть каждая ситуация типизируется на языковом уровне и в то же время реализуются три типа ситуаций одновременно.

Рассмотрев конкретный пример, перейдем на уровень обобщения и докажем, что выявленные типы соотношения языковых маркеров свойственны, в целом, жанру «парламентские дебаты» на примере дебатов в Британском Парламенте и Государственной Думе РФ.

2.2. Языковые маркеры институциональной ситуации

Языковые маркеры, характеризующие институциональной тип ситуации, обозначают место, время, количество участников и их социальные роли, определенные темы парламентских слушаний и стадии их рассмотрения. Таким образом, формирование институциональной ситуации начинается с номинации места, времени, основного состава участников, тем и содержания законопроекта:

House of Commons. Wednesday 19 December 2012. The House met at half-past Eleven o'clock. Mr Speaker in the Chair ; Energy Bill; Second Reading;

House of Commons. Wednesday 26 June 2013. The House met at half-past Eleven o'clock. Mr Speaker in the Chair; High Speed Rail (Preparation) Bill; Second Reading;

House of Lords. Table of Contents for Monday 3 December 2012; Canterbury City Council Bill; Third Reading;

Здание Государственной Думы. Большой зал. 19 ноября 2013 года. 10 часов. Председательствует Председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкин. Присутствует 441 чел. 98, 0%; Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 325 Трудового кодекса Российской Федерации»; Рассмотрение законопроекта в первом чтении;

Здание Государственной Думы. Большой зал. 13 ноября 2013 года. 10 часов. Председательствует Первый заместитель Председателя Государственной Думы И.И. Мельников. Присутствует 436 чел. 96, 9%; Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О страховых пенсиях» и «О накопительной пенсии»; Рассмотрение законопроекта во втором чтении.

Языковые средства, обозначающие место и время институциональной ситуации «парламентские дебаты», являются ее важнейшими маркерами, поскольку, как было указано в теоретической части работы, данный тип политической коммуникации относится к календарным (текущим) событиям политической жизни.

Словосочетания с лексическими единицами House / Chamber и Дума в дискурсе парламентариев служат средствами номинации социального института (*even former Conservative Ministers voted against it in the House of Lords; I will not*

replay the debate in this Chamber; She inspired me and many others on this side of the House; It is sad to see such gloomy faces on the Opposition side of the Chamber; Государственная Дума; заседание Думы; депутаты Государственной Думы; Совет Думы).

Как мы указывали в теоретической части диссертации, институциональная деятельность политиков носит «служебный», профессиональный характер, ее отличительной чертой является присутствие на рабочем месте. Рабочее место политиков также номинируется словами House (Chamber) / Дума (*A theme I have raised many times in the Chamber; Will the right hon. Gentleman remind the House what the Labour party's policy is on the so-called Robin Hood tax; На этой неделе мы здесь, в Государственной Думе, будем также принимать очень ответственное, важное решение).*

Институциональный тип ситуации характеризуется на языковом уровне речевыми актами обращения, адресованными конкретному лицу или группе лиц (*My hon. Friend is right to mention; I will give way to my colleague on the Home Affairs Committee; Я хотел бы обратиться к коллегам из «Справедливой России»).*

Метонимическое употребление этих же словосочетаний обозначает агентов социального института – участников дебатов (*Will the right hon. Gentleman remind the House; I think that those aims are widely shared across the House; The bit he draws to the attention of the House; The House will see that the Bill; I will not detain the House long; I commend the Bill to the House; идёт умышленное затягивание вынесения на рассмотрение Государственной Думы; как диктует Регламент работы Государственной Думы; Комитет рекомендует Государственной Думе принять его в первом чтении).*

Общая номинация основного состава участников расширяется посредством номинации их особых социальных ролей. Эти номинации включают названия политических партий и названия занимаемых должностей. Использование особых языковых средств конкретизирует, что присутствующие выполняют не только роль депутата Государственной Думы или члена парламента Великобритании, но и некую особую роль, свидетельствующую об их особом статусе, например, роль

министра, члена партии, фракции (*Mrs Cheryl Gillan (Chesham and Amersham) (Con); Frank Dobson (Holborn and St Pancras) (Lab); Mr Alan Reid (Argyll and Bute) (LD); The Minister of State, Department for Transport (Mr Simon Burns); the shadow Secretary of State, the hon. Member for Garston and Halewood (Maria Eagle), and the shadow Minister, the hon. Member for Nottingham South (Lilian Greenwood); the Opposition Front-Bench team; a Whip; a Parliamentary Private Secretary; shadow Treasury Minister; заместитель министра труда и социальной защиты Российской Федерации; председатель Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов, член фракции «Единая Россия»; председатель Российской объединённой демократической партии «Яблоко»).*

Номинаруются также гости, приглашенные принять участие в обсуждении законопроекта в качестве слушающих или говорящих (*Mr Speaker: **The Second Church Estates Commissioner**, who has designated responsibilities in the House; Председательствующий: Я прошу пригласить **представителей непарламентских партий** на обсуждение данных трёх законопроектов; **уважаемые приглашенные**).*

В качестве незримых участников институциональной ситуации «парламентские дебаты» номинаруются также избиратели, интересы которых представляют депутаты (*we are all here to represent our **constituents**; The reality is that my **constituents** gain no benefit; My right hon. Friend the Member for Holborn and St Pancras (Frank Dobson) spoke passionately on behalf of his **constituents**; I have considerable sympathy for them as **constituency** MPs and I admire the way in which they are rightly fighting for the interests of their **constituents**; I would like to believe that it will not be next century and that my **constituents** will be able to benefit from the line as well; И что **наш народ** скажет; я и прошу вас, уважаемые коллеги, сегодня голосовать в интересах **своего народа**, в интересах **русских**; то и есть наши действия в интересах **избирателей**; Государственная Дума несёт ответственность перед **избирателями**; Мы не можем поддерживать законы, которые идут вразрез интересам **наших избирателей**).*

Использование данных средств номинации доказывает, что прямыми участниками рассматриваемой институциональной ситуации являются агенты политического института, непрямыми – его клиенты, к которым относятся избиратели, чьи интересы представляют и отстаивают парламентарии.

Анализ всего корпуса наших примеров подтверждает, что институциональный характер ситуации определяется специализированной клишированной разновидностью общения. Участники институциональной ситуации «парламентские дебаты» не только используют особый набор лексических средств, входящих в лексикон политиков (*bill; opposition members; Member of Parliament; Government amendment; new clause; the clause be read a Second time; my constituency; депутаты Государственной Думы; 2-й вопрос повестки, проект федерального закона; таблица поправок; обсуждение законопроектов*), но также следуют конвенционально установленной форме вербального и невербального взаимодействия. Политики напоминают друг другу о необходимости строго придерживаться определенной темы выступления (*The hon. Lady can speak to the other amendments in the group, but the only item she is moving at this stage is new clause 15; Андрей Владимирович, мы обсуждаем три законопроекта, которые составляют реформу пенсионной системы, – я напоминаю вам, если вы забыли; Я всё-таки прошу коллегу Бляховича в следующий раз задавать вопросы по существу: вы всё-таки находитесь в Государственной Думе – высшем представительном и законодательном органе Российской Федерации*). Политики также напоминают друг другу об институциональных нормах поведения: нельзя выступать с места или прерывать выступление коллег, нарушать строго организованную очередность выступлений (*If the right hon. Gentleman wants to make a point, he must stand up and do so to the Chair, not from a sedentary position. He should know better after so long in the House; Mr Lammy, it is not a good idea to be on the move in the Chamber when one wishes to be called to speak. It is not a good way to try to catch the Speaker's eye; hon. Members should always stay in their seat and listen to the speech immediately after their contribution*). Спикер / председательствующий как человек, наделенный высшей социальной властью в данном институте, дискурсивно контролирует действия членов

институционального сообщества при помощи набора клишированных речевых актов, которые по своей структуре представляют собой, в основном, речевые акты директивы. С их помощью он демонстрирует и закрепляет свою доминирующую институциональную роль (*Order. Mr Hemming, sit down; Order. We do not need these constant sedentary interventions from the Minister of State. The message is clear and simple: be quiet, man; Депутату Исаеву включите микрофон; Давайте по одному от фракции; Ставлю на голосование проект постановления в целом; Включите режим записи на выступления; Приготовиться Евгению Вячеславовичу Бляховичу*).

Особыми маркерами институциональной ситуации «парламентские дебаты» являются речевые акты представления говорящего слушающим и оглашения цели выступления (*I call the Secretary of State to move Second Reading; To resume his seat no later than 6.40, I call Mr David Anderson; По мотивам выступает Оксана Генриховна Дмитриева; Александр Георгиевич Тарнавский, 19-я поправка; С докладом о проекте постановления о национальном докладе выступает председатель Комитета по аграрным вопросам Николай Васильевич Панков; Выступает аудитор Счётной палаты*).

К клишированной форме общения в институциональной ситуации «парламентские дебаты» относятся также конвенциональные языковые средства выражения вежливости. Парламентарии используют уважительные формы обращения друг к другу (*The right hon. Member for Don Valley; My right hon. Friend; The hon. Gentleman; Уважаемые депутаты; уважаемые коллеги; Уважаемый Сергей Евгеньевич*). Языковыми средствами выражения вежливого отношения к собеседнику являются языковые единицы со значением благодарности и извинения (*I am sorry to have kept the hon. Member for Glasgow North West (John Robertson) waiting; I thank the Minister for being generous in taking interventions; I am grateful to you, Mr Speaker; I thank the Minister for that clarification; I pay tribute to the hon. Lady; I apologise to the Secretary of State for coming in late and I appreciate the fact; В первую очередь надо поблагодарить Галину Николаевну Карелову; я от своего имени благодарю всех авторов законопроекта; Искренне хочу поблагодарить*

вас за выступления; *Прошу прощения, если кого-то обидел*). Языковые формы вежливости, доброжелательного отношения к собеседнику являются важным маркером институциональной ситуации.

Таким образом, формирование институциональной ситуации «парламентские дебаты» осуществляется номинацией места и времени проведения дебатов, указанием на количество и состав участников, обозначением их социальных ролей и названием обсуждаемого законопроекта. Развертывание институциональной ситуации основывается на речевых актах обращения политиков друг к другу с упоминанием их институционального статуса и других клишированных речевых актах (представление, объявление повестки, установление регламента, призывы соблюдать регламент, замечания, назначение голосования и т.п.). В целом, институциональный характер ситуации «парламентские дебаты» определяется специализированной клишированной разновидностью общения и использованием особого репертуара языковых средств, входящих в лексикон политиков, а также языковых форм институциональной вежливости.

2.3. Языковые маркеры коммуникативной ситуации

Как было определено в теоретической части диссертационного исследования, сущность коммуникативной ситуации заключается в том, что прежде всего это непосредственное взаимодействие людей здесь и сейчас, в определенном месте и в определенное время; коммуникативная ситуация разворачивается в условиях со-присутствия конкретных коммуникантов.

В предыдущем разделе мы определили, что местом развития институциональной ситуации является парламент Великобритании, в частности, Палата Общин или Палата Лордов (*House of Commons / House of Lords*) и здание Государственной Думы РФ (*Здание Государственной Думы. Большой зал*). В протоколах заседания парламента Великобритании и в стенограммах заседания Государственной Думы РФ указывается дата проведения и время начала работы парламента (*Wednesday 19 December 2012. The House met at half-past Eleven o'clock; 19 ноября 2013 года. 10 часов*).

Каждая конкретная коммуникативная ситуация разворачивается в этот же определенный и ограниченный промежуток времени; в официальных протоколах (Hansard) и стенограммах заседаний Государственной Думы фиксируется время протекания институциональной и коммуникативной ситуации (*The House met at half-past Nine o'clock; The House met at half-past Two o'clock; The House met at half-past Eleven o'clock; 19 Dec 2012 : Column 953. 6.40 pm; 19 Dec 2012 : Column 951.6.34 pm; 5.58 pm. House adjourned; 8.30 pm. House adjourned; 7.46 pm. House adjourned; 7 pm. Debate interrupted (Programme Order, this day; Результаты регистрации (10 час. 00 мин. 20 сек.); Результаты регистрации (10 час. 00 мин. 25 сек.); Результаты голосования (18 час. 01 мин. 41 сек.); Результаты голосования (17 час. 51 мин. 27 сек.); Ну вот теперь мы заработали перерыв, время – 14.00, пожалуйста, отдохните до 16 часов).*

Главной особенностью коммуникативной ситуации является то, что она осуществляется в строго определенное время. Спикер / председательствующий, как главный организатор коммуникативной ситуации, контролирует отводимое на нее время (*I remind the House that the debate must end at 7 o'clock; We must move on to the wind-ups; there are only 30 minutes left before the debate will conclude; 10 часов, пора начинать работу; Уважаемые коллеги, у нас осталось десять минут для работы; Так, коллеги, у нас осталось восемь минут до завершения сегодняшнего заседания).* Таким образом, временное протяжение коммуникативной ситуации дискурсивно фиксируется при помощи языковых средств, обозначающих дату и время, и глаголов со значением «начинать, продолжать, заканчивать, завершать».

В Государственной Думе именно председательствующий дискурсивно управляет временными рамками коммуникативной ситуации. С помощью речевых актов декларативов он информирует коммуникантов о времени начала заседания, приближения завершения или объявляет время перерыва (*10 часов, начинаем работать; Уважаемые коллеги, на этом мы заседание завершаем; Коллеги, прервёмся, продолжим обсуждение после перерыва, а пока объявляется перерыв до 16.00; Коллеги, 16 часов, давайте продолжим работу; Коллеги, объяв-*

ляю перерыв до 12.30; Уважаемые коллеги, время – 12.30, перерыв завершается).

Началом развития коммуникативной ситуации, как показал анализ, является фатическое общение; его цель – установить и поддержать психологический и эмоциональный контакт между участниками, продемонстрировать доброжелательные отношения между ними.

Каждое заседание в Британском парламенте традиционно начинается с коллективной молитвы; ее можно рассматривать в качестве особой формы фатического общения, поскольку в данном случае молитва – это не только религиозный, но и ритуальный, объединяющий дискурс, предваряющий институциональный политический дискурс (*The House met at half-past Nine o'clock. Prayers*).

К фатическому общению также относятся речевые акты поздравления и пожелания, с помощью которых председательствующий традиционно открывает заседание Государственной Думы (*Добрый день, уважаемые коллеги! 13 ноября богато на дни рождения. Давайте поздравим Михаила Ефимовича Николаева, Александра Петровича Тарнаева и Дмитрия Владимировича Ушакова и пожелаем им всего-всего самого доброго*). Фатический дискурс председательствующего вызывает невербальную эмоционально положительную оценку со стороны адресата (*Аплодисменты*).

В британском парламенте спикер также использует речевые акты поздравления в качестве фатического общения (*I call the Minister, and the House wishes him a happy birthday*).

Как мы определили в теоретической части диссертации, коммуникативная ситуация представляет собой взаимодействие адресанта и адресата, которые, постоянно меняясь местами, обмениваются сообщениями при помощи коммуникативных актов. Коммуникативная роль адресанта присваивается участнику спикером / председательствующим, который при помощи речевых актов директивов предоставляет слово депутатам (*I call Dr Thérèse Coffey; I call Andy Sawford to speak; I call the Minister; I call Nick Smith; It is 4 o'clock and we need to hear from the Minister; Приглашаю Татьяну Алексеевну Голикову к микрофону; Слово для содо-*

клада предоставляется; Выступает Сергей Александрович Готов). Спикер / председательствующий также строго контролирует время, в течение которого выступающий может выполнять роль адресанта (*I remind Members that there is a four-minute limit on speeches; If we seriously want to get everybody in, we will have to average about 10 minutes a speech; there is no time limit on speeches this evening; Регламент – три минуты; два выступления в одном: семь минут плюс пять; двое желающих выступить, поэтому по две с половиной минуты каждому*).

Как в британском, так и в российском парламенте депутаты используют невербальные средства для того, чтобы заявить себя в качестве адресанта. Спикер располагает списком желающих выступить, зарегистрировавшихся заранее (*A large number of Members still wish to speak; there is a very long list of Members who have indicated that they wish to speak in this debate*). К невербальным средствам взаимодействия относится попытка поймать взгляд спикера и тем самым выразить желание стать адресантом (*A considerable number of colleagues are seeking to catch my eye*). Речевым актом директивом Спикер контролирует выполнение коммуникативной роли адресанта в строго установленный промежуток времени (*Quite a few Members wish to participate in the debate, so I ask each Member to make their contribution briefly so that we can facilitate as many contributions as possible; A large number of Members still wish to speak, and I hope that Members will try to make their comments succinctly so that as many as possible can speak*).

В Государственной Думе председательствующий с помощью речевых актов директивов делает запрос, кто из присутствующих желает выступить, то есть, в наших терминах, заявить себя в качестве адресанта. Участники, желающие стать адресантами, должны заявить о себе, в частности невербально, путем электронной регистрации (*Кто хотел бы выступить? Прошу записаться. Включите режим записи. Покажите список. Давайте по одному от фракции*). Вербальный маркер завершения выполнения адресантом своей коммуникативной роли высказывания сопровождается невербальным маркером, собственно отключением микрофона (*Микрофон отключён*).

Остальные участники коммуникативной ситуации, пока один из них говорит, идентифицируют себя в качестве адресатов. Это доказывают восклицательные предложения, которые представляют собой речевые акты реагирования (*Не слышно*). Ответная реакция может также оставаться невербализованной (*Аплодисменты; Шум в зале; Сильный шум в зале; Оживление в зале*).

Как уже указывалось, коммуникация во время парламентских дебатов протекает в форме полилога, который носит градуированный характер, когда каждый из участников может переходить из статуса адресанта в статус адресата и наоборот. Полилог возникает на основе близкого физического и психологического контакта, когда все участники локализованы в едином физическом пространстве, которое в то же время является коммуникативным пространством. Основными языковыми средствами развития полилога являются вопросы, которые носят параллельный характер, поскольку они адресованы данному адресанту от разных участников.

Мена коммуникативных ролей адресант / адресат зависит от самих участников, но в то же время контролируется спикером / председательствующим. Если участники желают задать вопрос выступающему с целью внести уточнение или потребовать разъяснения, они используют невербальные средства коммуникативного взаимодействия. В парламенте Великобритании депутат должен встать с места, демонстрируя свое намерение стать адресантом (*Mr David Winnick (Walsall North) (Lab) rose; Caroline Lucas (Brighton, Pavilion) (Green) rose; Steve McCabe (Birmingham, Selly Oak) (Lab) rose; Huw Irranca-Davies rose; Several hon. Members rose; If the right hon. Gentleman wants to make a point, he must stand up and do so to the Chair, not from a sedentary position*).

Принято также прерывать выступления коллег, для чего используются особые лексические и грамматические средства, способствующие развитию полилога. Политики обращаются к коллегам с помощью вопросительного предложения, включающего вежливую форму *will* и словосочетание *give way*, для того чтобы прервать речь собеседника (*On that point, will the right hon. Lady give way; Will the Secretary of State give way; Will my hon. Friend give way*). Выступающие с помо-

щью речевых актов ассертивов и словосочетаний *take interventions* и *make progress* информируют других участников о своей готовности уступить роль адресанта на какое-то время и затем продолжить свое выступление (*I want to make a little more progress, but before I do so I will give way to the hon. Member for Ogmore (Huw Irranca-Davies), because he tried to intervene earlier; I will give way to the hon. Gentleman, but we must make some progress so that other Members can contribute; so I will allow him to intervene*). Или, наоборот, они информируют о том, что еще не готовы стать адресатами (*I will take some more interventions in a moment; I think that I should make a little more progress; I will take further interventions in a moment*).

Проведенный анализ показывает, что полилог в коммуникативной ситуации «парламентские дебаты» имеет свою особую структуру: выступления участников прерываются вопросами и выступлениями других участников. При этом участники обязаны выслушивать друг друга и не покидать заседания, не выслушав, по меньшей мере, двух следующих говорящих (*The courtesies of the House are that a speaker should remain for the next two speakers, **having contributed to the debate***). Спикер контролирует участие в коммуникативной ситуации, ее нормативное развитие, в частности баланс между выступающими и вклинивающимися в них вопросами (*Interventions have taken up a lot of time, so I am having to **reduce** the time limit to five minutes, and might have to **reduce** it again to get everyone in*).

В структуре полилога используются особые метавысказывания с лексической единицей *вопрос / question*; отвечать на вопрос; благодарить за вопрос; задуматься над вопросом (*Я хотел бы **поблагодарить за вопрос**, потому что он действительно крайне важен; У меня вопрос к представителю правительства; **Отвечая на вопрос**; У меня вопрос такой; у меня вопрос более практический; **Спасибо большое за вопрос**; I am grateful to the hon. Gentleman for his question; Before I call hon. Members to **ask further questions** arising from; I have some **specific questions**; Will the Home Secretary **answer the question***). Используются также высказывания, обозначающие внимательных слушающих (*I am listening closely to the Minister. Does he share the worries of many hon. Members?*).

В целом, вопросно-ответная модель полилога помогает политикам накапливать информацию. Председательствующий является главным организатором развития коммуникативной ситуации в форме полилога, обеспечивая участников возможностью попеременно становиться говорящими / слушающими (*Пожалуйста, докладчику слово; Кто хотел бы выступить; Слово для содоклада предоставляется; я имею право определять последовательность выступающих; Спасибо, присаживайтесь; Добавьте полминуты; Коротко, пожалуйста*), а также реагирующими на высказывание (*Коллеги, есть ли вопросы по проекту?; Есть ли вопросы у депутатов? Есть. Прошу записаться. Включите режим записи. Покажите список; Вопросы есть; Вопрос докладчику; Вопрос к Игорю Николаевичу; Ну а теперь переходим к вопросам; Всё-таки уточните: вопрос в чём*).

Выделенная структура полилога позволяет рассматривать парламентские дебаты как «разговорный» тип политической коммуникации, в ходе которой политики производят профессиональный дискурс разговорного типа. В процессе деловой политической коммуникации, то есть в ходе обсуждения законопроекта, участники осуществляют совместную разговорную деятельность, например, они спорят, отстаивая, доказывая свою точку зрения (*I recognise that that is not, unfortunately, the policy of this Government. Let me contrast their proposals on; в первую очередь я хотел бы не согласиться с теми радужными оценками*). Сообщение может быть адресовано конкретному участнику (*Let me say a few words to my old friend, the right hon. Member for Oldham West and Royton (Mr Meacher); я обращаюсь к Андрею Николаевичу Пудову, присутствующему в зале*). Реакция на предшествующий дискурс может быть положительной, когда говорящий разделяет точку зрения своего собеседника (*I also want to pay tribute to the former Minister, my hon. Friend the Member for Wealden; I congratulate my new hon. Friend the Member for Cardiff South and Penarth (Stephen Doughty) on his contribution to the debate, and I emphasise his point that*), или негативной, когда коммуниканты атакуют друг друга (*I accused the shadow Minister of being a bit Eyesore-like; Lady starts accusing my right hon. Friend for making that comment*).

Завершением коммуникативной ситуации «парламентские дебаты» является подведение итогов обсуждения. Языковыми маркерами, которые указывают на завершение коммуникативной ситуации в форме полилога, являются грамматические формы прошедшего времени и глаголы со значением «завершать», «заканчивать» (*We **have had** a lively and wide-ranging debate; This **has been** an extremely good and well-informed debate. A significant number of my hon. Friends and other hon. Members **have spoken**; There **were** many issues around appeal; There **has been** a lot of talk about equality and fairness from Members on both sides of the House; На этом мы заседание **завершаем**; Обсуждение завершено. Ставлю законопроект на голосование; Позицию фракции «Единая Россия» отразит Андрей Константинович Исаев, выступая с **ключительным словом**; я также присоединяюсь к словам благодарности, которые обращены к тем, кто **принял активное участие в обсуждении** этого поистине всенародно значимого вопроса; Коллеги, мы **завершаем** обсуждение).*

Итак, формирование коммуникативной ситуации в рамках институциональной ситуации «парламентские дебаты» основывается на взаимодействии многих адресантов и адресатов в структуре полилога. Началом коммуникативной ситуации является фатическое общение (поздравления, благодарности), либо ритуальный объединяющий дискурс (коллективная молитва). Мена коммуникативных ролей в структуре полилога контролируется спикером / председательствующим, но в то же время говорящие активно иницируют свое вступление в полилог с помощью вопросов, прерываний, вклинивающихся выступлений. Выделенная вопросно-ответная модель полилога подтверждает, что парламентские дебаты – это разговорный тип политической коммуникации. Завершением коммуникативной ситуации, развертывающейся в рамках институциональной ситуации «парламентские дебаты», является констатация завершения коммуникативного взаимодействия в форме речевого акта ассертива, информирующего о завершении коммуникативной ситуации.

Каждая коммуникативная ситуация, так же как и каждая институциональная ситуация, конкретна, то есть формируется в определенном месте, в установлен-

ный отрезок времени и с конкретным составом находящихся в непосредственном со-присутствии участников.

2.4. Языковые маркеры прагматической ситуации принятия решения

В предыдущих разделах мы рассмотрели языковые особенности формирования институциональной и коммуникативной ситуации в рамках жанра «парламентские дебаты». Эти ситуации носят общий характер и присущи парламентской коммуникации в целом. В процессе их развертывания могут осуществляться различные прагматические ситуации, в том числе и прагматическая ситуация принятия решения.

Как мы определили в теоретической части диссертационного исследования, понятие прагматической ситуации расширяет и уточняет собой понятие коммуникативной ситуации. Прагматическое содержание коммуникативного акта, «впитавшего в себя коммуникативную ситуацию», относится к говорящему субъекту (адресанту) и к социальной ситуации, в которой этот акт осуществляется [Арутюнова, 1981, с. 356-357]. Прагматическая ситуация связана со «структурой внутреннего человека» и проявлением индивидуальных свойств личности: она формируется в процессе социально-персонального взаимодействия [Арутюнова, 1997]. Мы принимаем приведенное в первой главе определение прагматической ситуации как дополнительной по отношению к коммуникативной ситуации, основными участниками которой являются адресант и адресат. В процессе взаимодействия они создают прагматическую ситуацию своими вербальными и невербальными действиями и каждый раз принимают на себя определенную прагматическую роль, в данном случае прагматическую роль человека, принимающего решение.

Мы вводим понятие прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и определяем ее как такую ситуацию, в которой основным прагматическим смыслом для всех ее участников является принятие решения.

Прагматическая ситуация принятия решения определяется, прежде всего, тем, что все политики, как участники институциональной и коммуникативной ситуации, позиционируют себя в прагматической роли принимающих решение (ре-

шающих). Это люди, которые призваны решать социальные проблемы. Они в своем дискурсе используют глагол *решать* или словосочетание *принимать решение* для того, чтобы подчеркнуть, что они собрались здесь и сейчас с одной целью — принять решение в отношении законопроекта (*We obviously want to ensure that those **making the decisions** do so properly; if we are to require the decision makers to make a greater number of decisions earlier in the process; Government will retain responsibility for both instruments, and will **make decisions** on strike prices for CFDs, taking into consideration our objectives for the electricity sector, and wider economic and sustainability impacts as appropriate; This Government **have taken the right decision**; In my experience, when we had those reviews before we often got poor-quality **decision making**; We also need to welcome **decisions taken** by the Government when they move in the right direction; I see nothing in the Bill that will have any impact on the quality of **decision making**; Given the appalling nature of **decision making** in this area; the Government's response to this high margin of error is not to seek to improve the quality of their **decision making**; мы даже отдельно **принимали такое решение; было принято решение** распространить действие данной конвенции; мы **не принимаем решения** о нереализуемых обязательствах; Мы сделаем очень существенный шаг по улучшению положения многодетных семей в том числе, **приняв соответствующее решение**; Мы **приветствуем решение**, согласно которому всё-таки будет производиться перерасчёт пенсии людям).*

Употребление слов *decision (decide) / решение (решать)* в речи политиков формирует прагматическое содержание рассматриваемой ситуации, уточняет ее тип и характеризует данную ситуацию как прагматическую ситуацию принятия решения, поскольку принятие решения становится общей прагматической целью для всех участников (***Deciding** the intensity target now, or even in 2014, when the fourth carbon budget will be reviewed, would helpfully clarify the position; That can resolve errors in **decisions** cheaply and quickly; This Bill will require the courts to put the public interest at the heart of their **decisions**; The Bill shows the arrogance of the Home Office by refusing to have its **decisions** appealed; Will she restore the **decision** to do fingerprinting at Calais; they cannot cope with the fact that they get so many **decisions***

*wrong in the first place; it was fundamentally wrong and inconsistent with the rule of law that power to take **decisions** affecting a man's whole future; There should be an independent review mechanism for appeals on immigration **decisions**; the Home Office know that most of the **decisions** come back to lawyers; refusal **decisions** made on erroneous grounds or without reference; in a fast-track **decision-making** process; для того, чтобы данный вопрос был **решён** всесторонне, мы предлагаем его рассмотреть в весеннюю сессию комплексно; Частично проблему, о которой вы говорите, мы решаем за счёт уже принятой нами поправки; Скажите, пожалуйста, почему такое принято **решение**; это позволяет **решить** многие вопросы; у нас есть возможность в весеннюю сессию доработать и **решить** ещё ряд вопросов; такое **решение** мне представляется необоснованным; сегодня нам нужны политическая воля и эффективные экономические **решения**). Использование данных языковых выражений указывает на тот факт, что вся коммуникация в целом посвящена принятию решения. Это ситуация, где выражаются мнения, и ситуация обсуждения, но взятая в своей прагматической сущности, общей интенциональности говорящих – это ситуация принятия решения.*

Языковыми маркерами прагматической ситуации принятия решения являются также словосочетания *pass a law, pass the legislation, pass the bill, принять закон*, с помощью которых политики подчеркивают главную цель текущих парламентских слушаний – принять решение, то есть принять, одобрить рассматриваемый закон (законопроект) (*We need to **pass this Energy Bill** if Britain is to have a credible and ambitious energy and climate change policy; but to **pass the legislation** that we need and of which future generations will be proud – legislation for one nation*).

В прагматической ситуации принятия решения актуализируются индивидуальные установки говорящих с точки зрения обоснованности решения. Достижение желаемой цели, в данном случае принятие политического решения, обеспечивается способностью решающих дать правильную оценку своим коммуникативным действиям, учитывая мнения всех участников.

Как уже указывалось, в нашей работе мы придерживаемся теории решения проблем и рациональности решения, согласно которой рациональное решение учитывает ценность избираемого действия как решения и складывается из системной, фактической и мировоззренческой полезности от данного действия. При решении проблем и принятии решений учитывается максимальная польза от сделанного выбора; максимально полезное действие рассматривается как рациональное решение.

Как показывает анализ, при принятии решения участники политической коммуникации оценивают способность предпринимаемых действий отвечать потребностям и запросам общества. Сторонники законопроекта приписывают избранному варианту только положительные качества, подчеркивая полезность действия для всего общества. На языковом уровне используются описания с мелиоративной семантикой и выражения с семантикой «пользы», «выгоды» (*The Bill is **an extremely good one**; the package of measures proposed in the Bill is **essential to long-term energy security**; In summary, the Bill is **vital**; it is a **very important Bill**; the purpose of **this excellent Bill**; To my mind this is **the most important Bill to come before the House in this Parliament**; The Bill is **substantial**; the Bill is **absolutely right**; the project is **absolutely vital** for the west midlands economy; the Bill is **an ambitious one**; this Bill will enable the system to become **effective**; it is **courageous and principled**, because what we are talking about is one of **the most important functions** of any Government; The Bill is **sensible**; Здесь уже было сказано о **чрезвычайно важной поправке**; мы придаём этим слушаниям **большое значение**; представленный законопроект является **базовым** в сфере регуляции общественных отношений, связанных с использованием информации; это говорит о том, что вопрос, который решается данным законопроектом, **очень важный**; на самом деле законопроект, который мы сегодня принимаем, **чрезвычайно важен** для всех граждан Российской Федерации).*

Решающие при помощи речевых актов ассертивов предоставляют фактуальную информацию о тех, кто непосредственно получит фактическую выгоду от предпринимаемых ими действий – это избиратели, то есть основные клиенты

данного социального института. Тем самым подчеркивается дополнительная полезность действия, избранного в качестве решения (*Parliament wants a law on the people's side, the public want a law on the people's side, and this Government will put the law on the people's side once and for all; This Bill will require the courts to put the public interest at the heart of their decisions; I welcome the Bill, which is long overdue and of tremendous significance to our constituents; The Bill is important for the country and particularly for my constituency; Хочу также обратить внимание ещё на ряд поправок, которые учитывают права тех или иных категорий граждан; мы должны поддерживать, улучшать социальное положение людей в наиболее важных с точки зрения демографической политики районах Российской Федерации*).

Так как прагматическая значимость выбора непосредственно связана с ценностью решения, которая зависит от практических результатов, то принимающие решение предполагают максимально выгодные исходы от предпринимаемых действий, которые в свою очередь приведут к другим желательным действиям. Тем самым они демонстрируют высокую степень уверенности и ту большую силу, которую они придают избранному принципу; в наших терминах, подчеркивается знаковая полезность действия, которое имеет знаковую связь с другими действиями, имеющими свою определенную степень полезности. На языковом уровне это осуществляется при помощи вспомогательного глагола будущего времени *will* в значении возможности того, что событие произойдет (*the Bill will increase competition in all aspects of our energy markets, whether retail or wholesale; Contracts for difference will provide long-term electricity price stability, and therefore revenue certainty, to developers and investors in technologies such as carbon capture and storage, renewables and nuclear; The Bill will keep the lights on, it will help keep people's energy bills down, and it will decarbonize Britain's electricity system*).

При помощи речевых актов ассертивов и лексических единиц со значением «цели» участники прагматической ситуации принятия решения информируют своих коллег о степени важности предлагаемых решений и тех мерах, которые предпринимаются для достижения качественного результата (*The Bill's central ob-*

jective is to achieve electricity market reform, with a new investment mechanism at its core: the feed-in tariff with contracts for difference; the Bill's aim to deliver secure, affordable and low-carbon energy; Its purpose is to keep the lights on at an affordable cost to the country and to control the amounts of harmful gases which, it is said, are leading to global warming; The Government's stated aim with this Bill is to make the UK a more "hostile environment" for illegal immigrants; boosting economic growth at the same time; целью законопроекта является создание общих унифицированных требований к сбору и обработке (хранению, актуализации, использованию, раскрытию и предоставлению) персональных данных физических лиц во всех сферах).

Говоря о самом законопроекте, о его направленности, политики используют в своих высказываниях существительные, которые имеют значение «предпринимаемых мер», а также глаголы и словосочетания со значением «изменения состояния», при помощи которых они подчеркивают высокую степень пользы, выгоды предлагаемых действий и связанных с ними результатов. Данные предложения, по своей сущности, представляют собой речевые акты убеждения, направленные на то, чтобы склонить остальных участников к правильному, рациональному решению (*It contains radical reforms, above all to secure the energy supply that Britain needs for our homes and businesses into the 21st century; The Energy Bill represents the most complete and complex reform of the energy market to date; It sets out a series of steps that will change our energy footprint and our energy future, shaping our energy sources for the foreseeable future; measures in the Bill will support a wide variety of sectors; The Bill will begin to address those absurdities and restore balance; принятие этих законов позволит нам, во-первых, существенно сократить количество этих баз данных, то есть их не будет вести кто попало, а во-вторых, применять меры ответственности к лицам, которые ведут такие базы данных и, соответственно, допускают их утечку).*

Как показал проведенный анализ, институциональная и коммуникативная ситуация «парламентские дебаты» становится прагматической, когда она формируется общей прагматической установкой участников политической коммуника-

ции на принятие решения и единой для каждого из них прагматической ролью «субъект, принимающий решение», накладывающейся на институциональную роль «политик» и на коммуникативную роль «адресант / адресат». Прагматическая ситуация принятия решения отделяется от институциональной и коммуникативной ситуации на языковом уровне; данную ситуацию актуализируют такие языковые выражения, как *question / вопрос, problem / проблема, decide / решать, make a decision / принимать решение*, а также особые языковые средства, передающие значение рациональности, полезности, выгоды и мировоззренческой ценности решения.

В целом, на реализацию прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации указывает то, что высказывания всех участников институциональной и коммуникативной ситуации жанра «парламентские дебаты» объединены общим прагматическим смыслом, их общей нацеленностью на принятие решения, что находит отражение на языковом уровне. В полном соответствии с определением прагматической ситуации Н.Д. Арутюновой, будучи объединены общим прагматическим смыслом, говорящие выступают «деятелями, создающими прагматическую ситуацию», они устанавливают между собой межсубъектные отношения говорящих, принимающих решение.

2.5. Вербализация противоречивых пропозиций как основной параметр когниции при формировании прагматической ситуации принятия решения

Как указывалось выше, в анализе понятия проблемы, требующей решения (*decision problem*), и принятия решения, решение проблемы определяется, в конечном итоге, после исключения неподходящих вариантов, выбором из оставшихся двух альтернатив, которые человек, принимающий решение (*decision maker*), должен проанализировать и определить возможные результаты или последствия каждого из двух действий, а затем выбрать одно из них в качестве решения [Канеман, 1981; 1986]. В когнитивных терминах, принятие решения означает сделать выбор из двух пропозиций, поскольку, как уже отмечалось, решение

проблем происходит в особом проблемном, или пропозициональном, пространстве; элементы этого пространства состоят из отдельных состояний знания (отдельных пропозиций), относящихся к рассматриваемой проблеме, включая первоначальную и желаемую пропозицию. В процессе принятия решения человек замкнут внутри проблемного пропозиционального пространства. Его решение циркулирует от одного варианта (пропозиции) к другому до тех пор, пока он не придет к решению как к выбору одного из вариантов (пропозиций) [Newell, 1977].

Мы принимаем за основу приведенное описание сценария решения проблемы как обработки проблемных пропозиций в когнитивном пространстве и принятие одной из них в качестве решения.

Когнитивную обработку проблемных пропозиций, завершающуюся их вербализацией, мы считаем основным параметром когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Здесь целесообразно обратиться к понятию пропозиции, её общепринятому определению как оперативной структуры сознания или единицы хранения знания в голове человека; пропозиция репрезентирует мир и выступает в виде определенной формы его репрезентации (предложения, высказывания). Пропозиция представляет собой одну из единиц мысли – это смысл предложения (высказывания), то есть его когнитивная / ментальная репрезентация. Ментальный метаязык отличается от естественного языка, представленного в виде слов, предложений, текста, дискурса [КСКТ].

Пропозиция, как когнитивная репрезентация, на поверхностном языковом уровне вербализующаяся в виде предложения, может быть выражена при помощи других слов, чем в высказывании на естественном языке [Dijk, 1978], а её формулирование требует использования метода пропозиционального анализа дискурса, который позволяет перевести поверхностную структуру дискурса в его пропозициональную базу, с целью выявления его основного содержания. Мы, вслед за Т. ван Дейком и В. Кинчем, будем записывать пропозиции в виде предложений на естественном языке и заключать их в треугольные скобки [Dijk, 1978].

Процедуры пропозициональной обработки дискурса заключаются в сокращении количества исходных пропозиций и их увеличении, расширении. Согласно В. Кинчу, пропозиции, как и предложения, могут быть простыми и сложными, то есть одна пропозиция может быть включена в состав другой пропозиции [Kintsch, 1972]. Пропозициональная обработка дискурса включает в себя приписывание непрерывно следующим друг за другом пропозициям определенной иерархической структуры и состоит в выведении глубинных макропропозиций путем сокращения числа его поверхностных пропозиций, и включает четыре правила: стирание (используется для удаления тех пропозиций, которые обозначают случайные или незначительные дискурсивные референты); обобщение (используется для нахождения супер-референта, который позволяет объединить несколько конкретных референтов в одной пропозиции); отбор (из ряда пропозиций выбирается одна, которая поглощает всё сказанное другими пропозициями); построение / конструирование (предполагает собственную формулировку, замену того, что было сказано, то есть позволяет собственное формулирование пропозиции [Dijk, 1978].

С другой стороны, для исследования непрямого дискурса требуется применение методики расширения количества пропозиций по сравнению с теми, что были выражены на поверхностном уровне для того, чтобы выявить несказанное, имплицитное. Этот метод предложил П. Грайс. Он вводит понятие имплицатуры (implicature) – скрытой, подразумеваемой пропозиции, то есть дополнительной пропозиции, стоящей за предложением, которую адресат может вывести путем инференции – логического вывода [Grice, 1989]. В непрямом дискурсе невыраженные пропозиции передают его главный смысл, а для этого необходимо их вывести из глубины дискурса и сформулировать, иначе дискурс останется непонятым.

Исходя из понимания когниции как «познания» и «познавания», то есть как процесса приобретения знаний, так и его результатов, когда сенсорные данные преобразуются в ментальные репрезентации разного типа – концепты, пропозиции, фреймы, скрипты, сценарии и т.п. [КСКТ], мы выдвигаем положение о том,

что вербализация проблемных пропозиций представляет собой результат осмысления и познавания текущей ситуации именно как ситуации принятия решения.

Рассмотрим специфику вербализации проблемных пропозиций в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации на примере обсуждения в комитете Государственной Думы проблемы сезонного изменения времени (от 30.09.2012 г.).

Прежде всего, необходимо отметить, что вся политическая жизнь депутатов Государственной Думы и членов парламента Великобритании связана с обсуждением социальных и политических проблем. Политическая коммуникация в целом протекает в рамках проблемных ситуаций; политические проблемы постоянно формулируются, проговариваются, обсуждаются, осмысливаются, однако не во всех проблемных ситуациях принимается определенное решение.

Осмысление ситуации как проблемной на языковом уровне реализуется за счет использования слова *проблема* в дискурсе политиков. В процессе вербального взаимодействия участники постоянно используют слово *проблема*, что служит доказательством того, что происходит идентификация и номинация ситуации как проблемной (*на самом деле **проблема** этого закона, суперважная **проблема** – это **проблема** техническая; я тоже благодарен за приглашение по обсуждению **проблемы**; должна быть разбивка этой большой **проблемы** на несколько **подпроблем** и т.п.*).

Таким образом, проблемная ситуация – это общий тип ситуаций в политической коммуникации, а прагматическая ситуация принятия решения – это особый тип проблемной ситуации, поскольку не каждая проблемная ситуация прагматически ориентирована на принятие решение.

Мы рассматриваем лишь один из типов проблемных ситуаций в политической коммуникации – такие ситуации, в которых по поставленной проблеме принимается решение. Использование глагола *решать* и словосочетания *принимать решение* в дискурсе парламентариев не только позволяет нам отнести рассматриваемую ситуацию к ситуации принятия решения, но также служит непрямым средством номинации её участников в качестве решающих, то есть каждый поли-

тик идентифицирует себя как человека, обладающего правом принимать решение в данном, конкретном случае и нести ответственность за это решение (*Это решение основано на том, что все системы исчисления времени; Но это решение законодателей; решение в настоящее время о переводе одного субъекта в другой; То есть было решение Законодательного Собрания; вот эти проблемы, которые решаются здесь, отменить, там, еще что-то, нужно решать в соответствии с законом; это было правильное решение; исходя из этого, я и хотел бы всё-таки принять наше решение; Поэтому принимать такие решения нужно как бы аккуратно; позволяют сделать вывод о том, что при принятии решения о переводе на летнее время; проблему исчисления суточного времени, я думаю, решить можно; Единодушное решение было; откладывать сейчас это в очередной раз – это неправильное решение; Можно игнорировать и сказать, что не проблема того, что мы решаем по поводу времени; без Министерства здравоохранения и социального развития эта проблема тоже не может быть решена).*

Рассмотрим начальный этап формирования ситуации принятия решения об изменении системы исчисления времени. Председательствующий формулирует проблему (*Во-первых, я хочу поблагодарить всех присутствующих за то, что они нашли часть своего личного времени и выделили его на обсуждение, на мой взгляд, весьма актуальной проблемы – изменение времени в Российской Федерации*). На то, что председательствующий формулирует проблему, указывает само слово *проблема*, то есть, в лингвистических терминах, происходит определение и фиксация типа ситуации как проблемной. Председательствующий отмечает, что проблема будет обсуждаться.

Проблема не только номинируется председательствующим (*изменение времени в РФ*), но он же отмечает и наличие двух вариантов её решения, что позволяет нам определить эту проблемную ситуацию как прагматическую ситуацию принятия решения.

Возможные решения обозначаются говорящим как *развилки*, то есть сам говорящий не называет их вариантами решения проблемы (*Я, единственное, хочу обратить ваше внимание на те **развилки**, которые хотелось бы обсудить*).

Председательствующий задает развернутые вопросы, ответы на которые предполагают выбор из двух альтернатив (***Первая развилка** – это принципиальный вопрос о том, стоит ли вообще будить лихо, я имею в виду изменять принятую на сегодняшний день систему исчисления времени, которая зафиксировала отклонение на два часа от астрономического времени. Может быть, не нужно ничего делать? **Вторая развилка** – а куда нам возвращаться? Возвращаться нам, закрепив изменение только зимнего времени, или возвращаться нам к астрономическому поясному времени?*).

Существует прямая взаимосвязь между постановкой вопроса (проблемы) и решением проблемы в ответе на вопрос [Winograd, 1977, p. 64]. В данном случае проблема поставлена в вопросах председательствующего, а её решение содержится в его же собственных ответах на эти вопросы; этих решений два: оставить принятую систему исчисления времени или изменить эту систему. Изменение, в свою очередь, тоже влечет за собой два решения: перейти на зимнее время или вернуться к астрономическому поясному времени.

Становится очевидным, что происходит реализация когнитивного сценария принятия решения: за высказываниями председательствующего встают, последовательно, две пропозиции (два решения). Эти решения представляют собой действия в мире, реализующие две находящиеся в конфликте проблемные пропозиции: <Необходимо изменить время> vs <Необходимо не изменять время>. Вербализация этих проблемных пропозиций осуществляется с использованием слова *развилка*, которое определяется как «место, где дорога расходится надвое и более» [ТСРЯД], «то же самое, что разветвление» [ТСРЯ]. Эта метафора указывает, в терминах теории решения проблем, на две альтернативы, выбор из двух вариантов. Высказывания, в которых используется слово *развилка*, передают смысл, который на метаязыке формулируется не как *развилка*, а как *первое решение* (*первая*

развилка) – <Изменить время>, и *второе решение (вторая развилка)* – <Не изменять время>.

Две проблемные пропозиции предполагают два возможных варианта решения проблемы, из которых решающие должны сделать выбор одного. Этот выбор в данном случае сводится к вариантам между ответами «да» или «нет», на когнитивном уровне это означает, что говорящие выражают две пропозиции, полностью исключающие друг друга.

Поскольку вербализуемые пропозиции являются контрадикторными, то тип решения проблемы в политической коммуникации мы обозначаем, используя термин П. Таргарда [Thargard, 1992] и С.Н. Плотниковой [Плотникова, 1995], как *адверсариальный*.

В условиях адверсариального типа решения проблем каждый из участников атакует проблемную пропозицию оппонента. Данный тип решения проблем противопоставляется кооперативному, поскольку учитывает контр-действия со стороны адресата (In adversarial problem solving (APS), one must anticipate, understand and counteract the actions of an opponent. Unfortunately, however, we also face problems that require us to take into account the actions of opponents; this is adversarial problem solving) [Thargard, 1992, p. 123].

Проведённый анализ доказывает, что основной параметр когниции при формировании ситуации принятия решения – это осмысление и вербализация двух проблемных, контрадикторных по отношению друг к другу пропозиций.

Во всех наших примерах проблема формулируется как вопрос о необходимости изменения существующей ситуации, а решение формулируется как высказывание о действии, которое будет выполнено на основе ответа на данный вопрос.

Рассмотрим в качестве подтверждения ещё одну прагматическую ситуацию принятия решения и способ формулирования в ней проблемных контрадикторных пропозиций на примере заседания депутатов Государственной Думы, посвящённого пенсионной реформе (от 19.10.2013 г.).

Как и в проанализированном выше примере, ситуация принятия решения, в первую очередь, рассматривается говорящими как проблемная, и на это указывают языковые маркеры.

Несмотря на то, что председательствующий не употребляет само слово *проблема*, на языковом уровне ситуация характеризуется как проблемная, поскольку её проблемный характер определяется при помощи слова *вопрос*, которое является аналогом слова *проблема*. Сравним: *вопрос* – то или иное положение, обстоятельство как предмет изучения и суждения, задача, требующая решения, *проблема* [ТСРЯ].

Ситуация номинируется как проблемная (*17-й вопрос – проект федерального закона «О страховых пенсиях», 18-й вопрос – проект федерального закона «О накопительной пенсии»*) и в процессе её развёртывания участники неоднократно используют как слово *вопрос*, так и слово *проблема* (*нам необходимо **решать** вопрос; Этот **вопрос** может стать предметом переговоров; Есть **вопросы**, которые касаются отдельных категорий застрахованных; мы услышали из вашего выступления о тех **проблемах**, с которыми столкнутся наши пенсионеры в будущем*). Данная проблемная ситуация связана с изменением пенсионной реформы (*модернизация пенсионного законодательства*), и она также номинируется в начале развития ситуации принятия решения (*Сегодняшнее обсуждение очередной пенсионной реформы*).

Необходимо отметить, что в данном примере, как и во всех наших примерах, на то, что в политической коммуникации развёртывается ситуация принятия решения, на языковом уровне указывают слова *решать / принимать решение* (*это и **решение** вопроса стажа; Коллеги, все мы **решали** задачу; **вопрос** бы **решался**; и договариваться принципиально, либо принимать принципиальные **решения** по отдельным категориям; Я думаю, что это **решение** необходимо пересмотреть*).

Вербализация проблемных пропозиций является началом развития прагматической ситуации принятия решения, поскольку принятие решения становится общей прагматической целью всех участников. Формулирование пропозиций

осуществляется нами с помощью применения метода пропозиционального анализа, который позволяет учитывать, что пропозиции отличаются от предложений на естественном языке.

Применительно к данному примеру, поскольку речь идёт о пенсионной реформе (*Сегодняшнее обсуждение очередной пенсионной реформы*), мы формулируем две базовые пропозиции в следующем виде: <Изменить пенсионную систему> vs <Не изменять пенсионную систему> и обозначаем их как *первое решение* (P1) и *второе решение* (P2).

Обладая общими свойствами при формулировании, пропозиции могут различаться на языковом уровне, так как в естественной речи они имеют разное лексическое выражение. Так, *первое решение* (P1) <Изменить пенсионную систему>, как показывает наш языковой материал, вербализуется при помощи слов и выражений с семантикой изменения, исправления (*необходимы преобразования в системе пенсионного обеспечения; пенсионную реформу нужно начинать уже сейчас; пенсионная система в нынешнем её состоянии нуждается в изменении; модернизация пенсионного законодательства сможет обеспечить*); а также глаголов со значением поддержать, принять (*Прошу поддержать законопроект в первом чтении; мы предлагаем сделать следующий шаг – принять решение о дальнейшем развитии пенсионной системы; Комплекс законов необходимо поддержать, потому что эти законы являются достаточно сохранными Комитет по труду, социальной политике и делам ветеранов предлагает принять указанные федеральные законы в первом чтении; я предложил бы сегодня принять предлагаемые законопроекты в первом чтении*).

Второе решение (P2) мы формулируем как <Не изменять пенсионную систему>. Оно вербализуется при помощи слов, которые обозначают отрицательные характеристики и последствия реформы (*Закон опасен ещё и тем; Законопроектами предполагается существенное уменьшение страхового характера пенсионной системы – это плохо; к сожалению, пенсионная реформа будет обречена на провал*); глаголов со значением отклонения, неприятия (*Наши предложения: отклонить законопроекты, продолжить их общественное обсуждение; А я*

*объясню, почему **не надо принимать**; я обращаюсь к коллегам, независимо от фракционной принадлежности: **нельзя принимать эти законы** как вредные для страны).* Хотя данные варианты решения не представлены эксплицитно в виде слов *вариант* или *альтернатива*, за ними стоят две конфликтные пропозиции: <Необходимо изменить пенсионную систему> vs <Необходимо не изменять пенсионную систему>.

Итак, основным параметром когнициии в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации является осмысление и вербализация двух проблемных, контрадикторных по отношению друг к другу пропозиций как двух вариантов решения; их контрадикторность состоит в том, что выбор между ними сводится, в конечном итоге, к вариантам между ответами «да» или «нет». В языковом плане начальным этапом прагматической ситуации принятия решения является номинация проблемы и призыв к её решению в форме речевого акта директива (прямого или косвенного), с которым обращается спикер / председательствующий к участникам политической коммуникации; решение, с точки зрения коммуникации, является коммуникативным действием – общим ответом участников на поставленный с помощью речевого акта директива проблемный вопрос; с точки зрения положения вещей в мире, решение является действием, которое предстоит выполнить в мире.

2.6. Коллективная когнициия как отличительная особенность прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации

Как показывает анализ примеров, в политической коммуникации осуществляется особый тип когнициии, который мы называем коллективной когнициией.

В связи с этим мы считаем необходимым дополнить уже имеющиеся исследования в отечественной и зарубежной лингвистике по институциональной коммуникации, направленные на изучение различного типа ситуаций как в политической коммуникации в общем, так и в парламентских дебатах в частности, понятием когнитивного сообщества, осуществляющего коллективную когнициию.

Данное понятие развилось от понятия «сообщество» (community), а в частности, от понятия «дискурсивное сообщество» (discourse community). В зарубежных исследованиях понятие «сообщества», определяется как «собравшаяся вместе группа людей (коллектив), взаимодействующая в пространственно-временном континууме и разделяющая общий набор правил вербального и невербального поведения, которые разрешены и соблюдаются членами группы» (a collective group of people interacting in a space-time continuum that shares a set of rules for verbal or non-verbal behavior which are authorized and observed by the group members) [McKerrow, 1990, p. 28]. В свою очередь, понятие дискурсивного сообщества [Hymes 1972; 1974; Porter 1986;1992; Freed, 1987; Swales 1990; Rafoth, 1990; Borg, 2003; Vamford, 2005] создано по модели понятия речевого сообщества (speech community) и представляет собой «социориторические сети, чья совместная деятельность направлена на достижение набора общих целей» (sociorhetorical networks that form in order to work towards sets of common goals) [Swales, 1990, p. 9]. Но в отличие от речевого сообщества, стремящегося к централизации, объединению, то есть соединению людей в общую структуру, дискурсивное сообщество направлено от центра к периферии, то есть к распределению людей по группам в зависимости от их профессиональных или особых интересов (speech communities are centripetal (they tend to absorb people into that general fabric), whereas discourse communities are centrifugal (they tend to separate people into occupational or specialty interest groups) [Swales, 1990, p. 24]. Таким образом, дискурсивное сообщество конституируется посредством дискурса, с помощью которого его члены достигают общих целей.

Так как дискурс имеет когнитивную структуру, дискурсивное сообщество также является когнитивным сообществом (cognitive community), поскольку каждым дискурсом управляют когнитивный опыт, привычки, способности и стандарты его участников (since all discourses are essentially guided by the cognitive experiences, habits, abilities and standards of their participants, a next step would be to identify discourse communities as essentially cognitive communities) [Kraus, 2011, p. 5]. Понятие «когнитивного сообщества» основано на понятии «когнитивной среды»

(cognitive environment) [Sperber, 1982; 1986]. Д. Спербер и Д. Уилсон определяют когнитивную среду как «набор фактов, очевидных индивиду» (cognitive environment of an individual is a set of facts that are manifest to him) [Sperber, 1986, p. 39], то есть это те факты, которые он воспринимает или на основе которых он делает выводы (an individual's total cognitive environments a function of his physical environment and his cognitive abilities) [Sperber, 1986, p. 39], и если эти факты являются очевидными для всех участников коммуникации, то когнитивная среда становится их общей, разделяемой когнитивной средой (mutual cognitive environment) [Sperber, 1986]. Таким образом, общая когнитивная среда – это то, что люди воспринимают и осмысливают в процессе их совместной деятельности. Понятие общей когнитивной среды соотносится с понятием общего когнитивного проблемного пространства, в котором находятся люди до тех пор, пока они не примут решение по поставленной проблеме.

Поскольку в когнитивной среде при принятии решения обрабатываются две противоречивые пропозиции, мы выделяем в ситуации принятия решения в политической коммуникации два когнитивных сообщества. Несмотря на то, что когниция у этих сообществ является коллективной, так как их общей целью является принятие решения, она в тоже время является и противоречивой, адверсарияльной из-за взаимоисключающих друг друга решений.

В нашем исследовании мы преломляем вышеприведенное определение понятия когнитивного сообщества к понятию коллективного субъекта (группового субъекта) [Брушлинский, 2002]), осуществляющего коллективную когницию в группе.

В ходе развития прагматической ситуации принятия решения, находясь в едином не только дискурсивном, коммуникативном, но также проблемном когнитивном пространстве, данное когнитивное сообщество является одним и тем же. Согласно вышеизложенному определению проблемного когнитивного пространства, в котором осуществляется движение решения от одного варианта к другому, в прагматической ситуации принятия решения циркулирование пропозиций идет между двумя коллективными субъектами, которые осмысливают эти две про-

блемные пропозиции как два базовых решения, как выбор между вариантами «да» или «нет».

Так как в прагматической ситуации принятия решения выбор вариантов осуществляют отдельные решающие (decision maker), мы абстрагируем двух модельных решающих из двух дискурсивных сообществ, которые различаются по прагматическим интересам, поскольку все участники ситуации принятия решения (количество присутствующих может быть более четырёхсот человек) делятся на тех, кто выбирает решение изменить текущую ситуацию, и тех, кто выступает против.

Принятие решения – это процесс коллективной когниции, поскольку он осуществляется двумя коллективными субъектами, когнитивная деятельность которых входит в структуру совместной когниции, когда говорящие добавляют свои осмысления в общий процесс принятия решения в общей для них прагматической ситуации принятия решения.

Обратимся к примеру, анализ которого мы начали в предыдущем разделе, и рассмотрим, как осуществляется вербализация проблемных пропозиций, характеризующих каждую отдельную ситуацию, коллективным субъектом при помощи языковых средств.

Как уже установлено, в основе сценария прагматической ситуации принятия решения лежат две базовые контрадикторные пропозиции, которые являются типичными для политической коммуникации и в обобщенном виде могут быть представлены двумя противоположными вариантами: «Необходимо *изменить текущую ситуацию*», а именно: изменить пенсионную систему или «Необходимо *не изменять текущую ситуацию*»: не изменять пенсионную систему.

Данные, «выпаренные» из дискурса пропозиции, не требуют специальной пропозициональной обработки, так как они лежат на его поверхности (on the surface of discourse) и составляют основу рассматриваемого дискурса [Stubbs, 1983, p. 176, 194].

Как показывает анализ, данная прагматическая ситуация принятия решения представлена множественными решениями, то есть внутри самой ситуации есть

множественность вариантов – это микрорешения (микропропозиции). Поэтому особенность и уникальность прагматической ситуации, её сложный характер состоит в том, что в рамках двух базовых контрадикторных макропропозиций происходит также вербализация других проблемных пропозиций по адверсариальному типу как подкрепление этих пропозиций. Отсюда следует, что это процесс полной, всеохватывающей когниции, протекающей в русле двух базовых макро-решений. И это особое пропозициональное наполнение каждой ситуации показывает глубину когниции, то есть глубину осмысления и понимания проблемной ситуации. Чтобы осуществить одно из действий / решений (провести пенсионную реформу или оставить всё без изменений), необходимо предпринять ряд других действий / решений. Мы проводим пропозициональный анализ прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации по сравнению с предложенным Т. Дейком и В. Кинчем, обратным путём: от микропропозиций к макропропозициям и тем самым показываем, что процесс коллективной когниции в политической коммуникации осуществляется от микродействий (множественных действий) к макродействиям (двум базовым решениям).

Вербализация ряда микропропозиций, которые отражают процесс осмысления ситуации в конкретном ракурсе и показывают, что идет глубокий процесс когниции как разъяснение конкретных решений в рамках двух базовых решений (P1 и P2), направленных на изменение или не изменение текущей ситуации.

Таких микрорешений / микропропозиций, представленных на языковом уровне разнообразными высказываниями, мы выделили по три на каждое из двух макрорешений (P1 и P2).

Так как принятие решения – это процесс коллективной когниции, осуществляемый в русле идентификации двух абстрактных коллективных субъектов, насыщающих единое когнитивное пространство общими смыслами, то вербализуемые ими в дискурсе смыслы мы сводим к трём микропропозициям, используя методику расширения количества пропозиций.

Те коммуниканты, которые относятся к первому абстрактному коллективному субъекту, исходя из своей прагматической цели – изменить систему начис-

ления пенсии (провести пенсионную реформу), осмысливают те действия, которые необходимо осуществить в рамках первого базового решения (P1). Микропропозиции, показывающие необходимость осуществления определённого действия в качестве решения, мы обозначаем как P1/1, P1/2 и P1/3, и выводим их на основе анализа языкового материала.

Первую микропропозицию (P 1/1) мы формулируем как <Необходимо создать социально выгодные условия при расчёте пенсии>. Она выражается при помощи лексических средств, подчеркивающих направленность решения на необходимость учета различных факторов при начислении пенсии, ведущих к её **увеличению** и **улучшению благосостояния пенсионеров** (*модернизация пенсионного законодательства сможет обеспечить повышение благополучия всех пенсионеров; создать необходимые условия для сбалансированности в пенсионной системе; По новой формуле выходить на пенсию в более позднем возрасте будет выгодно; усилить роль стажа, то есть повысить стимул работников работать с легальной зарплатой, с легальным заработком; стимулировать более поздний выход на пенсию и обеспечить адекватность пенсионных прав заработной плате; ввести новый порядок формирования пенсионных прав граждан и расчёта размеров пенсий в системе обязательного пенсионного страхования; для граждан, проживающих в сельской местности и имеющих стаж работы в сельском хозяйстве тридцать лет и более, устанавливается с 2016 года **специальная федеральная доплата** к пенсии; **увеличены нестраховые периоды** для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком, с трёх до четырёх с половиной лет, более того, установлен **повышающий коэффициент**);*

Вторую микропропозицию (P 1/2) мы формулируем как <Необходимо повысить социальную ответственность за пенсионное обеспечение>. Она вербализуется при помощи лексики, обозначающей те меры, которые предпринимаются для того, чтобы обеспечить социальную защищённость граждан; это в первую очередь, глаголы со значением усиления, увеличения, используемые в будущем времени (*позволит **повысить социальную ответственность государства, работодателей и самих работников за уровень пенсионного обеспечения; это и***

*взносы, которые наконец-то будут уплачиваться за тех людей, которые досрочно уходят на пенсию из-за вредных и опасных условий труда (до этого работодатели таких взносов не платили – мы создали безумную ситуацию, когда было экономически выгодно сохранять вредное производство; работающие пенсионеры – вопреки предложениям, которые звучали со стороны правительства, – будут получать пенсию в полном объёме); также глаголов со значением **изменения**, которые подчеркивают ряд мер, предпринимаемых в будущем или настоящем, чтобы информировать население о социальных обязательствах государства (законопроектом предлагается для тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые приходят за назначением социальной пенсии, ввести порог необходимого проживания в Российской Федерации – пятнадцать лет. Для граждан Российской Федерации такой порог не установлен, они могут прийти за назначением социальной пенсии, не имея ни дня трудового стажа; Ещё одна из новелл законодательства – это закрепление чёткого перечня трансфертов из федерального бюджета, которые направляются в доходную часть бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации, что позволит сделать более прозрачной систему предоставления трансфертов из федерального бюджета в пенсионную систему; конструкция, предложенная в законопроекте, позволяет постепенно сделать бюджет фонда сбалансированным, поскольку перечень трансфертов чётко закреплён и не может быть снижен искусственно);*

Третье микродействие, стоящее за сформулированной нами микропропозицией (Р 1/3) <Необходимо принять новую систему расчёта пенсионных выплат>, представляет собой изменение условий начисления пенсии; здесь преобладают слова с семантикой описания только положительных качеств будущей формулы расчёта пенсии (баллы – это обязательства государства: какими бы ни были рубли, какой бы ни была инфляция, государство будет обязано пересчитать в соответствии с инфляцией баллы таким образом, чтобы человек получил пенсию, адекватную вкладу, который был сделан исходя из его стажа и исходя из его заработка; при расчёте страховой пенсии по новым правилам впервые вводится понятие «индивидуальный пенсионный коэффициент» или понятие баллов, кото-

рыми оценивается каждый год трудовой деятельности гражданина; он будет индексироваться, ежегодное увеличение его стоимости не может быть меньше уровня инфляции, это означает, что фактически размер пенсии не будет понижаться, баллы не будут обесцениваться; Пенсионный калькулятор специально сделан таким образом, чтобы упростить для человека ввод информации, чтобы он хотя бы в принципе понял, из чего пенсия складывается).

Таким образом, за приведенными в качестве примеров высказываниями стоят пропозиции, которые выражают те действия, которые необходимо предпринять, чтобы изменить существующую ситуацию и решить проблему.

Участники, выступающие за то, чтобы оставить всё без изменений, действуя как единый коллективный субъект, выражают свои решения через негацию, подчеркивая тот факт, что ситуация только ухудшится в будущем. Микропропозиции, поддерживающие второе макрорешение (Р 2) – <Не изменять ситуацию>, которые мы обозначаем как Р 2/1, Р 2/2, Р 2/3, мы будем формулировать при помощи отрицательной частицы «не».

Пример показывает, что первая микропропозиция (Р 2/1) <Не надо увеличивать пенсионный возраст>, которую мы формулируем в рамках второго базового решения <Необходимо не изменять пенсионную систему>, направлена на отрицание тех положительных качеств, которые представлены микропропозицией Р 1/3. Здесь используются слова с негативной семантикой и глаголы в отрицательной форме (*Если считать не рубли, а баллы, как предлагается в законопроекте, то по этой балльной системе получается, что низкооплачиваемые граждане, около двух с половиной миллионов человек, не смогут заработать 30 баллов до достижения пенсионного возраста и им придётся работать, по меньшей мере, сорок два года, – ну, уже было сказано, что это фактически увеличение пенсионного возраста; Как сегодня было отмечено в одном из ответов, человек только после 80 лет фактически начнёт получать повышенную пенсию, до этого он будет получать назад свои же деньги, а девяносто процентов пенсионеров просто умрут и за счёт их средств будут содержаться другие неработающие пенсионеры; наши пенсионеры, по крайней мере большинство, будут вынуждены работать до*

конца своих дней; мы надеемся услышать от правительства отчётливую и понятную программу, направленную на увеличение продолжительности жизни пенсионеров, компенсирующее фактическое повышение пенсионного возраста; А с учётом того что начиная с пятидесятипятилетнего возраста, скажем откровенно, потерять работу у нас легко, а найти крайне сложно, на что мы обрекаем вот этих малообеспеченных граждан; Мы лишаем их пенсионного обеспечения полностью – давайте об этом прямо скажем; мы считаем, что получение более высоких пенсий при более позднем выходе на пенсию, как предлагается в проекте, не поможет улучшить благосостояние пенсионера, – пять лет отсрочки выхода на пенсию окупятся не раньше, чем через десять лет). Также используется ирония, чтобы выделить смысл, противоположный буквальному (стимулирование повышения возраста выхода на пенсию – конечно, видно, что это благие намерения, но мы все знаем, куда приводят благие намерения, и мы, как коммунисты, видим в этом скорее оправдание будущего повышения возраста выхода на пенсию; Ну а выход на пенсию в более позднем возрасте, якобы добровольный, – это фактически оправдание повышения пенсионного возраста в будущем).

Вторая микропропозиция (Р 2/2), передающая смысл <Не надо ухудшать социальное положение пенсионеров> вербализуется с использованием глаголов со значением **ограничения** (есть глубоко пожилые люди, одинокие, которых судьба забросила за границу, для них это условие означает просто **лишиться** российской пенсии; граждан с пятилетним стажем, у которых зарплата была на уровне минимального размера оплаты труда, у них **не будет возможности получить** даже фиксированную выплату; Предлагаемая в сегодняшнем виде реформа во **многом обесценивает** не только труд человека, но и саму человеческую жизнь); говорящие противопоставляют надёжность существующей пенсионной системы сомнительным результатам будущего проекта, используя усилительные наречия **достаточно, весьма** и прилагательные и глаголы с отрицательной семантикой (Ныне действующая пенсионная система тоже далека от совершенства, но в ней **есть механизм накопления индивидуальных пенсионных прав**, это не самая надёжная, **но всё-таки гарантия** от бесправных унижений в старости).

Аналогичные гарантии, предполагаемые в законопроектах, пока достаточно туманны; в них очень много ещё несовершенного и недоработанного, а также предложил бы устранить противоречия проектов законов Конституции Российской Федерации; смотрите, что получается: десять лет человек не получает пенсию – идёт удвоение пенсии, то есть получается, а те десять лет, в течение которых он не получал пенсию, ещё десять лет фактически он будет возмещать, то есть только после 80 лет он получит эти блага! Не кажется ли вам, что это весьма аморальная потеря, которую мы предлагаем обществу, что при средней продолжительности жизни в 70 лет большая часть граждан проигрывает?).

Третью микропозицию (Р 2/3) мы расшифровываем как <Не надо вводить новую формулу расчёта пенсии>, она стоит за теми высказываниями, которые перечисляют неблагоприятные аспекты и слабые стороны новой системы начисления пенсии; здесь используются слова, передающие значения **уменьшения, ухудшения, лишения**, которые подчеркивают тот факт, что новая формула расчёта – это новая проблема (Сложность новой **пенсионной формулы** неизбежно приведёт к **большим проблемам** для людей; Но ведь у нас в формуле по расчёту пенсий максимальный размер уплачиваемого взноса стоит в знаменателе **формулы** – **чем больше знаменатель, тем меньший балл** заработают малообеспеченные пенсионеры, будущие пенсионеры, и вот об этом надо говорить; **Пенсионная формула должна быть простой**, чтобы работник понимал, какой вклад будет в его будущую пенсию от его сегодняшней работы; чтобы понять, что такое пенсионный коэффициент, по-иному **называемый баллами**, – это **условное количество условных денег** в условном кошельке реального пенсионера. То есть пенсионер уже есть, а с **деньгами пока проблема**, аптека есть, а купить лекарства не на что, потому что **непонятно, сколько эти баллы стоят**; около двух с половиной миллионов человек, может вообще оказаться **на грани банкротства после выхода на пенсию**; Итак, товарищи, дальше – окончательная, общая формула расчёта пенсии после 2015 года. Я хочу сказать, что если бы её увидели Эйлер, Пифагор или Колмогоров, они перевернулись бы в гробу, поскольку **здесь очень много чисто математических недостатков и парадоксов**, о них уже говорили.

Она составлена таким образом, что чем больше страховых взносов отчисляют обеспеченные наши граждане, тем меньше баллов будет у граждан, которые получают среднюю и низкую зарплату; далее, чем выше балл, чем выше будет стоимость пенсионного коэффициента в 2015 году, тем больше будут обесценены все пенсионные права, заработанные до 2015 года; Что касается предложенной формулы, то налицо явное ущемление социальных прав и несоответствие её Конституции; у нас есть такие категории лиц, как женщины, родившие и воспитавшие пять и более детей, как родители инвалидов с детства, как лица, проживающие в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, которые имели льготное право выхода на пенсию, и нам непонятно, будет на них тоже распространяться положение о 30 баллах или не будет, – ответа на этот вопрос сегодня нет; наши пенсионеры будут жить в разы хуже, чем на Западе, – и за это нам сегодня предлагают проголосовать; у тех работников, которые поверили государству и у которых есть пенсионные накопления, их принудительно изымают и заменяют на баллы. Не кажется ли вам, что это фактически будет третья конфискационная реформа в России после инфляционного обвала; По сути, всё-таки предлагается конфискационный подход к работникам, которые поверили государству, у которых есть пенсионные накопления).

Как показал анализ, решений два, но внутри этих решений их гораздо больше; поскольку решающие осмысливают те микропропозиции, которые конкретизируют две главные макропропозиции с точки зрения прагматических мотивов, а общее, окончательное решение принимается через прагматическое сопоставление двух наборов микрорешений.

Модель коллективной когниции в прагматической ситуации принятия решения представлена на схеме 1. Она лежит не только в основе этой прагматической ситуации принятия решения, но и других проблемных ситуаций политической коммуникации, имеющих в нашем корпусе примеров (P1 – первое решение; P2 – второе решение; P 1/1, P 1/2, P 1/3 – микрорешения, поддерживающие

первое базовое решение (P1); P 2/1, P 2/2, P 2/3 – микрорешения, поддерживающие второе базовое решение (P2):

Схема 1.

Коллективная когниция в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации

Как показано на схеме, в процессе коллективной когниции актуализируются два решения, то есть говорящие, осуществляя когнитивную обработку проблемных пропозиций, вербализуют две контрадикторные макропропозиции и подкрепляющие их микропропозиции, тем самым создавая своей когницией и своим дискурсом прагматическую ситуацию принятия решения.

На схеме также показано, что процесс когниции в прагматической ситуации принятия решения протекает через осмысление и вербализацию контрадикторных пропозиций двумя коллективными субъектами. В этом общем когнитивном про-

цессе вербализация идёт от макропропозиций к микропропозициям; все конкретные решения перечисляются и вербализируются, то есть решение проблемы осмысливается, затем проговаривается с точки зрения того, что прагматически, рационально выгодно и полезно через возможные результаты, исходы от двух базовых действий. Поэтому прагматическая ситуация принятия решения каждый раз конкретна, а её решение обусловлено выбором говорящего; каждое рассмотрение нового законопроекта – это новая прагматическая ситуация принятия решения.

Созданная теоретическая модель коллективной когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации позволяет объяснить, каким образом большое количество участников (более 400 человек), каждый из которых имеет своё мнение, всё-таки принимают решение. Участники политической коммуникации, включаясь в общее когнитивное сообщество, в процессе коллективной когниции разделяются внутри него на два отдельных когнитивных сообщества. После этого происходит сведение двух групп решающих в двух абстрагированных коллективных субъектов, благодаря чему осуществляется стандартный когнитивный сценарий принятия решения.

Данная модель объясняет также когнитивную сущность поведения парламентариев, воздержавшихся при голосовании. Они со-присутствуют с другими участниками в одном и том же месте и в одно и то же время и участвуют в процессе коммуникации (задают вопросы, вступают в полемику и т.д.), то есть участвуют в институциональной и коммуникативной ситуации. Однако они не участвуют в прагматической ситуации принятия решения, поскольку принятие решения не стало их прагматической целью. Поэтому такие участники не входят ни в одно из когнитивных сообществ и не участвуют в процессе коллективной когниции (к ним относятся спящие парламентарии, или погруженные в какое-либо постороннее занятие, или сидящие с безучастным выражением лица).

Итак, участники прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации объединены коллективной когницией; это особый тип полной, всеохватывающей, но в то же время адверсарияльной когниции, осуществляемый в рамках единого когнитивного сообщества. В процессе когнитивной обра-

ботки двух контрадикторных макропропозиций единое когнитивное сообщество, объединяемое общей прагматической целью принятия решения, разделяется на два сообщества, поскольку когниция носит адверсариальный характер. Движение решения от одного варианта к другому, от одного когнитивного сообщества к другому определяется как циркулирование макропропозиций между двумя абстрактными коллективными субъектами, двумя коллективными решающими.

Установлено, что каждая макропропозиция представлена множественными микропропозициями; это означает, что решение складывается из микрорешений. Особенность и уникальность прагматической ситуации, ее сложный характер состоит в том, что наряду с двумя базовыми контрадикторными макропропозициями происходит также вербализация других проблемных пропозиций адверсариального типа как подкрепление этих макропропозиций. Тем самым, в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации осуществляется процесс полной всеохватывающей коллективной, но в то же время адверсариальной когниции.

2.7. Длительный характер когниции в прагматической ситуации принятия решения: решение как финализованное знание

Из положения И. Гоффмана, согласно которому любая ситуация выделяется из непрерывного потока окружающих событий специальным набором пограничных знаков, или некими условными скобками [Гоффман, 2006, с. 59], следует, что прагматическая ситуация имеет своё начало и своё завершение, а «скобки», в данном случае, выступают маркерами того, что ситуация завершена. Расстановка «скобок» указывает границы ситуации как фрагмента взаимодействия людей, в частности, фиксирует начало и конец конкретных эпизодов политической деятельности, и тем самым отграничивает одну ситуацию от другой.

В коммуникативных и институциональных ситуациях в политической коммуникации эти скобки явно выражены. Как мы определили в предыдущих разделах, они имеют особые языковые маркеры, указывающие на их начало и заверше-

ние. Так, каждая коммуникативная ситуация определяется новым составом участников, поскольку коммуникативная ситуация – это взаимодействие адресанта и адресата, то есть это те коммуниканты, которые непосредственно присутствуют в определённом месте и в определённое время. Институциональная ситуация идентифицируется через языковые средства, обозначающие место, время, количество участников, темы, стадии рассмотрения законопроекта; в каждой новой институциональной ситуации указывается дата и время её проведения.

Эти параметры являются базовыми критериями в исследовании институциональной и коммуникативной ситуации и в настоящее время достаточно хорошо изучены. Исследователи уделяют особое внимание изучению использования языка в заданных обстановках (*settings, institutional settings, specialized settings*), которые имеют свои особые временные и локализованные параметры [Stubbs, 1983; Heritage, 1998].

Относительно прагматической ситуации в настоящее время соответствующих исследований нет. На основе имеющихся исследовательских данных по прагматике и на основе анализа наших примеров мы пришли к выводу, что параметры завершения прагматической ситуации связаны с прагматической целью, мотивировкой её участников, то есть прагматическая ситуация будет продолжаться до тех пор, пока прагматическая цель не будет достигнута.

Таким образом, прагматическая ситуация может иметь длительный характер; она развивается и продолжается до тех пор, пока не будет принято решение, пусть и с разным составом участников.

Прагматическая ситуация в политической коммуникации охватывает собой разные коммуникативные и институциональные ситуации, довлеет над ними, цементирует все ситуации в целом и является их основой, то есть все вместе ситуации объединяются, стягиваются в одну общую прагматическую ситуацию. Пока прагматическая ситуация не завершена, проблема существует, поскольку решение ещё не принято, и такая ситуация может длиться годами под влиянием прагматической мотивации.

Приведём в качестве примера ситуацию принятия решения в Государственной Думе по проблеме сезонного изменения времени; в которой одна и та же прагматическая ситуация охватывает собой множество коммуникативных и институциональных ситуаций, каждая из которых имеет своё начало, завершение и состав участников.

Проблемная ситуация, связанная с изменением принятой системы исчисления времени в России, возникла в 2012 г. Тогда впервые в Государственной Думе был поднят этот проблемный вопрос (*Калашников С.В. (председатель комитета ГД по охране здоровья): Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемые коллеги! Я прошу вас включить в повестку дня предложение о направлении запроса от имени Государственной Думы в Правительство Российской Федерации об исчислении времени. В Комитете по охране здоровья накопился огромный материал о негативном влиянии существующего декларативного времени и отклонений, которые существуют на сегодняшний день, от астрономического времени. Многочисленные свидетельства говорят о том, что то, что мы живём сейчас по очень отклоняющемуся от естественного времени режиму, негативно влияет практически. В то же время мы не знаем, какое решение будет принято Правительством Российской Федерации и когда, а люди постоянно задают этот вопрос Государственной Думе, поэтому мы предлагаем дать поручение Сергею Евгеньевичу Нарышкину от имени Думы запросить Правительство Российской Федерации о возможности внесения изменений в постановление правительства*) (заседание от 21 декабря 2012 г.).

В данной коммуникативной и институциональной ситуации проблемный вопрос приобрёл свою прагматическую значимость, и начала развиваться прагматическая ситуация принятия решения по данной проблеме.

В период с 2012 по 2014 гг. фиксируются различные коммуникативные и институциональные ситуации, в которых разные участники обращаются к обсуждению вопроса о необходимости изменения времени в РФ, например:

Бурков А.Л. (фракция Справедливая Россия): Кстати, ущербом для интересов граждан обернулось и принятие Федерального закона от 3 июня 2011 года №

107-ФЗ «Об исчислении времени»: этот закон отменил, напомню, переход на зимнее время, и вот уже полтора года Россия – это страна непрерывного лета. Однако установленные в квартирах граждан двухтарифные счётчики продолжают автоматически переключаться с летнего на зимний режим работы. Почему? Потому что они так были запрограммированы производителем, и получается, что промежуток суток между 23.00 и 24.00 часами является пиковым по нагрузкам – именно в это время граждане приходят домой, активно пользуются светом, стирают, смотрят телевизор, работают за компьютером. Люди ошибочно считают, что в 23 часа наступил уже льготный режим энергопотребления, а по факту счётчики начинают считать по льготному тарифу только с 24 часов. Те, кто эту проблему вскрыл, вынужден сегодня платить собственные средства за перепрограммирование своих счётчиков. И если решение об отказе от перевода часов было принято государством, то государство и должно понести расходы по перепрограммированию счётчиков – индивидуальных счётчиков наших граждан – либо принять решение о возврате к зимнему времени (22 января 2013 г.);

*Савицкая С.Е. (фракция КПРФ): Уважаемый Сергей Евгеньевич, я прошу включить в повестку ваш ответ на вопрос, получен ли ответ правительства на запрос Думы от 21 декабря по поводу **перехода на зимнее время**. Через СМИ правительство сообщило, что не собирается этого делать, но есть ли официальный ответ в Думе? И вообще, если правительство не хочет исправлять допущенную ошибку, давайте сами сделаем это и примем закон, проект которого существует в Думе, о переходе на зимнее время. В конце концов здоровье граждан дороже амбиций чиновников (12 февраля 2013 г.);*

Калашников С.В. (председатель комитета ГД по охране здоровья): Мы с вами всегда говорили о том, что этот вопрос легче решить через постановление правительства, в связи с этим мы предлагаем отложить рассмотрение этого законопроекта сегодня и параллельно вносим предложение включить в повестку дня вопрос о рассмотрении проекта постановления об обращении Государственной Думы к Председателю Правительства Российской Федерации Медведеву по

вопросу установления в Российской Федерации **системы исчисления времени**, приближенного к поясным значениям времени в системе всемирного координированного времени. Все документы, связанные с рассмотрением данного проекта постановления, будут в зале сейчас розданы (23 апреля 2014 г.);

Красильникова О.К. (фракция «Справедливая Россия): Уважаемые депутаты, вашему вниманию предлагается проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исчислении времени». Вопрос изменения системы исчисления времени, бесспорно, имеет сейчас огромное значение для всех жителей нашей страны. Учёт влияния любых искусственных систем исчисления времени на здоровье наших граждан мы, авторы законопроекта, считаем первичным при рассмотрении вопросов оптимизации режима времяисчисления, спорные и недоказанные преимущества введённого социально эффективного времени не стоят медицинских и демографических проблем, вызванных режимом постоянного десинхрониза, в условиях которого третий год живёт большинство россиян. Просим вас поддержать принятие законопроекта в первом чтении и, так как вопрос регулирования порядка исчисления времени относится к федеральным полномочиям, сократить рассылку до четырнадцати дней (10 июня 2014 г.);

*Калашников С.В.: Уважаемые коллеги, 10 июня мы с вами приняли в первом чтении законопроект, касающийся **исчисления времени** в Российской Федерации. После этого провела работу межфракционная рабочая группа с участием правительства, которая внимательно рассмотрела все поправки, поступившие в комитет. Всего в комитет поступило пятьдесят шесть отзывов субъектов, которые поддержали законопроект, десять субъектов предложили изменения (1 июля 2014 г.).*

Формулируемые в каждом из заседаний два варианта решения проблемы <Изменить время> или <Не изменять время> заставляют участников прагматической ситуации включиться в процесс их обсуждения (Поэтому я предлагаю от имени комитета отказаться как от нынешней системы, весьма вредной для здоровья и отказаться и от предыдущей системы, а перейти прямо к поясному вре-

мени; Однако наше общество, как и комитет Апрелева Вячеслава Пантелеймоновича, негативно относится к идее круглогодичного сохранения летнего и декретного времени; И, конечно, нужно переходить, но хотя бы сейчас, как Николай Фёдорович правильно сказал, хотя бы сейчас перейти на зимнее время постоянное; Всегда где-то нужно золотую середину найти, чтобы посмотреть ни ради доказательства, что вот так будет, а у всех не вызывает сомнения, которые здесь большинство сидят, что лучше сейчас перейти к зимнему времени, это наиболее оптимальный вариант).

В предыдущем разделе мы определили, что в прагматической ситуации принятия решения после постановки проблемы посредством вербализации двух проблемных, противоположных друг другу пропозиций, дискурс участников центрируется вокруг этих двух базовых контрадикторных пропозиций. Участники находятся в общем проблемном пространстве до тех пор, пока проблема не будет решена; их решение циркулирует от одного варианта (пропозиции) к другому до тех пор, пока они не придут к решению как к выбору одного из вариантов (пропозиций). В процессе решения проблемы осуществляется развитие проблемного когнитивного пространства, которое превращается в коммуникативное благодаря коммуникативному взаимодействию участников. Проблемное пространство создает также пространство дискурсивное, поскольку дискурс порождается как центрированный на проблемных пропозициях. В дискурсивном плане создание проблемного когнитивного пространства можно описать через понятие «выдвижения» как «когнитивной процедуры отбора наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации: привлечение внимания к определенной части текста обеспечивает ее выдвижение на передний план в обработке информации» [КСКТ].

На языковом уровне длительный характер прагматической ситуации показывают ретроспективные связи, в частности, повторы, с помощью которых говорящий возвращает собеседника к ранее упомянутым фактам по рассматриваемой проблеме (*Я должен напомнить, что ещё в 2001 году Российская академия медицинских наук признала необходимым вернуть Россию к поясному времени; Тоже впервые*

введено вот это понятие, которое здесь подвергалось критике; В 1917 году мы тоже летнее время ввели, потому, помните, 20 лет декретами Совнаркома регулировали; Потом в 1991 году было тоже решение, помните; Если вы помните события 2010 года; Некоторые здесь присутствующие были на парламентских слушаниях 23, по-моему, сентября 1999 года, были очень активные парламентские слушания с участием Академии медицинских наук; я ещё хотел про тему, которую вы затронули; Я просто говорю, что вот такие эксперименты уже были; Да, мне известны эти исследования; На самом деле исследования проводилось; Вы, уважаемые и дорогие для нашего комитета учёные, правильно сделали заключение о целесообразности возврата к поясному времени).

Таким образом, участники прагматической ситуации принятия решения постоянно возвращаются к тому, о чем уже говорилось, проговаривая то, что уже было сказано. Здесь также наблюдаются полные повторы, когда говорящий повторяет свои или чужие слова (*Но повторяю, что с 30 октября прошлого года в России; в первую очередь, с системой распространения, воспроизведения и хранения сигналов этого точного времени, о чём я говорил ранее; основную суть и результаты нашего исследования Марина Павловна доложила; потому что от этого, ещё раз говорю, зависит; При этом предельно понятно, вот сейчас уже говорили, экономика всего, официально уже дали; о чём здесь говорилось сегодня; Для этого достаточно вернуться к международным договоренностям 1884 года, о которых тут говорилось; Как уже до меня подчеркивалось, что такой вредной для здоровья системы исчисления времени нет ни в одной стране мира; И вот тут уже обсуждали, нам всё-таки важнее всего здоровье; Мнение, уже Вячеслав Пантелемонович говорил; Андрей Валерьевич Панин приводил график; здесь необходима какая-то более объективная статистика, чем ту, которую вы проводили; Вот об этом говорили, депрессии различные; как Николай Фёдорович правильно сказал; связано с тем, что, как уже сейчас говорил Андрей Валерьевич; Николай Фёдорович, вы сказали замечательные слова; Это можно также провести аналогию с пятницей и понедельником, о которых я говорил; Вот тот же Колесников, когда выступает, коллега из Новосибирска, го-*

ворит: нет, медицинских данных за это нет. Везде он это говорит, я просто говорю вам).

Как показывают приведённые примеры, поддержание прагматической ситуации принятия решения осуществляется посредством ретроспективной связи; эта связь сохраняет проблемное когнитивное пространство до тех пор, пока прагматический вопрос не решен. Кроме ретроспективных связей поддержание прагматической ситуации принятия решения осуществляется посредством вербализации ранее упомянутой информации путем повторов. В течение всего этого продолжительного периода времени (более двух лет) данная прагматическая ситуация поддерживается разными говорящими. Эта ситуация, в своём развитии, охватывает собой множество институциональных и коммуникативных ситуаций, так как в каждой из этих ситуаций поднимался один и тот же проблемный вопрос: изменять время или не изменять. Этот вопрос обсуждался, аргументированно отстаивался. Таким образом, всё это время проходил процесс когниции; все участники находились в общем проблемном пропозициональном пространстве, их решение переходило от одного варианта к другому, в наших терминах, осуществлялось движение от одной пропозиции к другой – <Изменить время> или <Не изменять время>.

Процесс когниции – обработка двух контрадикторных пропозиций – носит здесь длительный характер. В процессе рассмотрения вариантов решения проблемы на уровне дискурса продолжается вербализация проблемных пропозиций до тех пор, пока решение не будет принято. Принятие решения – это конечный результат когниции, результат осмысления и познавания проблемы в прагматической ситуации через возможные варианты её решения. Принятое решение мы определяем как финализованное знание – это знание, обработка которого завершена вербально в процессе когниции, поскольку финализованность как «качество дискурса» отражает «конечность дискурса во времени и устремленность дискурсообразования к окончанию и достижению предназначенности смыслообразования; придание смыслообразованию аттрактивности, то есть возможно наилучшего способа формулирования смысла» [Серебренникова, 2012, с. 6-7].

Решение, как финализованное знание, в данной проблемной ситуации было в конце концов принято (*Результат: принято. Закон принят* (1 июля 2014 г.), и завершился процесс когниции выбором одной из контрадикторных пропозиций: пропозиции <Изменить время>, в связи с чем прагматическая ситуация была завершена и обрела, в терминах И. Гоффмана, свои «скобки».

Итак, когниция в прагматической ситуации принятия решения имеет длительный характер; завершением процесса познавания и осмысления прагматической цели является решение как финализованное, окончательно выработанное знание.

Проведенный анализ доказывает, что когнитивное проблемное пространство довлеет над коммуникативным; в связи с чем проанализированная ситуация принятия решения развивалась в течении нескольких лет. Это позволяет сделать важный вывод о том, что прагматическая ситуация является более широким понятием, чем коммуникативная или институциональная ситуация; в частности, в политической коммуникации одна и та же прагматическая ситуация, направленная на принятие определенного решения, может включать в себя множество коммуникативных и институциональных ситуаций.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В данной главе нами было дано определение прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации на основании разграничения языковых маркеров институциональной, коммуникативной и прагматической ситуации. Мы установили, что в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации основным прагматическим смыслом для всех ее участников является принятие решения, то есть все участники принимают на себя прагматическую роль принимающих решение (решающих). Общая ситуация принятия решения в политической коммуникации представляет собой сложное единство и моделируется из трех типов ситуаций: институциональной, коммуникативной и прагматической, каждая из которых имеет свои особенности и определяется своими языковыми маркерами.

Установлено, что основным параметром когниции при формировании ситуации принятия решения является осмысление и вербализация двух проблемных, контрадикторных по отношению друг к другу пропозиций, из которых решающие должны сделать выбор одной, что предполагает адверсариальный тип решения проблем в политической коммуникации.

Выявлено, что принятие решения представляет собой процесс коллективной когниции, осуществляемый коллективным субъектом. Созданная теоретическая модель коллективной когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации позволяет объяснить, каким образом большое количество участников принимает решение. Включаясь в общее когнитивное сообщество, в процессе коллективной когниции все участники разделяются внутри него на два отдельных когнитивных сообщества, которые представлены как два абстрактных коллективных субъекта.

Установлено, что процесс когниции – обработка двух контрадикторных пропозиций – носит длительный характер и завершается принятием решения. Оно представляет собой финализованное знание, завершающее процесс когниции вы-

бором одной из двух контрадикторных пропозиций и ведущее дискурсообразование к завершению.

Доказано, что прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации охватывает собой разные коммуникативные и институциональные ситуации, довлеет над ними и является их основой, стягивая их в одну общую прагматическую ситуацию. Пока прагматическая ситуация не завершена, проблема существует, и такая ситуация может сохраняться длительное время под влиянием прагматической мотивации.

ГЛАВА III. ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСИВИЗАЦИИ В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

3.1. Дискурсивные механизмы согласия и несогласия как факторы поддержания процесса дискурсивизации

Как показывает анализ корпуса наших примеров, прагматическая ситуация принятия решения имеет свои собственные параметры дискурсивизации.

Дискурсивизацию мы понимаем вслед за С.Н. Плотниковой и Е.Ф. Серебренниковой как «динамический креативный процесс порождения дискурса «здесь и сейчас», в реальном времени и пространстве», главным, определяющим параметром которого является дестинация; это конечная аксиологическая доминанта, завершающая траекторию реализации дискурса говорящего / пишущего. Дестинация дискурса – это итог процесса дискурсивизации, «пункт прибытия» дискурсивной личности, в котором она оказывается «после» дискурса» [Плотникова, 2013, с. 185].

Несомненно, что единой дестинацией, «пунктом прибытия» всех участников прагматической ситуации принятия решения, завершением их процесса дискурсообразования является решение. Именно на принятие решения как на «пункт назначения», используя разные механизмы дискурсивизации, направляет свои усилия коллективный субъект.

Как показывает анализ, прежде всего развитие прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации происходит на основе дискурсивных механизмов согласия и несогласия, то есть на уровне дискурсивизации ситуация структурируется с помощью речевых актов согласия и несогласия; соответственно, все участники делятся на согласных и несогласных с рассматриваемыми решениями.

В нашем исследовании дискурсивных механизмов согласия и несогласия мы опираемся на труды А. Померанц, которая, работая в русле разговорного анализа, даёт определение формальным механизмам согласия / несогласия, связы-

вая их с понятием оценки. Согласно А. Померанц, принимая участие в социальном взаимодействии, люди систематически дают оценки, которые представляют собой продукты взаимодействия, с помощью которых говорящие заявляют (утверждают) свои знания о том, что они оценивают, то есть оценки основаны на знании говорящего того, что он оценивает [Pomerantz, 1984, p. 57]. Согласием и несогласием, в свою очередь, называются «альтернативные действия, которые становятся релевантными в отношении первоначальных оценок и являют собой вторые оценки. Такие согласия и несогласия совершаются, в общем и целом, с помощью вторых оценок» [Pomerantz, 1984, p.62-63].

Как показывает наш языковой материал, коллективное согласие и несогласие осуществляется при помощи языковых выражений с соответствующей семантикой, которые представляют собой прямой способ выражения прагматической позиции (*I agree; I profoundly disagree; я не согласен с господином Новиковым; Я абсолютно согласен со всеми выступавшими*). Наравне с прямыми говорящие используют не прямые средства выражения своего согласия или несогласия, то есть косвенные речевые акты (*I welcome; I concur; I feel entirely comfortable voting in favour of this Bill; I support the Second Reading of the Bill; I rise strongly to support this Bill; I commend it to the House; Прошу поддержать законопроект в первом чтении; Я хочу сразу сказать, что поддерживаю данный законопроект и рекомендую принять данный законопроект в первом чтении; I shall vote against the Bill; I will oppose the Bill; I will not support this Bill; I will vote against this Bill; фракция ЛДПР будет голосовать против данных законопроектов; Я думаю, уважаемые коллеги, нам нельзя голосовать за этот законопроект; фракция «Родина» будет голосовать против этого законопроекта*).

Решающие активно используют выражения, содержащие лексические единицы со значением согласия и несогласия, которые отражают их прагматическую установку.

Говорящие используют языковые средства, с помощью которых они показывают остальным участникам, что они присоединяются к уже сказанному (*I agree with him on that issue like most hon. Members; I have thought long and hard*

about this issue; It is a pleasure to have the opportunity to make a brief contribution to this debate; I shall join my colleagues in voting against the Bill tonight, partly because of the details that it contains on education, housing, some aspects of health and so on, but also because of the atmosphere that it will create and the message that it will send at this particular time), развивают свою позицию (*I will try, in this shortened time, to vary my comment*), высказывают возмущение, вызванное выступлением коллег (*Let me preface my comments by saying that although I have a lot of respect for the right hon. Member for Tottenham (Mr Lammy), I was personally offended by his comments*).

В целом, эти языковые маркеры служат основным способом распределения всех участников между двумя коллективными субъектами, используя их, они, собственно, объединяют себя с одним из двух коллективных решающих.

Опираясь также на классификацию речевых актов, предложенную Дж. Сёрлем, который выделяет пять типов речевых актов в зависимости от иллокутивного смысла, накладывающегося на конвенциональный языковой смысл: ассертивы (информирование собеседника о состоянии, положении вещей, дел во внешнем мире); комиссивы (говорящий берет на себя обязательство сделать что-либо для слушающего); директивы (попытка говорящего заставить собеседника выполнить какое-либо действие); декларативы (попытка говорящего совершить актом выказывания неречевое действие, внесение изменений в положение вещей в мире) и экспрессивы (выражение своего внутреннего эмоционального состояния) [Searle, 1999], мы определяем речевые акты согласия и несогласия как ассертивы, используемые выступающими для заявления о своей прагматической позиции.

Необходимо отметить, что дискурсивные механизмы согласия и несогласия включают в себя также использование речевого акта апеллятива; в этом случае выступающий начинает свою речь с обращения к предыдущему говорящему, за которым следует ассертив, информирующий, в частности о присоединении к мнению предыдущих участников (*It is a pleasure to follow the hon. Member for Heywood and Middleton (Jim Dobbin), with whose speech I concur; I am following my right hon. Friend's argument about...*). Дискурсивный механизм несогласия включает в себя не только выражение личного отношения к рассматриваемому законо-

проекту (*I do not agree with that; I rise to oppose the legislation presented by Her Majesty's Government involving the redefinition of marriage*), но и несогласие участника как представителя определенной политической партии, говорящего от имени своих избирателей (*I am confident that my conscience and, in the absence of any other mandate, my role as representative of my constituents' views will coincide...*).

Речевые акты согласия и несогласия – это ассертивы, с помощью которых адресант информирует адресата о его состоянии уверенности или неуверенности в рациональности принятия данного решения. Кроме того, в иллокуцию говорящего входит попытка поддержать отстаиваемую точку зрения или, наоборот, убедить адресата изменить точку зрения (*I welcome the Government's acceptance of some of the recommendations made by my Committee; I agree with my hon. Friend on the need for consensus; It is a pleasure to follow the wise words of the former Minister, the hon. Member for Wealden; I shall vote against Second Reading this evening, and I encourage others who disagree with it to join me*).

Иллокутивной целью речевого акта согласия является выражение уверенности в необходимости принятия данного решения, в то время как иллокутивной целью речевого акта несогласия является выражение неуверенности, ставящее под сомнение предлагаемое решение (*I entirely agree, and I believe that what is proposed will lead to racial profiling in the letting of properties that could end up on a scale reminiscent of the 1950s; I see nothing in the Bill that will have any impact on the quality of decision making or on how individual officials treat constituents such as mine when they go with their asylum or visa applications; there is nothing in this Bill that will make that situation any better for the individuals who are caught up in it; Where the Bill is undoubtedly ugly is in its unworkable and unrealistic proposals to outsource the job of immigration officials to letting agency staff and private landlords up and down the country*).

Поскольку принятие решения представляет собой коллективный процесс, то от каждого участника требуется аккумулировать знания и выразить этот процесс через речевые акты согласия и несогласия, то есть выразить уверенность или неуверенность в данном варианте решения. Речевые акты способствуют накопле-

нию разделяемого знания, так как каждое высказывание участника автоматически добавляется к intersубъективному знанию [Clark, 1989, p. 262]. Для того чтобы приступить к принятию решения, участники прагматической ситуации принятия решения прибегают к анализу имеющихся у них знаний о проблеме и постепенно вводят их в проблемное пространство. Поэтому каждый речевой акт согласия и несогласия вносит вклад в коллективный акт принятия решения.

В терминах конверсационного анализа, речевые акты согласия и несогласия, выражающие уверенность или неуверенность, выступают как смежная пара (adjacency pair), где мена коммуникативных ролей представляет собой рекуррентный процесс, поскольку речевые секвенции постоянно сменяют друг друга до тех пор, пока решение не будет найдено (*The British public would expect us to do many of the things that are in it. For most lawabiding people, including immigrants, nothing in the Bill should cause them any disadvantage. I wholeheartedly recommend the Bill to the House; I oppose the Bill and will vote against it because I think that it will be defined, in practice, as a racist Bill and that that will have implications for society*).

Рассмотрим, как осуществляется поддержка двух вариантов решения проблемы при помощи дискурсивных механизмов согласия и несогласия, на основе анализа заседания Палаты Общин Британского парламента от 22.10.2013 г., посвящённого реформе иммиграционной системы (Immigration Bill).

Коллективная когниция вырабатывает два варианта решения проблемы, и после этого происходит разделение общего когнитивного сообщества на два отдельных противостоящих друг другу когнитивных сообщества, которые мы абстрагируем в двух коллективных решающих, каждый из которых, принимая на себя роль решающего, вербализирует одну из пропозиций, за счёт выражения своего согласия или несогласия с предыдущим решающим. Эти два решения: <Провести реформу иммиграционной системы> или <Не проводить реформу иммиграционной системы> (*It is unacceptable that hard-working taxpayers have to compete with people who have right to be here. The Bill will begin to address those absurdities and restore balance. I commend the Bill to the House; The Bill does not do what the Government claim it does. Some of the measures are sensible, some are confused, and*

*some are of serious concern. They claim it tackles illegal immigration, but it does **nothing of the sort. It fails to do enough to tackle the serious problems***). Каждый из выступающих постепенно идентифицирует себя как входящего в состав одного из коллективных субъектов. Рассмотрим, как осуществляется разделение всех участников на два абстрактных коллективных субъекта, какие языковые средства они используют, чтобы примкнуть к одной из двух групп решающих.

Анализ примера показывает, что как только были сформулированы два противоположных варианта решения проблемы, в наших терминах, две контрадикторные пропозиции, происходит разделение всего дискурсивного сообщества на две группы. Первый выступающий выражает свое согласие с первым вариантом решения проблемы, используя выражение *fully welcome*, показывая тем самым, что он входит в группу участников, которые говорят «да» законопроекту. Следующий говорящий также присоединяется к первому коллективному субъекту, используя глагол *support*:

*Mr Robert Syms (Poole) (Con): I **fully welcome** the Bill. All hon. Members realise how strongly people feel about this very important subject;*

*Keith Vaz (Leicester East) (Lab): **It is a pleasure to follow** the hon. Member for Poole (Mr Syms), who has struck the right tone for debating immigration policy. I am glad that Labour Front Benchers **will support** the Government while tabling vigorous and robust amendments in Committee. That is how the House should discuss immigration policy.*

Формирование второго абстрактного коммуникативного субъекта начинается со следующего коммуникативного хода, где говорящий выражает своё несогласие с первым вариантом решения проблемы в пользу второго, используя выражение *vote against*. Его поддерживает следующий участник, высказывающий своё несогласие с помощью выражения *should reject*:

*Sarah Teather (Brent Central) (LD): I **see very little** in it that is worthy of a Second Reading. In fact, it was **extremely difficult to find anything in it that I could support or that I found well thought through**. I shall vote against Second Reading this evening, and I encourage others who disagree with it to join me;*

Fiona Mactaggart (Slough) (Lab): It is a pleasure to follow the hon. Member for Brent Central (Sarah Teather). I shall be doing the same as her at the end of the debate, and I shall make my remarks shorter simply by agreeing with her remarks about <...> There are some good things in it, but as a whole piece of legislation, it is truly unacceptable and we should reject it.

Здесь усматривается явная поляризация «мы vs они»; на основе дискурсивных механизмов согласия и несогласия происходит разделение всех участников прагматической ситуации принятия решения на «своих» и «чужих». Происходит идентификация себя как одного из «своих» (Я – это один из нас) (*It is a pleasure to follow the hon. Member for Brent Central (Sarah Teather). I shall be doing the same as her at the end of the debate; I congratulate the hon. Gentleman on his debate last week. I agree with him on that issue. I also share his concerns about; I agree strongly, with the point made by my hon. Friend the Member for Peterborough (Mr Jackson); It is a great pleasure, as always, to follow the hon. Member for Slough (Fiona Mactaggart), although I shall not be agreeing with her; I cannot share his view.*)

Так как это институциональный дискурс, который требует соблюдения вежливого обращения друг к другу, то включение и исключение участников в рамках двух дискурсивных сообществ осуществляется на основе речевых актов обращения, направленных непосредственно к тем участникам, которые входят в состав их коллективного субъекта, то есть говорящий номинирует того, чью точку зрения он разделяет (*It is a privilege to follow the right hon. Member for Tottenham (Mr Lammy); That is also reflected in the experience of my hon. Friend the Member for Brent Central (Sarah Teather; My right hon. Friend is absolutely right, The hon. Lady is making some powerful points; The hon. Lady makes an excellent point I can understand the passion with which the hon. Lady is speaking and she is making a very sensitive point).* С помощью выражения *I shall join my colleagues in voting against / for the Bill* идентифицируется принадлежность говорящего к определенному коллективному субъекту.

Последующие выступления участников строятся подобным же образом – на основании дискурсивного механизма согласия, с помощью которого они разделя-

ют точку зрения тех, кто поддерживает первую пропозицию <Провести реформу иммиграционной системы>, и несогласия, используя которое они отстаивают альтернативную точку зрения, приводя аргументы в поддержку пропозиции <Не проводить реформу иммиграционной системы>. Основными языковыми средствами выражения согласия и несогласия выступают языковые выражения: *support; cannot support; there is nothing in this Bill; welcome; oppose the Bill; not oppose the Bill; vote against; vote for*, которые сопровождаются усилительными наречиями: *wholeheartedly, fully, strongly, broadly, entirely*. Также используются прилагательные с контрастирующей семантикой, например, *important Bill vs ugly Bill*:

*John Howell (Henley) (Con): It is a great pleasure, as always, to follow the hon. Member for Slough (Fiona Mactaggart), although I shall not be agreeing with her. It was also a great pleasure to hear from my hon. Friend the Member for Poole (Mr Syms), who is no longer in his seat. I agree with him about the reasons **to support the Bill**;*

*Heidi Alexander (Lewisham East) (Lab): I want to make a few general observations about the Bill as a whole, which is a combination of the good, the bad and the ugly. <...> There are some things which I believe should happen and which I can support, but because of what I have explained in the past 10 minutes, I **cannot support the Bill** tonight;*

*Nicholas Soames (Mid Sussex) (Con): I **welcome the Bill** as a further step forward along that path in this Government's determined effort to get immigration down to...;*

*Mr Stewart Jackson (Peterborough) (Con): I **welcome the Bill** and want to talk about the general issues it deals with.*

Как отмечалось в первой главе диссертации, коммуникативная ситуация жанра «парламентские дебаты» носит характер полилога. Его особенность, как выясняется, состоит в том, что в процессе дискурсивизации происходит постоянная мена коммуникативных ролей по принципу согласия и несогласия. Дискурс каждого участника, высказывающегося «за» или «против» рассматриваемого за-

конопроекта, в наших терминах, выражающего своё согласие или несогласие, могут прерывать другие участники с помощью вопроса или с целью дать комментарий разъяснительного или уточняющего характера. В то время как подобные высказывания не могут быть отнесены к речевым актам согласия и несогласия, можно утверждать, что они входят в дискурсивные механизмы согласия и несогласия как их составные части, поскольку, говорящие их используют, чтобы показать, к какому из двух коллективных решающих они относятся (*Does the right hon. Gentleman agree that we need these reforms to stop such cases in the future? The hon. Lady paints a moving picture, and I am sure we all sympathize with her constituent, but does she agree that these mistakes happen because...*).

В целом, полилог в процессе дискурсивизации прагматической ситуации принятия решения структурируется на основе следующих смежных пар: согласие – согласие, согласие – несогласие, несогласие – несогласие. Полилог создаётся как внутри своей группы решающих, так и между двумя группами.

Точкой завершения текущей прагматической ситуации принятия решения является принятие решения, которое в политической коммуникации осуществляется путём голосования, то есть достигается через невербальные средства общения, когда каждый присоединяется к списку из числа «за» или «против» (*The House divided: Ayes 303, Noes 18*). Хотя участники не всегда знают, когда завершатся дебаты по данному вопросу, в наших терминах, прагматическая ситуация принятия решения, текущая институциональная ситуация жанра «парламентские дебаты» имеет временные рамки, фиксирующие как начало, так и завершение каждого фрагмента взаимодействия. На языковом уровне это отражается в предложениях совершенного вида, в которых используются глаголы, указывающие на завершенность действия (*from Members on both sides of the House in what **has been** a good debate; As usual, we **have had** a wide-ranging and thoughtful debate on a serious and complex issue*), а также высказывания, с помощью которых говорящие указывают на недостаток времени, чтобы продолжать дебаты (*I cannot give way now because of the lack of time*) или указывают точное время, оставшееся до конца за-

вершения текущей ситуации (*The right hon. Member for Delyn is right about the issues that we will not have a chance to debate in the remaining seven minutes*).

В целом, анализируя дискурс участников прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, можно сделать вывод о том, что в процессе дискурсивизации происходит постоянное повторение двух базовых пропозиций, благодаря чему осуществляется итерация чистого согласия со своим сообществом и несогласия с чужим. Несмотря на то, что говорящие не вербализуют сами пропозиции <Провести реформу иммиграционной системы> или <Не проводить реформу иммиграционной системы> в своём дискурсе, но, тем не менее, они направляют свой дискурс на поддержание этих двух вариантов решения проблемы.

Рассмотрев, на конкретных примерах, основные дискурсивные механизмы, с помощью которых происходит развитие прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, а именно дискурсивные механизмы согласия и несогласия, мы можем уточнить определение дискурсивного механизма. Дискурсивный механизм представляет собой некий общий принцип, интегрирующий дискурс и обуславливающий его развитие. Как показал анализ, дискурс принятия решения в политической коммуникации интегрируется как единое целое на основе речевых актов согласия и несогласия в общей структуре полилога. Процесс коллективной когниции модельного решающего определяет процесс дискурсивизации: согласия со своим сообществом и несогласия с чужим. Использование особых лексических единиц свидетельствует о вовлеченности всех присутствующих в общее коммуникативное, дискурсивное и проблемное когнитивное пространство, вскрывает прагматическую функцию коллективного согласия и несогласия. Речевые акты согласия представляют собой приращение смысла, в то время как речевые акты несогласия отвергают введенные смыслы, уничтожают их, выводят из данного когнитивного проблемного пространства.

Речевые акты согласия и несогласия, как прямые, так и косвенные, являются факторами поддержания процесса дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения, факторами порождения дискурса принятия решения «здесь» и

«сейчас», так как они носят пронизывающий характер и структурируют собой весь процесс дискурсообразования. На протяжении всего процесса развития определённой прагматической ситуации принятия решения, вплоть до её завершения, наблюдается сквозное действие двух механизмов согласия и несогласия. Речевые акты согласия и несогласия приводят в движение процесс дискурсивизации и являются маркерами принадлежности участников к одному из двух дискурсивных сообществ. Решающие, используя речевые акты согласия и несогласия, позиционируют себя как согласных с первым или вторым решением. Тем самым происходит сведение всех участников к двум модельным решающим и вырабатывается коллективная дискурсивная идентичность модельного решающего, который согласен со своим коллективным субъектом и не согласен с чужим.

3.2. Роль аргументации в процессе дискурсивизации

Дискурсивизация, которая представляет собой текущее производство дискурса вслед за процессом когниции, как было установлено в предыдущем разделе, осуществляется с помощью речевых актов согласия и несогласия. Однако дискурс принятия решения – это не только вербализация чистого согласия или несогласия с одним из вариантов решения, речевые акты согласия и несогласия в политической коммуникации носят аргументативный характер. Полилог, разворачивающийся между согласными и несогласными участниками, протекает в форме конфронтации и предъявления аргументов противоположной стороне.

Как мы попытаемся доказать в данном разделе, дискурсивными механизмами, структурирующими прагматическую ситуацию принятия решения, выступают не только речевые акты согласия и несогласия, которые реализуются при помощи соответствующих языковых средств, но также речевые акты аргументации и контраргументации, их сквозное употребление.

Аргументация представляет собой «речевой акт, состоящий из группы утверждений, нацеленных на то, чтобы поддержать или опровергнуть выраженное мнение, и рассчитанное на убеждение рационального судьи (эксперта) в приемлемости или неприемлемости данного мнения в организованной дискуссии»

[Eemeren, 1984, p. 39]. Аргументативное поведение всегда мотивировано ожиданием несогласия или возражения [Apotheloz, 1993, p.24]. Всё то, что люди говорят, неизбежно включает в себя положительные и отрицательные элементы аргументации, то есть попытки, с одной стороны, поддержать, с другой стороны, попытки отклонить. [Quiroz, 1992, p. 172]. Положительная аргументация нацелена на согласие с выводами и направлена на окончание дебатов, в то время как отрицательная аргументация направлена на то, чтобы оживить, стимулировать начало дебатов [Quiroz, 1993; 1992].

Каждое коммуникативное взаимодействие может выявить несогласие и создать условия, при которых аргументация развивается для того, чтобы противоречить предыдущей аргументации. Такой вид несогласия в аргументативном дискурсе называется контраргументацией (counter-argumentation) [Quiroz, 1992, p. 173].

Дискурс политиков, принимающих решение, уже на уровне вербализации проблемных пропозиций базируется на механизмах аргументации и контраргументации, которые мы также относим к дискурсообразующим факторам прагматической ситуации принятия решения, поскольку «дискурсивизация темы имеет аргументативный и аксиологически ориентированный характер» [Плотникова, 2013, с. 186]. Аргументация и контраргументация используется участниками в качестве инструмента для обоснования своего варианта решения.

Вернёмся к примеру, уже анализированному выше, и рассмотрим, как осуществляется согласие и несогласие с избранными вариантами решения на основе аргументации и предъявляемых аргументов (обсуждение в комитете Государственной Думы проблемы сезонного изменения времени (30.09.2012 г.).

Решение проблем и принятие решений основано на поведении человека, действующего рационально и руководствующегося максимальной полезностью, выгодой от действия, поэтому уже на первом этапе при формулировке первой пропозиции <Изменить время> на уровне вербализации председательствующий выражает своё несогласие с данным решением и в качестве подкрепления своей позиции приводит аргументы, ставящие под сомнение ценность этого действия

как решения (*Первая развилка – это принципиальный вопрос о том, стоит ли вообще будить лихо, я имею в виду изменять принятую на сегодняшний день систему исчисления времени, которая зафиксировала отклонение на два часа от астрономического времени*). Об этом свидетельствует использование лексической единицы *будить лихо*, которая является частью пословицы *не буди лихо, пока спит тихо*, где *лихо* определяется как персонифицированное воплощение злой доли, горя в облике худой одноглазой женщины, встреча с которой опасна для человека [БТСРЯ], а само слово *лихо* определяется в толковых словарях как беда, несчастье [БТСРЯ].

Другие аргументы, сопровождающие вербализацию первой пропозиции, являются очень мощными: это аргумент к общественному мнению и аргумент к власти (*Хотя у нас субъективных мнений по этому поводу, я имею в виду писем в Государственную Думу о том, что многих граждан Российской Федерации это не устраивает, достаточно много. И есть заявление премьер-министра Российской Федерации, будущего Президента Российской Федерации о том, что это было неудачное решение оставить летнее время*). Вопрос (*Может быть, не нужно ничего делать?*) здесь выступает как призыв к аудитории, призыв к тому, чтобы выбрать второе решение проблемы <Не изменять время>. Задавая данный вопрос, председательствующий демонстрирует своё сомнение в рациональности первого решения. Такое вербальное поведение председательствующего мы, вслед за А. Померанц, определяем, как несогласие, так как разного рода колебания, повторяющиеся вопросы, просьбы для разъяснения сигнализируют о потенциальном несогласии (potential disagreement) [Pomerantz, 1984, p. 77].

Здесь необходимо вернуться к предыдущему разделу диссертации, в котором мы, рассматривая речевые акты согласия и несогласия, связывали их с оценкой, которая является неотъемлемой частью социального взаимодействия людей, в процессе которого участники коммуникации дают оценку тем событиям, которые они предъявляют к рассмотрению [Pomerantz, 1984]. Употребляя речевой акт оценки, говорящий дает первоначальное обоснование того, о чем утверждает, обеспечивая тем самым порождение адресатом релевантной второй оценки. Дан-

ная релевантность является особенно видимой, когда первоначальная оценка имеет формат, порождающий подпоследовательность (subsequence) [Pomerantz, 1984, p.61]. При помощи первоначальной оценки, которая содержит отрицательные описания, говорящий побуждает адресата согласиться с его оценкой. Слушающий, в свою очередь, может решить согласиться или не согласиться с предыдущей оценкой.

При вербализации второго решения, в наших терминах, второй контрадикторной пропозиции <Изменить время>, говорящий продолжает показывать своё несогласие, так как сразу же ставит данное решение под сомнение, формулируя его в виде вопроса и к аудитории, и к самому себе (*Вторая развилась – а куда нам возвращаться? Возвращаться нам, закрепив изменение только зимнего времени, или возвращаться нам к астрономическому поясному времени?*). По его мнению, принятие второго решения <Изменить время> повлечет за собой массу новых проблем, которые тоже потребуют своего решения и должны быть поставлены на обсуждение (*С этими двумя вопросами связано ещё несколько технических вопросов*). Новые проблемы, связанные с принятием данного решения, свидетельствуют о том факте, что решение сформулировано в свете потери и влечёт за собой нежелательный фактор утраты. Поскольку при принятии решения важным фактором является выгода и практичность, то именно в выгоде второго решения и сомневается говорящий, оценивая его как нежелательное действие (*Каковы реальные выгоды энергосбережения от закрепления, допустим, летнего времени как постоянного, смены времён – отдельно летнее, отдельно зимнее, или переход к астрономическому поясному времени?*).

Неуверенность в выгоде подкрепляется аргументом к экспертному знанию и призывом к присутствующим экспертам продолжить дискуссию в плане аргументации и контраргументации, то есть выразить свое согласие или несогласие с первоначальной оценкой собеседника посредством второй оценки (*К сожалению, гуляет цифра экономии 0,5 процента, она дана РАО ЕЭС, её никто не проверял. Я хотел бы, чтобы эксперты в этом направлении высказались*).

Аргумент к экспертному знанию получает у говорящего сугубо личностное развитие. Он обращается к своему личному фонду знаний и вербализирует это особое, уникальное знание как аргумент в пользу перехода на зимнее время (*Скажу честно, меня очень впечатлило первое впечатление Бенджамина Франклина, когда он посчитал, сколько Франция сэкономит свечей, если перейдет на декретное время. Фантастические какие-то цифры*). Но тут он же опровергает этот аргумент контраргументом: контрастом между восемнадцатым и двадцать первым веком (*Хотелось бы на нашем уже материале, когда мы имеем дело не со свечами, а с электроэнергией, понять, стоит ли шкурка выделки, и что нам это даёт для народного хозяйства*). Контраргумент фактически отменяет аргумент «за», поскольку фразеологическая единица *стоит ли шкурка выделки*, которая является синонимом фразеологической единицы *овчинка выделки не стоит* и употребляется, когда говорят «о деле, не оправдывающем себя, не стоящем хлопот» [БТСРЯ, 1998, с. 170]. Семантический контраст значений слов *свечи – электроэнергия* показывает убежденность председательствующего в необходимости выбора первого решения – <Не изменять время>, как «предпочитаемое последующее действие» (preferred next action) [Pomerantz, 1984, p.63], так как говорящий приписывает второму референту более высокую оценку по сравнению с первым.

Таким образом, мы видим здесь, что проблемы, формулируемые говорящим, являются фактически контраргументами, и выделяем на их основании два базовых аргумента, к которым обращается говорящий и к которым будут в дальнейшем обращаться другие участники. Этими аргументами являются аргумент к выгоде и аргумент к утрате.

Дальнейший анализ примера показывает, что призыв председательствующего продолжить дискуссию, то есть выразить своё согласие или несогласие с представленными вариантами решения проблемы через их обоснование, побуждает остальных решающих немедленно вступить в обсуждение и выразить свою точку зрения. Внутри дискурсивных механизмов согласия и несогласия осуществляются аргументация и контраргументация, с

помощью которых говорящие стремятся обосновать свою точку зрения и сформировать новые убеждения у адресата. В процессе развития этого полилога на основе речевых актов согласия и несогласия, включающих аргументацию, закрепляется объединение всех участников в двух модельных решающих, а аргументы, используемые ими, превращаются в речевые акты обращения к противостоящему решающему с целью привлечь его в свою группу.

Первый докладчик, В.П. Апрельев, вступает в спор с председательствующим, выражая несогласие с решением <Не изменять время>, приводя известное изречение Цицерона «Благо народа – высший закон», выступающее здесь основным контраргументом экспертного сообщества, комитета «За восстановление в России жизни по поясному времени». «Контраргументацией является определенный вид дискурсивного выражения несогласия между двумя говорящими, где, по крайней мере, двое говорящих противостоят друг другу» [Apotheloz, 1993, p. 29].

В данном случае эксперт предлагает рассмотреть проблему со стороны предполагаемой выгоды или утраты и выступить в качестве рациональных субъектов, напоминая, что данная проблема уже получила свое освещение еще в конце девятнадцатого века. Мы выделяем аргумент к экспертному знанию; он используется в качестве обоснования и оправдания представленного довода (*Значит, как известно, Международная вашингтонская конференция 1884 года рекомендовала правительствам всех стран мира на основе разделения поверхности Земли на 24 часовых пояса по числу часов в сутках перейти к поясному времени*).

Аргументом к общественной значимости у представителя данного общественного комитета выступает аксиологически значимое определение здоровья как наиболее важного фактора для благополучия сильного государства (*Это решение основано на том, что все системы исчисления времени, не совпадающие с поясным, являются вредными для здоровья людей, особенно для растущего организма детей и подростков, что приводит не только к хроническим болезням, синдрому хронической усталости, но и к*

преждевременной инвалидности и даже к преждевременной смертности). Аргументом к утрате выступает определение экономии электроэнергии как незначительной.

Аргумент к утрате поддерживается существительными со значением вреда, разрушения, сопровождаемыми соответствующими прилагательными (*Теперь об экономии электроэнергии. Экономия электроэнергии на применении систем и предыдущей, и нынешней, тех систем, которые опережают поясное время, незначительна. Она достигает максимум полпроцента от производимой энергии, что составляет в расчёте на одного жителя 26-30 киловатт часов в год, что никак не может сравниться с тем **ущербом**, который **наносит здоровью** людей принятая система исчисления времени).* Тем самым ставится под сомнение решение председательствующего остановиться на первом решении (*Она действительно настолько **мизерная**, что никак нельзя её сопоставить с **ущербом для здоровья***).

Такое несогласие А. Померанц называет «сильным несогласием» (strong disagreement) с помощью которого «собеседник выражает оценку, прямо противоположную предыдущей оценке» [Pomerantz, 1984, p. 74].

Спорящий не только отвечает на поставленные председательствующим вопросы, которые определили алгоритм решения данной проблемы, но и аргументированно и обоснованно отстаивает принятие решения <Изменить время>. Он насыщает проблемное пространство достоверными сведениями из фонда личного знания, подкрепляя их историческими справками и проведенными исследованиями его коллег и прямо призывает председательствующего в форме речевого акта экспрессива отказаться от решения <Не изменять время> в пользу решения <Изменить время> (*Поэтому наш комитет просит уважаемый Комитет Государственной Думы по охране здоровья поддержать предложение наше по возврату России к круглогодичному счёту времени по международной системе часовых поясов и обратиться с соответствующим предложением к Председателю Государственной Думы Сергею Евгеньевичу Нарышкину*). Говорящий дает первоначальную оценку того, что утверждает, обеспечивая, там

самым, порождение адресатом релевантной второй оценки. Давая оценку, говорящий не только показывает свою заинтересованность в решении сложившейся проблемы, но и подчеркивает аксиологическую значимость тех ценностных явлений, которые способны отвечать запросам и потребностям граждан Российского государства.

Уверенности говорящего в правильности предлагаемого решения, или же первоначальная положительная оценка, в процессе контраргументации противостоит релевантное несогласие, неуверенность в рациональности предлагаемого решения. Так, следующий говорящий, Н.Е. Новиков, представляя техническую сторону проблемы, выражает своё несогласие с предыдущим выступающим и приводит значимый аргумент, связанный с безопасностью всей страны и, таким образом, выносит оценку, противоположную оценке предыдущего выступающего (*Это я сделал вступление, чтобы вы поняли, что на самом деле проблема этого закона, суперважная проблема это **проблема техническая**. Это моё убеждение. Потому что я лично понимаю, что это фактор национальной безопасности*). По его мнению, изменение времени нарушит систему государственной безопасности (*Нарушения в системе времени немедленно рушат государственную систему, немедленно*). Он выражает согласие с решением председательствующего <Не изменять время>, где важным аргументом является рациональное обоснование пользы (выгоды) в техническом плане (*Время завязано на систему управления сигнализацией, и без этого всё разваливается*). Такой вид согласия А. Померанц называет согласием с той же самой оценкой (the same evaluation), когда «получатель защищает ту же самую оценку, что и предыдущий говорящий» [Pomerantz, 1984, p. 66].

Ценность этого решения, как следует из высказываний выступающего, заключается в аксиологически обоснованной гарантии безопасности всех граждан страны. Для защиты данного решения также используется ещё один аргумент к выгоде: выгодным является увеличение продолжительности светлого времени суток, что также связано с безопасностью (*Но я убежден, что это было правильное решение. Если мы остановились на летнем, то у нас произошло в*

среднем по районам увеличение продолжительности суммарного за год светлого времени суток где-то от 7 до 16 процентов, потому что в целом за год светлое время увеличилось). Говорящий определяет еще один фактор, оцениваемый с позиции выгоды, рационального выбора и наибольшей полезности, – это продолжительность светлого времени суток.

В целом, аргументация данного участника направлена на то, чтобы опровергнуть мнение предыдущего участника и продемонстрировать тот факт, что они находятся в разных группах решающих, а также убедить собравшееся экспертное сообщество во главе с председательствующим в максимальной полезности настоящего решения. Чтобы убедить коллективного адресата согласиться и принять его точку зрения, он выдвигает веский аргумент – аргумент к власти (*Это было поручение президента – остановиться на летнем времени. Но я убежден, что это было правильное решение; из тех решений, которые принял президент*). Он ссылается на представителя высшего органа власти, чьей позиции он придерживается.

Последующие выступления участников строятся подобным же образом – на основании дискурсивных механизмов согласия и несогласия, с помощью которых они объединяются в два противостоящих друг другу дискурсивных сообщества, а аргументация, сопровождающая данный коммуникативный процесс, служит средством доказательства, опровержения, подтверждения или разъяснения принятой прагматической позиции. Принимающие решение приводят аргументы в поддержку одного из решений и контраргументы, оспаривающие другое, а в качестве прагматической мотивации у них выступает система ценностей, значимая для Российского государства.

В конце полилога, когда все аргументы исчерпаны, председательствующий, как человек, обладающий более высоким статусом и наделенный большей властью, подводит итоги состоявшихся дебатов, что сигнализирует о завершении текущей институциональной и коммуникативной ситуации. Председательствующий высказывает мнение отсрочить принятие решения <Не изменять время>. А. Померанц считает, что отсрочка в разговоре является по

своей сути несогласием [Pomerantz, 1984, p. 70]. Председательствующий вновь выражает сомнение в отношении решения <Не изменять время>, которое является несогласием с данным решением, а использование фразеологического оборота *рубить с плеча*, которое определяется как «действовать решительно и необдуманно» [ТСРЯ, 1999, с. 685], свидетельствует о его несклонности к риску, потому что он не чувствует себя уверенным в выборе одного из вариантов решения (*Коллеги, главный вывод, который я лично делаю для себя в рамках нашего круглого стола заключается в том, что, безусловно, рубить с плеча и завтра вынести законопроект, хотя он, кстати, в черновике подготовлен, всё-таки, на мой взгляд, кажется преждевременным*).

Председательствующий отмечает, что не согласных с данным решением больше, чем согласных. Он предлагает продолжить обсуждение в более широкой аудитории, что вызывает одобрение у остальных участников (*То есть я думаю, что обсуждение нужно вынести на более широкую аудиторию, сформулировать на основе нашего круглого стола основные как бы положения, тезисы и попробовать попросить обсудить эти тезисы, как в профессиональном сообществе, например, в Академии медицинских наук, в Сибирском отделении медицинских наук, в Академии наук Российской Федерации, во врачебных сообществах, так и, может быть, даже и более широко в печати и так далее. Народ тоже должен принимать участие и высказывать своё мнение*).

Таким образом, хотя текущая институциональная и коммуникативная ситуация закончена, прагматическая ситуация принятия решения не закончена и будет продолжена.

Итак, с дискурсивным механизмом согласия / несогласия взаимодействует дискурсивный механизм аргументации / контраргументации. Аргументация и контраргументация поддерживают механизм согласия и несогласия, выступая в качестве речевых актов-подсеквенций, подкрепляющих чистое согласие / несогласие аргументирующими высказываниями.

Полилог, формирующийся в процессе взаимодействия двух дискурсивных сообществ, протекает в форме конфронтации и предъявления аргументов проти-

воположной стороне. К основным типам аргументов, используемых в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации относятся: аргумент к выгоде, утрате, экспертному знанию, общественному мнению, власти, общественной значимости, национальной безопасности и системе ценностей государства. В ходе развития полилога на основе дискурсивных механизмов согласия / несогласия и аргументации / контраргументации закрепляется объединение всех участников в двух модельных решающих, а аргументы, используемые ими, служат одновременно речевыми актами обращения к противостоящему решающему с целью привлечь его в свою группу.

3.3. Действие Кооперативного принципа в процессе дискурсивизации

Исследование прагматической ситуации принятия решения доказывает, что действие Кооперативного принципа в процессе решения проблем и принятия решения в политической коммуникации имеет свою специфику.

Дискурсивизация прагматической ситуации принятия решения, процесс креативного и динамического производства дискурса «здесь и сейчас» формирует общую цель, в которой заинтересованы все участники – принятие решения. Наличие общей цели предполагает коммуникативное сотрудничество [Грайс, 1985], решение проблем в условиях конфронтации, ведет к его нарушению, так как формулирование двух противоположных вариантов решения проблемы заставляет всех решающих разделиться на два противостоящих друг другу коллективных субъекта, ведущих борьбу за свой вариант решения.

Анализ показывает, что в ситуации принятия решения происходит коммуникативная борьба каждого участника за избранный вариант, за то, чтобы к нему присоединились другие участники. Депутаты высказывают желание внести разъяснение или уточнение и тем самым осуществить дополнительный вклад в развитие ситуации (*If hon. Members will allow me to make a little more progress, I shall take more interventions later; If hon. Members will allow me to make a little more progress, we can have further interventions later; I thank my hon. Friend for that timely intervention*). Данные высказывания представляют собой речевые акты реагирова-

ния [Плотникова, 2005а], с помощью которых присутствующие политики развивают ситуацию принятия решения, интерпретируя и комментируя высказывания других участников. Коммуникативная борьба предполагает разного рода исправления в дискурсе друг друга (*Уважаемый Дмитрий Иванович, вы, вероятно, оговорились: в законопроекте недопустимы ошибки – серьезные, несерьезные, может быть, вы имели в виду неточности?*).

Коммуникативная борьба проявляется в том, что члены парламента обращаются с просьбой к своим коллегам предоставить слово другому депутату (*On that point, will my right hon. Friend give way?*), указывают говорящему, что он превышает временной лимит. На подобное замечание со стороны адресата следует положительная (*I am happy to give way to the hon. Gentleman who gave those assurances to me; However, I shall give way to my hon. Friend the Member for Coventry South (Mr Cunningham)*) или отрицательная реакция (*No, I will not – I will not get any more time, so it is not in my interests; No, I will not because I would like to get through my speech*).

В борьбе за избранный вариант говорящие обращаются к особым приемам, которые также структурируют прагматическую ситуацию принятия решения, таким как ретроспекция и проспекция [Гальперин, 2006]. Используя ретроспекцию, говорящий возвращает собеседника к предыдущим сообщениям с целью привлечь его внимание и придать особое значение отстаиваемому говорящим решению (*My hon. Friend makes a good point, which returns to a point raised earlier; On the point made by the hon. Member for Rhondda; May I tell the House something to back up what our brother, my hon. Friend the Member for South Antrim (Dr McCrea) said; I echo the words of my hon. Friend the Member for Wealden (Charles Hendry)*). С помощью механизма проспекции говорящий удерживает внимание собеседника, убеждает его, что необходимость избранного говорящим решения будет доказана позже, в последующем, в дальнейшем, таким образом, он уже направляет собеседника к поиску новых смыслов, подкрепляющих его выбор необходимого решения (*I will come to that in a moment; I note that with interest, and hope to comment on it later; I*

am grateful for that intervention, particularly as it gives me an extra minute, but I will come to that point later; That is precisely what I want to talk about; I am grateful for that intervention, because I am going to deal with that point right now). В целом, механизмы ретроспекции и проспекции используются говорящими в коммуникативной борьбе с целью привлечь других на свою сторону, заставить их присоединиться к одному из двух коллективных субъектов.

Коллективная борьба, разворачивающаяся между двумя дискурсивными сообществами на дискурсивном и коммуникативном уровне, приводит к нарушению совместно принятого направления диалога. На коммуникативном уровне такое вербальное поведение являет собой несоблюдение коммуникативных максим П. Грайса. Языковой материал показывает, что особенность адверсариального типа решения проблем состоит в том, что коммуниканты замечают коммуникативные нарушения не у себя, а у своего коммуникативного противника, то есть эти два коллективных субъекта отмечают друг у друга нарушение согласованности во взаимодействии, в наших терминах, Кооперативного принципа П. Грайса, сформулированного им в четырех категориях.

Так как каждая из сторон заинтересована победить в коммуникативной борьбе, то участники ситуации принятия решения указывают коммуникативному противнику на искажение истинностной оценки событий, в наших терминах, они указывают на несоблюдение категории качества, главным требованием соблюдения которой является требование быть искренним и не говорить того, что считается ложным или для чего у адресанта нет достаточных оснований. Говорящие показывают друг другу, что они сомневаются в достоверности того, что утверждается в высказываниях (*It is **unlikely** that HS2 will deliver the regional benefits that have been promised; all those claims are **questionable**; Ну о каких радужных оценках, якобы мы что-то выполняем и что-то делаем, можно говорить?!).*

Используя речевые акты ассертивы, участники ситуации принятия решения указывают своим коллегам на ложный характер выдвигаемых ими пропозиций (*My hon. Friend says that his constituency **will be in no way** affected. Unfortunately, it **will be**; Friend knows that he is **making those figures up**. He is including the contin-*

gency, which will not necessarily be spent; The hon. Lady has just said that the project is supported by Members from all parts of the House. She knows that I do not support it; He did not demur, but it is not a phrase that he generated; Олег Анатольевич, министр финансов не бухгалтер, он член правительства; законопроект не соответствует ряду статей Конституции и значительно противоречит двадцати шести федеральным законам; Комитет также не поддерживает данное протокольное поручение, поскольку здесь ссылка идет на то, что происходило на митинге. Мы не можем это проверить; И за что ни возьмись, мы везде видим разорение, а говорим, что движемся в правильном направлении и хорошими темпами; Фракция рассмотрела предлагаемый законопроект и считает, что он противоречит концепции действующего Федерального закона; Известно, что эта конвенция вызвала крайнее раздражение в ряде государств и была поставлена под сомнение по ряду этических соображений).

Так как каждый участник прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации идентифицирует себя не только как сторонника одной из двух групп коллективных решающих, но и как члена парламента, поскольку это институциональная ситуация, то при обращении к своим коллегам, при помощи местоимения *мы*, в форме речевого акта директива, он призывает их быть искренними, в наших терминах, он формулирует максимум качества (*Мы должны сегодня говорить правду*). В некоторых случаях, используя косвенные речевые акты, выступающие обвиняют своих коллег в неискренности (*Не хочу с этой трибуны обвинять в приписках*). Говорящие также указывают друг другу, что они предоставляют информацию, о которой у них нет достаточных сведений, то есть обвиняют своих коллег в предоставлении некачественной информации (*рассмотрев данный законопроект ко второму чтению, пришёл к выводу о том, что он является неактуальным; Понятийный аппарат не проработан, не определен перечень персональных данных*).

Говорящие указывают друг другу, что их слова не соответствуют истинному положению вещей (*Произошла подмена понятий автоматизированной и автоматической обработки персональных данных; готовы ли вы изъять из этого*

законопроекта статьи 23 и 24, которые **противоречат самой сути норм о защите прав и свобод гражданина**).

Анализ языкового материала также показывает, что спорящие признают тот факт, что они передают адресату неправдивую информацию (*Мы же этим **искажаем** реальную картину и ориентиры развития, в том числе **занижаем** в два раза отчётную себестоимость по сравнению с фактической!*).

Ведение политических дебатов в условиях конфронтации демонстрирует несклонность к сотрудничеству, когда адресат отмечает, что его собеседник предоставляет ему информацию, которая вводит его в заблуждение. Речевым актом ассертивом, он прямо обвиняет его в том, что он выражается неясно, нечетко, двусмысленно и заявляет о своём непонимании. Здесь нарушается категория манеры, а в частности, её максимы – выражаться ясно, избегать двусмысленности и многословия (*I hear what the hon. Gentleman says, but **I do not understand the point that he is trying to make; On the question of compensation, the arrangements favour the acquirer so much against the claimant, and they **do not even say** how the compensation is to be calculated; И не кажется ли вам, что такие формулировки **оставляют чересчур широкое поле для усмотрения; Андрей Николаевич меня не убедил, а тот очень сложный, витиеватый ответ** на мой вопрос, который он дал, только подтверждает эти опасения; Каков механизм ее получения, тоже **неясно*****).

Так как доминирующая роль в формировании институциональной, коммуникативной и прагматической ситуации принадлежит спикеру / председательствующему, то именно он обеспечивает равноправие выступающих до тех пор, пока они не придут к точке завершения их дискурса, и не примут решение, то есть он регулирует ход коммуникативной борьбы (*Interventions have taken up a lot of time, so I am having to reduce the time limit to five minutes, and might have to reduce it again to get everyone in.*). Находясь над этими двумя коллективными субъектами, спикер / председательствующий контролирует тот объём информации, который необходимо участникам передать друг другу, в наших терминах, он повторяет инструкцию Грайса, призывая решающих соблюдать категорию количества, запрещающую говорить много (*That was a very long intervention, much as it*

might have been appreciated by hon. Members. If the hon. Gentleman wants to make a longer intervention – it is called a speech; Леонид Дододжонович, на следующие вопросы отвечайте покороче, пожалуйста). Используя своё социальное преимущество над всеми, спикер / председательствующий призывает всех участников быть релевантными. Он требует, чтобы их вклад в развитие текущей ситуации был уместен на том его этапе, на котором от него этого ожидают другие. В наших терминах, он формулирует категорию отношения, единственным требованием которой является требование «не отклоняться от темы» (*An intervention is on a point relevant to the one that the speaker who holds the floor has just made, not a list of abstract points that the hon. Gentleman might want to make. His intervention should be relevant to the point that Mr Buckland has just made; This is a very long nod to human rights. Perhaps the hon. Gentleman can come back to the Bill; Андрей Владимирович, мы обсуждаем три законопроекта, которые составляют реформу пенсионной системы, – я напоминаю вам, если вы забыли; Ваши первое и второе предложения не относятся непосредственно к бюджету).*

Таким образом, особенность дискурсивизации прагматической ситуации принятия решения состоит в том, что её конечный результат, дестинация, зависит от исхода коммуникативной борьбы, которая прекращается, когда текущая институциональная, коммуникативная и прагматическая ситуация завершается принятием решения через голосование. Коммуникативная борьба формирует адверсарияльную ситуацию и является причиной нарушения принципа сотрудничества, несклонность к которому её участники отмечают друг у друга. Коррекция нарушений Кооперативного принципа осуществляется при помощи речевых актов обвинения, исправления, уточнения.

3.4. Направленность процесса дискурсивизации на конструирование будущего мира

Анализ нашего корпуса примеров показывает, что дискурсивное конструирование будущего мира является одним из параметров дискурсивизации, структу-

рирующим прагматическую ситуацию принятия решения в политической коммуникации.

Как нами было установлено в предыдущих разделах, принятие решения в парламентских политических дебатах происходит в условиях конфронтации, в результате которой все участники дискурсивно разделяются на два коллективных субъекта, абстрагируемых нами в модели двух коллективных решающих, осуществляющих коммуникативную борьбу за один из двух вариантов решения проблемы. В процессе данной коммуникативной борьбы за свой вариант решения, разворачивающейся между двумя коллективными решающими в реальном времени и пространстве, происходит дискурсивное конструирование будущего мира, рассматриваемое нами как неотъемлемая часть процесса дискурсивизации прагматической ситуации принятия решения.

Теория дискурсивного конструирования берет свое начало из теории социального конструкционизма (конструктивизма), согласно которой социальная реальность конструируется в процессе совместной практической деятельности людей [Бергер, 1995; Schneider, 1993; Potter, 1996; Penman, 2000 и др.].

В рамках теории социального конструктивизма реальность повседневной жизни трактуется как intersubjectивный социальный мир. Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира [Бергер, 1995, с. 15]. Этот мир, создающийся в мыслях и действиях людей, переживается ими в качестве реального. П. Бергер и Т. Лукман также указывают на то, что сконструированная человеком объективная реальность может носить институциональный характер. Если человек является носителем особого специализированного знания, то он может существовать только в институциональном мире [Бергер, 1995, с. 79].

В теории социального конструктивизма подчеркивается роль языка в создании общей социальной реальности, поскольку она возникает в процессе непосредственного общения людей здесь и сейчас, лицом-к-лицу. Совместно конструируемую жизнь можно также назвать совместно порождаемым текстом (дискур-

сом) [Schneider, 1993]. Конструирование действительности понимается как непосредственное существование в языке, основанное на знании и текущей деятельности и постоянном определении своего места в настоящем в поисках нужного будущего [Penman, 2000].

Наше исследование базируется на понятии дискурсивного конструирования мира, введенного С.Н. Плотниковой, под которым понимается дискурсивная деятельность по порождению пока еще не существующего бытия, когда действительность создается, формируется в данный момент говорящим / пишущим, который полностью вовлечен в этот мир: он живет внутри этого мира и творит его своими действиями и своим дискурсом [Плотникова, 2006, с. 78]. Согласно принятой теории, в формируемом здесь и сейчас мире дискурсивное конструирование представляет собой дискурсивную объективацию ситуаций непосредственного взаимодействия говорящих, которая обусловлена их прагматическими мотивами. В процессе дискурсивного конструирования мир актуализируется, то есть дискурс, возникая в текущий момент повседневной жизни, собственно, и создает мир, становится непосредственной реальностью для человека. При этом, дискурсивное конструирование относится не только к настоящему, но и к будущему. Сущность дискурсивного конструирования будущего мира состоит в том, что будущий опыт сначала осмысливается и репрезентируется в дискурсе и лишь потом появляется. Социальная реальность изменится в будущем благодаря ее дискурсивному конструированию в настоящем [Плотникова, 2005б; 2006; 2015].

Опираясь на эти положения, В.В. Кузнецова, анализируя дискурс профессиональной группы, установила, что в процессе ежедневного обсуждения производственных задач члены группы не только дискурсивно конструируют свой профессиональный мир (корпоративную действительность) в настоящем, но и одновременно конструируют будущий мир. В каждом случае перед членами группы стоят две альтернативы решения проблемы: заключать / не заключать контракт; вводить / не вводить гибкий график работы; покупать / не покупать новое оборудование; переносить / не переносить в другой город центральный офис и т. п. – то есть

«они могут создать два типа своего будущего общего мира, к примеру, мир, в котором контракт заключен, и мир, в котором контракт не заключен» [Кузнецова, 2005, с. 92].

Парламентские дебаты также относятся к институциональной коммуникации, а принятие новых законов предполагает изменение социального мира. В процессе парламентских дебатов политики, парламентарии осознанно нацелены на создание будущего мира для всех граждан страны, и каковым будет этот мир, решается в данный момент.

Рассмотрим, как происходит дискурсивное конструирование будущего мира членами парламента Великобритании, обсуждающими законопроект о высокоскоростном железнодорожном транспорте (High Speed Rail (Preparation) Bill); заседание от 26 июня 2013 г.

The Secretary of State for Transport (Mr Patrick McLoughlin): I beg to move, that the Bill be now read a Second time. A growing economy, a growing population and growing demand for transport, which have seen rail travel double in a decade, mean that we must act. HS2 will be the first new main rail line north of London for 120 years, linking at least eight of our 10 largest cities, and improving services for Scotland too. The Bill provides that important opportunity. Why is HS2 necessary? The answer is not only speed, although HS2 will take an hour off journeys between London and Manchester, and between Birmingham and Leeds, and it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London.

Выступающий формулирует проблему, относящуюся к транспортной системе Великобритании, в виде двух альтернатив: оставить существующее положение вещей или же построить высокоскоростную железнодорожную линию. Он ставит проблемный вопрос о необходимости ввести новый высокоскоростной поезд (*Why is HS2 necessary?*). В целом же, дискурс говорящего направлен на описание двух миров: старого и нового мира. Состояние мира, существующего в настоящем, по мнению выступающего, является неудовлетворительным. Он оценивает его как «плохой» мир, приводя его фактуальное описание: за последние 120 лет не

было построено ни одной новой значимой железнодорожной линии, соединяющей Лондон с другими крупными городами страны (*HS2 will be the first new main rail line north of London for 120 years, linking at least eight of our 10 largest cities, and improving services for Scotland too*); нагрузка на железнодорожный транспорт удвоилась за последнее десятилетие (*which have seen rail travel double in a decade*), и в настоящий момент существует потребность в новой линии, которая возникла вследствие экономического роста и прироста населения (*A growing economy, a growing population and growing demand for transport*). Политик обращается к присутствующим с помощью речевого акта ассертива, директива, который является косвенным речевым актом, приказом, требованием принять решение сейчас, в настоящем, в отношении будущего мира (*we must act*). Докладчик дискурсивно конструирует новый мир, который оценивается им как мир «хороший», и приводит ряд аргументов: в новом мире сократится время поездок (*HS2 will take an hour off journeys between London and Manchester, and between Birmingham and Leeds, and it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*); жители центральной части страны получат ряд преимуществ (*The whole west midlands area will get a huge number of benefits from HS2*), например, высокоскоростной поезд разгрузит центральную железную дорогу и основные магистрали (*without HS2, the key rail and road routes connecting London to the midlands and the north will soon be overwhelmed*); строительство и в дальнейшем обслуживание новой железной дороги даст новые рабочие места (*In building HS2, we need to ensure that we make the best use of British skills and workers. From 2017, HS2 will create 19,000 engineering and construction jobs*). Новый мир оценивается говорящим положительно, так как он дает возможность экономического развития, улучшает благосостояние населения, является перспективным проектом (*HS2 is an engine for growth: growth in jobs, growth in opportunities for business and growth in the global race. HS2 is a project for our generation*). Таким будет новый мир, если законопроект будет принят (*Now is the time to make it happen. I commend the Bill to the House*).

Существующий и будущий миры репрезентируются в форме единого дискурса описания; при этом будущий мир оценивается как «лучший» с помощью

соответствующих языковых средств, которые помогают говорящему оформить, собрать из них новый мир будущего социального жизнеустройства.

С точки зрения лингвистического анализа, мы выделяем следующие языковые средства: будущий мир описывается с помощью лексики с мелиоративной семантикой (*ambitious, important, new, main, right, sufficient, fantastic, fast, great, essential*); существующий мир описывается с использованием пейоративной лексики (*overwhelmed, overcrowded, old, unpopular*). Для характеристики нового мира используется прилагательное *good* в сравнительной степени (*We need better roads, better airports, better ports, and better rail links*). Для усиления значения прилагательных, их экспрессивности при описании нового мира говорящий использует наречия *too, very, absolutely*. Кроме того, выступающий употребляет лексику с мелиоративными глаголами, где доминирует сема «прогрессивность», «улучшение», «увеличение» (*extend, improve, increase, add*), а также выражения, указывающие на улучшения (*massive shift*). Употребляются лексические единицы со значением «возможности», «выгоды», «пользы» (*beneficial, advantage, capacity, benefit*) и глагол, означающий «снабжать», «обеспечивать» (*provide*). В описании старого мира доминируют глаголы с семантикой «ухудшения» (*reduce, slow down, suffer*). Существующий и будущий мир описываются по контрасту: если состояние нового мира оценивается как «лучшее», значит, в старом мире все «хуже»; если нужны изменения, значит, в настоящем мире положение вещей оценивается как «худшее». Будущий мир «лучше» потому, что появится возможность увеличить бюджет страны (аргумент к выгоде) (*HS2 will add over £4 billion to the economy*), значит, в существующем мире нет такой возможности. В будущем мире будет эффективнее работать транспортная система (*it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*), в настоящем же мире она функционирует «хуже» и требует улучшения (аргумент к утрате) (*improving services*).

Анализ показывает, что политик конструирует мир, о котором он осведомлен во всех его деталях; в лингвистических терминах, он производит речевые акты ассертивы, описывающие мир в точных цифрах (*Basically, 15 years ago there were about 750 million passenger journeys, and the latest estimate is for 1.5 billion*

passenger journeys). Он приводит количество пассажиров, которые пользуются железной дорогой в старом мире и количество пассажиров, которые будут пользоваться данным видом транспорта в новом мире.

Описание старого и нового мира осуществляется на основе использования разных грамматических форм. Существующий мир конструируется с помощью форм настоящего времени (*there is, there are, have*); также используются средства, указывающие на регулярный характер событий, которые имеют место в настоящем мире (*There are still problems south of Rugby; we have only a few kilometers of high-speed rail between the south coast and London, and we have a much smaller rail system than we had 40 or 50 years ago*). Форма будущего времени используется для конструирования и описания нового мира. Форма *will* указывает на неотвратимый характер изменений в будущем мире (*HS2 will help to free up capacity on the existing rail network; it will shorten the journey time between London and Edinburgh by 45 minutes*).

Выступающий подчеркивает надежность представленных им данных. Он употребляет выражения, которые указывают на то, что он прорабатывал данный вопрос (*Some estimates suggest that HS2 will add...; The line is estimated to provide*), то есть приводимые утверждения о мире, о его облике, как будет выглядеть будущий мир, облакаются в форму ассертива, а сам говорящий, в наших терминах, принимает на себя роль уверенного в себе конструктора будущего мира.

В целом, в презентации законопроекта первым говорящим мы явным образом усматриваем концептуальное разграничение «новый vs старый мир»; именно оно служит основным дискурсообразующим фактором всего последующего дискурса данных парламентских дебатов, направляющим его участников к дестинации и мотивирующим их распределение между двумя модельными субъектами.

Основываясь на изложенном в теоретической части диссертационного исследования положении о том, что проблема создает проблемное пространство, элементы которого состоят из отдельных пропозиций, мы усматриваем, используя методику пропозициональной обработки дискурса Т. ван Дейка и В. Кинча [Dijk, 1978], наличие в данном проблемном пространстве двух основных пропозиций:

первоначальной – <Мир останется прежним: в нем нет новой железной дороги> и желаемой – <Мир изменится: в нем есть новая железная дорога>.

Обобщив, согласно данной методике, референты анализируемого дискурса, мы сформулировали два обобщенных референта «новый vs старый мир» и, соответственно, две указанные выше пропозиции.

Таким образом, как и в предыдущих примерах, проблема сформулирована в виде двух контрадикторных пропозиций первым говорящим, вербализируемых им в виде двух альтернатив решения проблемы: оставить все без изменений или построить новую железную дорогу. Противопоставление двух конфликтующих пропозиций, двух противоположных вариантов решения очередной раз доказывает ситуацию конфликта и адверсариальный тип решения проблемы, вслед за чем происходит разделение общего когнитивного сообщества на два противостоящих друг другу когнитивных сообщества, осуществляющих в ходе коммуникативной борьбы дискурсивное конструирование будущего мира, в котором есть новая железная дорога, или в котором её нет.

Так как вторая стадия развития прагматической ситуации принятия решения представляет собой собственно решение как выбор одной из пропозиций (альтернатив, опций), то в процессе переговоров между решающими принятие решения происходит путем апелляции к двум оппозитивным концептам «новый vs старый мир» и их вербализации и дискурсивизации по оценочной шкале «хорошо vs плохо».

Подвергнув выделенную оппозитивную пару концептов этносемиотрическому аксиологическому анализу, согласно которому любой дискурс представляет собой не только определенный способ содержательного выражения образующего его дискурсивного концепта, но данный дискурсивный концепт рассматривается как аксиологически нагруженный [Серебренникова, 2011, с. 41], мы определяем эти концепты как ценностные ориентиры, используемые в качестве базовых механизмов развития коммуникативной борьбы в описании мира в рамках его ценностного понимания в политических дебатах.

Как было показано выше, описание двух миров является оценочным: выступающие отмечают положительные свойства нового мира и отрицательные качества старого. Ценности трактуются как порождаемые культурой, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни ее инварианты, позволяющие связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее) [ВЭФ]. Выражение оценочных суждений в данном примере по шкале хорошо / плохо определяется понятием ценности как указанием на личностное, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающих к миру должного, целевого, смысловому основанию. Именно аксиологический анализ оценочной лексики позволяет определить систему ценностей и антиценностей, которая доминирует в описании социально значимых аспектов нового и старого мира.

В ходе последующего обсуждения законопроекта все участники делятся на две группы, в наших терминах, двух коллективных решающих: тех, кто описывает новый мир как мир «хороший», и тех, кто описывает его как мир «плохой»; по мере развертывания дискурса говорящие примыкают то к группе поддерживающих новый мир, то к группе поддерживающих старый мир.

Противопоставление двух миров осуществляется с помощью контрастирующих дескрипций. В дискурсе тех политиков, кто описывает новый мир как «хороший», доминируют прилагательные и словосочетания с мелиоративной семантикой, которые подчеркивают его превосходство (*the essential project, vital, clear, overwhelming, strategic rail line, an ambitious programme, prosperous, an important part, good infrastructure, significant improvements*). В описании существующего мира указываются его «плохие» свойства с помощью выражений с негативной семантикой (*overwhelmed; no availability; overcrowded; old; rail travel double; a shocking and disgraceful record on infrastructure*).

Действительность настоящего мира оценивается как «плохая», в сравнении с содержанием нового «хорошего» мира, главным аргументом в пользу которого (аргументом к выгоде) выступает экономия времени на передвижение между городами (*it will shorten the journey time between London and Edinburgh by 45 minutes*). Решающие, выступая в качестве экспертов (аргументом к экспертному

знанию), приводят точные цифры, доказывающие преимущества будущих транспортных сообщений, предоставляя информацию из своего личного фонда знаний (*It is estimated that HS2 will transfer approximately 9 million journeys from road to rail and 4.5 million from air to rail. This will ease road congestion and reduce some of the pressure on our airports, allowing our economy to grow*).

Прилагательные и наречия с пейоративной семой (*small, low, few*), в том числе в сравнительной и превосходной степени, подчеркивают «плохие» качества старого мира, связанные с объектами социального значения (*we have only **a few kilometres of high-speed rail between the south coast and London, and we have a **much smaller** rail system than we had 40 or 50 years ago; we have **the lowest** motorway density in what used to be called***).

Участники дебатов, дискурсивно поддерживающие новый мир, используют выражения с глаголами действия (*make investment, ease road congestion and reduce some of the pressure on, free up capacity for, connect up people and cities, create more jobs*), с помощью которых они описывают те события, которые произойдут в будущем мире и сделают его «лучше», чем настоящий. Существующий же мир, по мнению этих выступающих, необходимо улучшить (*improving services*) через вложения в экономику (*investing in infrastructure*). Использование выражения *can afford* в отрицательной форме говорит о несостоятельности существующего мира (*That is why we cannot afford to delay the delivery of this project any longer; We cannot afford to leave the economic future of our great cities to an overcrowded 200-year-old railway*).

Новый мир, конструируемый сторонниками законопроекта, которому они приписывают только положительные свойства, оспаривается теми, кто входит в противостоящий модельный коллективный субъект, через отрицание предпринимаемых действий, связанных с новым мироустройством. При помощи встречного вопроса они высказывают свои сомнения в необходимости менять мир (*Why do we need a paving Bill?*). Они описывают новый мир как «худший» по сравнению со старым. В критике будущего мира используется лексика с негативной семантикой (*The Bill is a blank cheque, the wrong project, socially regressive, The project is abso-*

lutely desperate, It is a vanity project, this is the wrong scheme at the wrong time, It is disgraceful); используются глаголы и словосочетания со значением «разрушать» (*damage, unleash havoc, demolish, blight, disappear*).

При помощи речевых актов экспрессивов они выражают свою тревогу за будущий мир (*I would be much happier if we were; There is no doubt that if; Surely we should be looking at*); приводят факты, ставящие под сомнение необходимость новых финансовых затрат на строительство новой железной дороги (*we do not even seem to be able to repair our existing roads and railways*). В описании нового мира перечисляются негативные последствия его создания (аргументы к утрате): называют число людей, которые пострадают, если проект будет реализован (*It will demolish the homes of about 500 people and blight the homes of at least another 1000*); факт нанесения ущерба окружающей среде (*the area of outstanding natural beauty, which belongs to everybody in this country, is going to be irreversibly damaged*); страдания людей в этом мире (*through the disruption and blight that they are suffering*). Отсутствие необходимости изменения старого мира как социально значимого для будущего поколения подчеркивается с помощью приема сарказма (*It is a vanity project, and if it goes ahead it could turn into a white elephant*).

Финальная стадия развития прагматической ситуации – собственно решение – представляет собой принятие одной из двух альтернатив путем голосования: в данном случае финальная стадия не достигнута, принято промежуточное решение (*Question put, That the Bill be now read a Second time. The House divided: Ayes 400, Noes 175*). Прагматическая ситуация еще не завершена и получит свое дальнейшее развитие с другим составом участников (*We will continue to examine the Bill in detail in Committee*).

Итак, установлен основной контент дискурса, производимого участниками прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: дискурсивное конструирование будущего мира. Находясь в реальном времени и пространстве, участники посредством описания создают в своём дискурсе будущий мир, который будет актуализироваться в его физической данности благодаря при-

нятому решению. Будущий мир осмысливается участниками в концептуальных оппозициях «новый vs старый мир» и «хороший vs плохой мир», при этом атрибуция качеств хорошего мира осуществляется в зависимости от, того какой мир выбирает данная группа решающих, старый или новый. В конкретных терминах, контент дискурса о будущем новом мире создается его фактуальным описанием, в котором удовлетворительное состояние нового мира противопоставляется неудовлетворительному состоянию старого мира. Хороший мир описывается с помощью лексики с мелиоративной семантикой, соответственно, плохой мир – с помощью лексики с пейоративной семантикой. Тем самым установлено, что дискурс политиков, принимающих решение, представляет собой не только содержательное выражение формирующих его концептов; данные концепты выступают как аксиологически нагруженные, то есть как ценностные доминанты процесса дискурсивизации.

Подобное дискурсивное конструирование будущего мира в политической коммуникации свойственно всем примерам из нашего корпуса. Это позволяет сделать вывод, что контент дискурса играет основополагающую роль в ситуации принятия решения в политической коммуникации, поскольку принятие решения зависит от «качества» дискурса представления двух миров. «Миры» должны быть всесторонне описаны в фактах, в точных цифрах, в статистических данных, в сравнении их фактуального наполнения. Они должны быть аксиологически оценены по шкале хорошо / плохо теми, кто имеет право выбора, то есть политиками, в наших терминах, решающими. В процессе непосредственного взаимодействия здесь и сейчас политики осуществляют совместное конструирование мира при помощи дискурса, создавая непосредственно саму институциональную ситуацию – парламентские дебаты. Но одновременно они дискурсивно конструируют будущее, способствуют формированию будущей социальной реальности.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В данной главе выделены параметры дискурсивизации прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и выявлены конкретные дискурсивные механизмы её развития.

Базируясь на определении дискурсивизации, главным и определяющим параметром которой является дестинация, мы установили, что единой дестинацией для всех участников прагматической ситуации принятия решения, завершающей процесс дискурсообразования, является решение.

Определено, что развитие прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации происходит на основе дискурсивных механизмов согласия и несогласия, находящихся реализацию с помощью языковых выражений с соответствующей семантикой. Использование языковых средств согласия и несогласия служит основанием для сведения всех участников в двух коллективных решающих субъектов. Речевые акты согласия и несогласия являются ассертивами, с помощью которых передается информация о состоянии уверенности или неуверенности говорящего в рациональности принятия данного решения.

Было установлено, что в процессе дискурсивизации происходит постоянная мена коммуникативных ролей по принципу согласия и несогласия, что определяет особенность полилога, который создаётся как внутри одного сообщества решающих, так и между двумя сообществами.

Дано определение дискурсивного механизма как сквозного употребления определенных речевых актов, интегрирующего дискурс и обуславливающего его развитие, что позволяет вскрыть прагматическую функцию коллективного согласия и несогласия. На протяжении всего развития прагматической ситуации принятия решения, вплоть до её завершения, наблюдается сквозное действие механизмов согласия и несогласия. Речевые акты согласия представляют собой приращение одного и того же смысла, в то время как речевые акты несогласия отвергают данный смысл, уничтожают его, выводят из когнитивного проблемного пространства. Механизмы согласия и несогласия подкрепляются механизмами аргументации и контраргументации, которые закрепляют объединение всех участников в

двух модельных решающих. Дискурсивные механизмы аргументации и контраргументации также являются дискурсообразующим фактором в прагматической ситуации принятия решения. При этом полилог строится на основе двух базовых аргументов, к которым обращаются все решающие, – это аргумент к выгоде и аргумент к утрате; внутри них выделяется ряд других, не менее значимых аргументов.

Установлено, что в ситуации принятия решения происходит коммуникативная борьба каждого участника за избранный вариант, что приводит к нарушению максим Кооперативного принципа. Специфика несоблюдения Кооперативного принципа в политической коммуникации состоит в том, что коммуниканты замечают их нарушение не у себя, а у коммуникативного противника. Дискурсивизация прагматической ситуации принятия решения и её конечный результат зависит от исхода коммуникативной борьбы, которая прекращается, когда прагматическая ситуация завершается принятием решения.

Определено, что важным параметром дискурсивизации прагматической ситуации принятия решения является дискурсивное конструирование будущего мира, которое осуществляется в процессе коммуникативной борьбы за свой вариант решения между двумя коллективными решающими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации проведено комплексное лингвистическое исследование прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, а именно в парламентских дебатах.

Разработан теоретический подход к исследованию прагматической ситуации в политической коммуникации. Дано обоснование того, что в лингвистике все более утверждается метод ситуационного анализа, направленный на определение роли языка в объективации различных типов ситуаций.

Выделены три типа ситуаций, релевантных для анализа политической коммуникации: институциональная, коммуникативная и прагматическая ситуации. В диссертации принимаются следующие их определения.

Институциональная ситуация – это воссоздаваемый в рамках того или иного социального института фрагмент взаимодействия людей, выполняющих определенные институциональные роли.

Коммуникативная ситуация – это фрагмент координированного взаимодействия говорящих, поочередно выполняющих коммуникативные роли адресанта и адресата и обменивающихся сообщениями, направленными на осуществление определенной коммуникативной цели.

Прагматическая ситуация – это ситуация, формируемая прагматической мотивацией коммуникантов, включающей как их личностные, так и общественные прагматические установки, в соответствии с которыми коммуниканты принимают те или иные прагматические роли. Прагматическая ситуация вбирает в себя коммуникативную ситуацию, но может и не совпадать с ней по месту и времени.

Исходя из того, что ситуационный анализ предполагает выделение инварианта, лежащего в основе множества вариантов – конкретных ситуаций определенного типа, мы систематизировали общие инвариантные свойства институциональной и коммуникативной ситуации «парламентские дебаты».

Парламентские дебаты как институциональная ситуация в сфере политики в коммуникативном плане представляют собой: 1) разговорный тип политической коммуникации; 2) тип политической коммуникации, основанный на эгалитарных

отношениях между коммуникантами; 3) тип профессиональной / деловой / служебной политической коммуникации.

Обзор теоретической литературы в междисциплинарной области анализа решения проблем и принятия решений позволил разграничить неситуативный и ситуативный подходы к принятию решения и определить, в рамках ситуативного подхода, основные характеристики ситуации принятия решения.

На основе анализа теоретических источников определено, что ситуация решения проблемы является более широкой, чем собственно ситуация принятия решения, и предваряет её. Ситуация решения проблемы включает в себя либо 1) рассмотрение и обсуждение всех имеющихся вариантов решения, либо 2) конструирование решения, его проектирование, «придумывание», когда сконструированные решения представлены в терминах возможных миров.

Ситуация принятия решения определяется в теоретической литературе как выбор одной из двух альтернатив, оставшихся после отфильтровывания всех других вариантов.

Исходя из этих определений, по отношению к политической коммуникации ситуация принятия решения понимается нами как финальная ситуация решения той или иной политической проблемы, выбор одного из двух вариантов и принятие его в качестве институционального политического решения.

Переходя к созданию собственной теоретической модели, мы доказали, что в непосредственном взаимодействии политиков здесь и сейчас происходит одновременная реализация институциональной, коммуникативной и прагматической ситуации принятия решения. Несмотря на их одновременную реализацию, это разные ситуации, их разграничение опирается на особые языковые маркеры.

Формирование институциональной ситуации «парламентские дебаты» осуществляется номинацией места и времени проведения дебатов, указанием на количество и состав участников, обозначением их социальных ролей и названием обсуждаемого законопроекта. Развертывание институциональной ситуации основывается на речевых актах обращения политиков друг к другу с упоминанием их институционального статуса и других клишированных речевых актах (представ-

ление, объявление повестки, установление регламента, призывы соблюдать регламент, замечания, назначение голосования и т.п.). В целом, институциональный характер ситуации «парламентские дебаты» определяется специализированной клишированной разновидностью общения и использованием особого репертуара языковых средств, входящих в лексикон политиков, а также языковых форм институциональной вежливости.

Формирование коммуникативной ситуации в рамках институциональной ситуации «парламентские дебаты» основывается на взаимодействии многих адресантов и адресатов в структуре полилога. Началом коммуникативной ситуации является фатическое общение (поздравления, благодарности), либо ритуальный объединяющий дискурс (коллективная молитва). Мена коммуникативных ролей контролируется спикером / председательствующим, но в то же время говорящие активно иницируют свое вступление в полилог (вопросы, прерывания, вклинивающиеся выступления). Выделенная вопросно-ответная модель полилога подтверждает, что парламентские дебаты – это разговорный тип политической коммуникации. Завершением коммуникативной ситуации, развертывающейся в рамках институциональной ситуации «парламентские дебаты», является констатация завершения коммуникативного взаимодействия в форме речевого акта ассертива, информирующего о завершении коммуникативной ситуации. Сделан вывод, что каждая коммуникативная ситуация, так же как и каждая институциональная ситуация, конкретна, то есть формируется в определенном месте, в установленный отрезок времени и с конкретным составом находящихся в непосредственном присутствии участников.

Определено, что институциональная и коммуникативная ситуация «парламентские дебаты» становится прагматической, когда она формируется общей прагматической установкой участников политической коммуникации на принятие решения и единой для каждого из них прагматической ролью «субъект, принимающий решение», накладывающейся на институциональную роль «политик» и на коммуникативную роль «адресант / адресат». Прагматическая ситуация принятия решения отделяется от институциональной и коммуникативной ситуации на язы-

ковом уровне; данную ситуацию актуализируют такие языковые выражения, как *question / вопрос, problem / проблема, decide / решать, make a decision / принимать решение*, а также особые языковые средства, передающие значение рациональности, полезности, выгоды и мировоззренческой ценности решения.

Установлено, что в лингвистическом плане формулировкой решаемой проблемы является вопросительное предложение или предложение в повелительном наклонении, с которым обращается спикер / председательствующий к участникам политической коммуникации; решение является коммуникативным действием – общим ответом участников на поставленный проблемный вопрос.

Доказано, что основным параметром когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации является осмысление и вербализация двух проблемных, контрадикторных по отношению друг к другу макропропозиций как двух вариантов решения; их контрадикторность состоит в том, что выбор между ними сводится, в конечном итоге, к вариантам между ответами «да» или «нет».

Установлено, что участники прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации объединены коллективной когницией; это особый тип когниции, осуществляемый в рамках единого когнитивного сообщества. В процессе когнитивной обработки двух контрадикторных макропропозиций единое когнитивное сообщество, объединяемое общей прагматической целью принятия решения, разделяется на два сообщества, поскольку когниция носит адверсарийный характер. Движение решения от одного варианта к другому, от одного когнитивного сообщества к другому определяется как циркулирование макропропозиций между двумя абстрактными коллективными субъектами, двумя коллективными решающими.

Установлено, что каждая макропропозиция представлена множественными микропропозициями; это означает, что решение складывается из микрорешений. Особенность и уникальность прагматической ситуации, ее сложный характер состоит в том, что наряду с двумя базовыми контрадикторными макропропозициями происходит также вербализация других проблемных пропозиций адверсари-

ального типа как подкрепление этих макропропозиций. Тем самым, в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации осуществляется процесс полной всеохватывающей коллективной, но в то же время адверсариальной когниции.

Доказано, что когниция в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации имеет длительный характер: её завершением является решение как финализованное знание. Прагматическая ситуация продолжается до тех пор, пока это знание не будет получено, выработано участниками. Границы прагматической ситуации принятия решения определяются не пространственно-временными рамками, а рамками процесса когниции. Поэтому прагматическая ситуация существует не только на уровне её конкретной реализации, но и на когнитивном уровне, в проблемном когнитивном пространстве, поддерживающем прагматическую ситуацию до тех пор, пока не будет выработано финализованное знание (решение). В непосредственном коммуникативном взаимодействии участников, их со-присутствии здесь и сейчас происходит одновременная реализация институциональной, коммуникативной и прагматической ситуации принятия решения, однако прагматическая ситуация, как правило, не завершается с завершением текущей институциональной и коммуникативной ситуации. Прагматическая ситуация продолжается до принятия решения, поэтому она охватывает собой множество институциональных и коммуникативных ситуаций, протекающих в разное время, в разном месте и с разным составом участников. Прагматическая ситуация довлеет над этими ситуациями, цементирует их собой и стягивает их в одну общую ситуацию, которая может развиваться длительное время, вплоть до нескольких лет. На языковом уровне поддержание протяженной прагматической ситуации осуществляется посредством ретроспективных языковых связей и с помощью повторов уже известной информации.

Таким образом, установлено, что прагматическая ситуация является более широким понятием, чем институциональная или коммуникативная ситуация, и что в когнитивном плане окончанием прагматической ситуации является финали-

зованное знание, то есть знание, когнитивная обработка которого завершилась и которое становится решением путем институциональной процедуры голосования.

Определив параметры когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, мы выявили параметры её дискурсивизации.

Установлено, что базовыми, пронизывающими весь дискурс участников речевыми актами, являются речевые акты согласия и несогласия. Превалирующего характер данных речевых актов обуславливается выявленными особенностями когниции, циркулированием в когнитивном пространстве двух контрадикторных макропропозиций, принятие которых сводит всех участников в два когнитивных сообщества. Особенности когниции находят свое отражение в особенностях дискурсивизации. На дискурсивном уровне происходит сведение всех участников в два дискурсивных сообщества, согласных со своей прагматической позицией и несогласных с противоположной. Сквозное употребление в дискурсе речевых актов, интегрирующее дискурс и выступающее в качестве базового принципа дискурсообразования, в диссертации определяется как дискурсивный механизм.

Установлено, что с дискурсивным механизмом согласия / несогласия взаимодействует дискурсивный механизм аргументации / контраргументации. Аргументация и контраргументация поддерживают механизм согласия и несогласия, выступая в качестве речевых актов-подсеквенций, подкрепляющих чистое согласие / несогласие аргументирующими высказываниями.

Полилог, формирующийся в процессе взаимодействия двух дискурсивных сообществ, протекает в форме конфронтации и предъявления аргументов противоположной стороне. Определены основные типы аргументов, используемых в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: аргумент к выгоде, утрате, экспертному знанию, общественному мнению, власти, общественной значимости, национальной безопасности и системе ценностей государства. В ходе развития полилога на основе дискурсивных механизмов согласия / несогласия и аргументации / контраргументации закрепляется объединение всех участников в двух модельных решающих, а аргументы, используемые ими, слу-

жат одновременно речевыми актами обращения к противостоящему решающему с целью привлечь его в свою группу.

Обнаружена специфика действия Кооперативного принципа в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации. Она состоит в том, что два дискурсивных сообщества решающих ведут коммуникативную борьбу друг с другом за свой вариант решения, что влечет за собой несоблюдение максим Кооперативного принципа по отношению к коммуникативному противнику. В то же время участники фиксируют коммуникативные нарушения противоположной стороны, отмечая неискренность, многословие, отклонение от темы, неясную манеру говорения коммуникативного противника. Коррекция нарушений Кооперативного принципа осуществляется при помощи речевых актов обвинения, исправления, уточнения.

Установлен основной контент дискурса, производимого участниками прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: дискурсивное конструирование будущего мира. Находясь в реальном времени и пространстве, участники посредством описания создают в своём дискурсе будущий мир, который будет актуализироваться в его физической данности благодаря принятому решению. Будущий мир осмысливается участниками в концептуальных оппозициях «новый vs старый мир» и «хороший vs плохой мир», при этом атрибуция качеств хорошего мира осуществляется в зависимости от того, какой мир выбирает данное сообщество решающих, старый или новый. В конкретных терминах, контент дискурса о будущем новом мире создается его фактуальным описанием, в котором удовлетворительное состояние нового мира противопоставляется неудовлетворительному состоянию старого мира. Хороший мир описывается с помощью лексики с мелиоративной семантикой, соответственно, плохой мир – с помощью лексики с пейоративной семантикой. Тем самым установлено, что дискурс политиков, принимающих решение, представляет собой не только содержательное выражение формирующих его концептов; данные концепты выступают как аксиологически нагруженные, то есть как ценностные доминанты процесса дискурсивизации.

В целом, завершение прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации происходит с завершением процесса когниции и сопровождающего когницию процесса дискурсивизации, в её различных аспектах.

Таким образом, в данной диссертации проведен комплексный лингвистический анализ прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и создана её теоретическая модель, включающая в себя её структурные, когнитивные и дискурсивные параметры.

Перспективой дальнейших исследований, открываемой настоящей работой, является изучение прагматических ситуаций других типов в институциональной и частной коммуникации, создание их общей классификации, а также дальнейшая разработка ситуационного анализа дискурса и коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акофф, Р. Искусство решения проблем [Текст] / Р. Акофф / пер. с англ. Е.Г. Коваленко. – М.: Мир, 1982. – 220 с.
2. Анисимова, Е.С. Прагматическая ситуация счастья и ее дискурсивная реализация в современном английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.С. Анисимова. – Иркутск, 2007. – 173 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
4. Арутюнова, Н.Д. О стыде и стуже [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59-76.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Ахманова, О.С. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика [Текст] / Ахманова О.С., И.М. Магидова // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. – С. 43-48.
7. Бабушкин, А.П. Решение задач как совокупность когнитивных операций, зафиксированных в художественном тексте [Текст] / А.П. Бабушкин // Концептуальное пространство языка. Сб. науч. тр. к юбилею Н.Н. Болдырева / Под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 46-53.
8. Базылев, В.Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование [Текст] / В.Н. Базылев // Концептуальное пространство языка. Сб. науч. тр. к юбилею Н.Н. Болдырева / Под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005а. – С. 324-330.
9. Базылев, В.Н. Политический дискурс в России [Текст] / В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. Известия УрГПУ. – Екатеринбург, 2005б. – № 15 (59). – С. 5-32.
10. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст]: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

11. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] / А.Н. Баранов, Ю.Н. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 42 с.
12. Бейлинсон, Л.С. Функции институционального дискурса [Текст] / Л.С. Бейлинсон // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – Иркутск : ИГЛУ, 2009. – Вып. 3 – С. 142-147.
13. Белецкий, С.Б. Патернализм в институциональной коммуникации: дискурсивные практики, стратегии и жанры [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.Б. Белецкий. – Красноярск, 2010. – 27 с.
14. Беллман, Р. Принятие решения в расплывчатых условиях [Текст] / Р. Беллман, Л.А. Заде // Вопросы анализа и процедуры принятия решения / Под ред. И.Ф. Шахнова – М: Мир, 1976. – С. 173-215.
15. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман / пер. с англ. яз. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
16. Богданов, В.В. Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты [Текст] / В.В. Богданов // Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1996. – С. 268-275.
17. Болдырев, Н.Н. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке [Текст] / Н.Н. Болдырев, Л.В. Бабина // Филологические науки. – 2001. – № 4.– С. 79-86.
18. Боно, Э. Параллельное мышление [Текст] / Э. Боно / пер. с англ. П.Л. Самсонов. – Мн.: Попурри, 2007. – 320 с.
19. Бондарко, А.В. О понятии «категориальная ситуация» [Текст] / А.В. Бондарко // Концептуальное пространство языка. Сб. науч. тр. к юбилею Н.Н. Болдырева / Под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 66-77.
20. Брушлинский, А.В. Психология индивидуального и группового субъекта [Текст] / А.В. Брушлинский. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 368 с.
21. Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики [Текст] / Т.В. Булыгина // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. – 1981.– Т. 40.– С. 336-341.

22. Бурдьё, П. Социология политики [Текст] / П. Бурдьё / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
23. Верещагин, С.Б. Дискурсивные аспекты политических дебатов (на материале русских и английских текстов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С.Б. Верещагин. – Тюмень, 2007. – 22 с.
24. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения [Текст] / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
25. Вознесенская, Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.В. Вознесенская. – Санкт-Петербург, 2010. – 185 с.
26. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса [Текст] / Р. Водак // Политическая лингвистика. Известия УрГПУ. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 286-291.
27. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В.Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998а. – С. 243-264.
28. Гак, В.Г. Прагматика и языковое варьирование [Текст] / В.Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998б. – С. 554-586.
29. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-238.
30. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. – 144 с.
31. Гоффман, И. Закрепление форм деятельности [Текст] / И. Гоффман // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 54-117.
32. Дейк, Т.А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [Текст] / Т.А. ван Дейк: пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Перверзина, А.М. Аманова. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.

33. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания, 1994. – № 4. – С.17-33.
34. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32-43.
35. Детинко, Ю.И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.И. Детинко. – Волгоград, 2013. – 22 с.
36. Заде, Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений [Текст] / Л.А. Заде / пер. с англ. Н.И. Ринго. – М.: Мир, 1976. – 167 с.
37. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 1999. – 349 с.
38. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
39. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, – изд. 7-е. – 2010. – 264 с.
40. Катанова, Е.Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Н. Катанова. – Воронеж, 2009. – 224 с.
41. Касевич, В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология [Текст] / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
42. Китик, М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний Британского парламента) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.В. Китик. – Астрахань, 2004. – 160 с.
43. Константинова, А.С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России [Текст] : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. / А.С. Константинова – Пятигорск, 2013. – 29 с.

44. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] Е.С. Кубрякова / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
45. Кузнецова, Л.Н. Модус в аргументативном дискурсе парламентских дебатов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.Н. Кузнецова. – Саранск, 2004. – 319 с.
46. Кузнецова, В.В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе [Текст] : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / В.В. Кузнецова. – Иркутск, 2005. – 224 с.
47. Куликова, Л.В. Глобализация и технологизация дискурсивных практик как маркер изменений в современном социуме [Текст] Л.В. Куликова // Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л.В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2015. – С. 12-36.
48. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении [Текст] Л.В. Куликова. – М.: Флинт: Наука, 2009. – 288 с.
49. Куликова, О.В. Лингвостилистические средства развертывания аргументации в публицистическом тексте (на материале парламентских выступлений) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Куликова. – М.: 1989. – 22 с.
50. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
51. Леонтьев, А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 5-14.
52. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: ТГУ, 1998. – 199 с.
53. Матвеева, Г.Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющее речи [Текст] / Г.Г. Матвеева, Е.И. Петрова // Актуальные проблемы коммуникации. – М.: Пятигорск, 2005. – С. 66-72.

54. Матвеева, Г.Г. Основы прагмалингвистики [Текст] / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. – 3-е изд., стереотипное. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2015. – 232 с.
55. Матвеева, Е.И. Ситуация признания в любви и ее дискурсивная реализация в английском языке [Текст] : дисс.... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.И. Матвеева. – Иркутск, 2010. – 212 с.
56. Матурана, У.Р. Древо познания [Текст] / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела / пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
57. Митягина, В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия (на материале немецкого и русского языков) [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / В.А. Митягина. – Волгоград, 2008. – 40 с.
58. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков [Текст] / Ч.У. Моррис // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45-97.
59. Нейман, Дж. Теория игр и экономическое поведение [Текст] / Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн / пер. с англ. Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707 с.
60. Олешков, М.Ю. Педагогический дискурс [Текст] / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. – 310 с.
61. Олянич, А.А. Драматургия межкультурной коммуникации (этнокультурная специфика презентационной структуры дискурса) [Текст] / А.А. Олянич // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология / Под ред. О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 113-125.
62. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 594 с.
63. Панфилова, А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности [Текст] / А.П. Панфилова. – СПб.: Знание: ИВЭСЭП, 2001. – 496 с.
64. Пёше, М. Контент-анализ и теория дискурса [Текст] М. Пёше // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. / Под ред. П. Серио. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.

65. Плотникова, С.Н. Решение проблем в серии бесед: анализ примера из романа Д. Дефо «Молл Флендерс» [Текст] / С.Н. Плотникова // Фразеология и личность. – Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1995 – С. 119-134.
66. Плотникова, С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) [Текст] / С.Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
67. Плотникова, С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования [Текст] / С.Н. Плотникова // Политический дискурс в России: Святые без житий: Материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. – Вып. 8. – М.: МАКС Пресс, 2005а. – С. 22-26.
68. Плотникова, С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство [Текст] / С.Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – Вып. 1. – С. 131-136.
69. Плотникова, С.Н. Я-Наблюдатель и Я-Конструктор: дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира [Текст] / С.Н. Плотникова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005б. – Ч. 1 – С. 101-107.
70. Плотникова, С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование [Текст] / С. Н. Плотникова // *Studia Linguistica Cognitiva* Вып. 1. Язык и познание : Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 66-81.
71. Плотникова, С.Н. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология [Текст] / С.Н. Плотникова, Е.Ф. Серебренникова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – Вып. 1. – С. 183-188.
72. Плотникова, С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира [Текст] / С.Н. Плотникова // Вестник МГЛУ. Сер. Языкознание и литературоведение. – М.: МГЛУ, 2015. – № 3. – С. 72-83.
73. Плаус, С. Психология оценки и принятия решения [Текст] / С. Плаус / пер. с англ. В.А. Ровнер. – М: ИИД «Флинь», 1998. – 368 с.

74. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 352 с.
75. Правикова, Л.В. Язык парламентских дебатов: Опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании [Текст]: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Л.В. Правикова. – Пятигорск, 2005. – 425 с.
76. Росс, Л. Человек и ситуация [Текст] / Л. Росс, Р. Нисбетт / пер. с англ. В.В. Румынского. – М: Аспект Пресс, 2000. – 429 с.
77. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб : Изд-во «Питер», 2000. – 712 с.
78. Рябцева, Н.К. Коммуникативный модус и метаречь [Текст] / Н.К. Рябцева // Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82-92.
79. Рыскина, О.Ю. Репрезентация фрейма «принятие решения» в современном английском языке (На материале глагольной и субстантивной лексики) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.Ю. Рыскина. – Иркутск, 2004. – 22 с.
80. Рыжова, Л.П. Французская прагматика [Текст] / Л.П. Рыжова. – КомКнига, 2007. – 240 с.
81. Саймон, Г.А. Моделирование человеческого мышления на вычислительной машине [Текст] / Г. Саймон, А. Ньюэлл // Кибернетика и живой организм / пер.с англ. А.Н. Лука. – Киев: «Наукова думка», 1964. – С.17-30.
82. Саймон, Г. Науки об искусственном [Текст] / Г. Саймон / пер. с англ. Э.Л. Наппельбаум. – М: Мир, 1972. – 147 с.
83. Сапрыкина, Е.В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе (на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Сапрыкина. – Уфа, 2007.– 184 с.
84. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику [Текст] / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.

85. Серебренникова, Е.Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия личностных смыслов. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 7-49.
86. Серебренникова, Е.Ф. В поисках «глубинного уровня»: некоторые аспекты лингвистической аксиологической диагностики (на материале французского языка) [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. Вып. – 2. – С. 6-11.
87. Скопинцева, Т.А. Речевые стратегии британских парламентариев в ходе обсуждения бюджета [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.А. Скопинцева. – Иркутск, 1998. – 20 с.
88. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) [Текст] / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. – Т. 1. – № 4. – 1981. – С. 325-332.
89. Стернин, И.А. Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация [Текст] И.А. Стернин // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 21-28.
90. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.
91. Фуко, М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [Текст] / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
92. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас / пер. с нем., под ред. Л.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 287 с.
93. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2002. – 452 с.
94. Хламова, М.С. Роль гендерного фактора в развитии аргументации [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / М.С. Хламова. – М., 2009. – 23 с.
95. Чалабаева, Л.В. Лингвосемантическая категория «принятие решения» (средства выражения и особенности функционирования) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Чалабаева. – Краснодар, 2006. – 20 с.

96. Чернышкова, Н.В. Особенности публичной речи во французской и русской традициях новейшего времени [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.В. Чернышкова. – М., 2007. – 22 с.
97. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
98. Шварценберг, Р.Ж. Политическая социология [Текст]. В 3-х ч. / Р.Ж. Шварценберг / пер. с франц. – М., 1992. — Ч.1. – 330 с.
99. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
100. Штегмюллер, В. Рациональная теория решений (логика решений) [Текст] / В. Штегмюллер // Философия, логика, язык / пер. с англ. и нем. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 318-329.
101. Ширяев, Е.Н. Общая характеристика парламентской речи и ее особенностей [Текст] / Е.Н. Ширяев // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 8-22.
102. Эддоус, М. Методы принятия решения [Текст] / М. Эддоус, Р. Стэнсфилд / пер. с англ. под ред. И.И. Елисеева. – М.: Изд-во «Аудит» ЮНИТИ, 1997. – 590 с.
103. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
104. Agar, M. Institutional discourse [Text] / M. Agar // Text. – 1985. – Vol. 5 (3). – P.147-168.
105. Apotheloz, D. The function of negation in argumentation [Text] / D. Apotheloz, P.Y. Brand, G. Quiroz // Journal of Pragmatics. – 1993. – Vol. 19. – P. 23-38.
106. Bach, K. Pragmatics and the philosophy of language [Text] / K. Bach // The Handbook of Pragmatics // Ed. By. L. Horn, G. Ward. – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 463 - 487.
107. Bamford, J. Dialogue within Discourse Communities: Metadiscursive Perspectives on Academic Genres [Text] / J. Bamford, M Bondi. – Berlin: Walter de Gruyter, 2005. – 189 p.

108. Barwise, J. Situations and Attitudes [Text] / J. Barwise, J. Perry. – Cambridge: MIT Press, 1983. – 352 p.
109. Borg, E. Key concepts in ELT: Discourse community [Text] / E. Borg // *ELT Journal*. – 2003. – № 57. – P. 398-400.
110. Chilton, P. Politics as Text and Talk: Analytical Approaches to Political Discourse [Text] / P. Chilton, C. Schaffner. – Amsterdam: Benjamins, 2002. – 245 p.
111. Clark, H.H. Contributing to discourse. [Text] / H.H. Clark // *Cognitive Science*. – 1989. – №. 13. – P. 259-294.
112. Devito, J.A. Communicology: An Introduction to the Study of Communication [Text] / J.A. Devito. – N.Y.: Harper & Row Publishers, 1978. – 553 p.
113. Dijk, T.A. van. Structures of discourse and structures of power [Text] / T. A. van Dijk // *Communication Yearbook*. – 1989. – №. 12. – P. 18-59.
114. Dijk, T.A. van. Cognitive psychology and discourse: recalling and summarizing stories [Text] / T. A. van Dijk, W. Kintsch // *Current Trends in Textlinguistics*. – Berlin: Walter de Gruyter, 1978. – P. 61-80.
115. Dijk, T.A. van. Discourse, power and access [Text] / T.A. van Dijk // *Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis*. – London: Routledge, 1996. – P. 84-104.
116. Drew, P. Analyzing talk at work: an introduction [Text] / P. Drew, J. Heritage / *Talk at Work*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 3-65.
117. Eemeren, F.H van. Speech Acts in Argumentative Discussions. A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed Towards Solving Conflicts of Opinion [Text] / F.H van Eemeren. – Dordrecht: Foris, 1984. – 215 p.
118. Fairclough, N. Language and Power [Text] / N. Fairclough. – London: Longman, 1989. – 253 p.
119. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis [Text] / N. Fairclough, G. Kress. – England: Pearson Education Limited, 1993. – 260 p.
120. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language [Text] / N. Fairclough. – N. Y.: Longman, 1995. – 263 p.

121. Fairclough, N. Discourse and Social Change [Text] / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 251 p.
122. Fowler, R. Language and Control [Text] / R. Fowler, B. Hodge, G. Kress, T. Trew. – London: – Routledge and Kegan Paul, 1979. – 224 p.
123. Friedenberg, R.V. Communication Consultants in Political Campaigns: Ballot Box Warriors [Text] / R.V. Friedenberg. – Westport CT: Praeger, 1997. – 226 p.
124. Freed, R.C. Discourse communities, sacred texts, and institutional norms [Text] / R.C. Freed, G.J. Broadhead // College Composition and Communication. – 1987. – № 38. – P. 154-165.
125. Grice, H.P. Utterer's meaning and intentions [Text] / H.P. Grice // Studies in the way of words. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – P. 86-116.
126. Heritage, J.C. Conversation analysis and institutional talk: analyzing distinctive turn-taking systems [Text] / J.C. Heritage // Proceedings of the 6th International Congress of IADA (International Association for Dialog Analysis). – Tübingen: Niemeyer, 1998. – p. 3-17
127. Heritage, J.C. On the institutional character of institutional talk: The case of news interviews [Text] / J.C. Heritage, D.L. Greatbatch // Talk and Social Structure: Studies in Ethnomethodology and Conversation Analysis / Ed. by D. Boden, D.H. Zimmerman. – Oxford: Polity, 1991. – P. 93-137.
128. Hymes, D.H. On communicative competence [Text] / Sociolinguistics: Selected Readings. – Harmondsworth: Penguin. – 1992. – P. 269-293.
129. Hymes, D.H. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach [Text] / D.H. Hymes. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press. – 1974. – 260 p.
130. Kahneman, D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases [Text] / D. Kahneman, A. Tversky // Science, New Series / Pub. By American Association for the Advancement of Science. – 1974. – Vol. 185. – № 4157. – P. 1124-1131.
131. Kahneman, D. The Framing of decisions and the psychology of choice / [Text] D. Kahneman, A. Tversky // Science, New Series / Pub. By American Association for the Advancement of Science. – 1981. – Vol. 211. – № 4481. – P. 453-458.
132. Kahneman, D. Rational choice and the framing of decisions [Text] / D. Kahneman,

- A. Tversky // *Journal of Business*. – 1986 – Vol. 59. – № 4. – Part 2. – P. 251-278.
133. Kintsch, W. Notes of the structure of semantic memory [Text] / W. Kintsch // *Organization of Memory* / Ed. by E. Tulving, W. Donaldson. – N.Y.: Academic Press, 1972. – P. 247-308.
134. Kraus, M. Cognitive communities and argument communities [Text] / M. Kraus, D. Zarefsky // *Conference Archive* / Pub. By OSSA. – 2011. – № 23. – P. 1-18.
135. McKerrow, R.E. Argument communities [Text] / R.E McKerrow // *Perspectives on Argumentation: Essays in Honor of Wayne Brockriede* / Ed. by R. Trapp, J. Schuetz. – Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1990. – P. 27-40.
136. Mayer, A. Language and power: An introduction to institutional discourse [Text] / A. Mayr, D. Machin, T. Bastow, G. Abousnoug. – Cornwall.: MPG Books, 2008. – 199 p.
137. Miller, C.M. Government Commission Communication [Text] / C.M. Miller, B.C. McKinney. – New York: Prager, 1993. – 207 p.
138. Newell, A. On the analysis of human problem solving protocols [Text] / A. Newell // *Thinking. Readings in Cognitive Science.* / Ed. By P.N Johnson-Laird, P.C. Jason. – Cambridge.: Cambridge University Press. – 1977. – P. 46-61.
139. Newell, A. Human Problem Solving [Text] / A. Newell, H.A. Simon. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1972. – 240 p.
140. Nozick, R. The Nature of Rationality [Text] / R. Nozick. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 226 p.
141. Payne, J. W. Heuristic search processes in decision making [Текст] / John W. Payne // *Advances in Consumer Research* / Ed. By. Beverlee B. Anderson. – Cincinnati, Ohio: Association for Consumer Research. – 1976. – Vol. 3. – P. 321-327.
142. Penman, R. Reconstructing Communicating: Looking to a Future [Text] / R. Penman. – Mahwah, N.J: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. – 169 p.
143. Phillips, N. Discourse and institutions [Text] / N. Phillips, T.B. Lawrence, C. Hardy // *Academy of Management Review*. – 2004. – Vol. 25. – № 4. – P.635-652.
144. Pomerantz, A. Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred / dispreferred turn shape [Text] / A. Pomerantz // *Structures of Social Action:*

- Studies in Conversation Analysis / Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 57-101.
145. Potter, J. Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction [Text] / J. Potter. – London: Sage, 1996. – 253 p.
146. Porter, J.E. Intertextuality and the discourse community [Text] / J. Potter // Rhetoric Review. – 1986. – № 5. – P. 34-47.
147. Porter, J. Audience and Rhetoric: An Archaeological Composition of the Discourse Community [Text] / J. Potter. – New Jersey: Prentice Hall, 1992. – 253 p.
148. Quiroz, G. How counter-argumentation works [Text] / G. Quiroz D., Apotheloz, P.-Y. Brand // Argumentation Illuminated / Ed. by F.H. van Eemeren, R Grootendorst. – Amsterdam, The Netherlands: SISCAT. – 1992. – P. 172-178.
149. Rafoth, B.A. The concept of discourse community: Descriptive and explanatory adequacy [Text] / B.A. Rafoth / Ed. by Kirsch, G., Roen, D.H. // A Sense of Audience in Written Communication. – Newbury Park, CA: Sage, 1990. – P. 140-152.
150. Schneider, J. Members only: Reading the constructionist text [Text] / J. Schneider // Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory / Ed. by J. Holstein, G. Miller. – New York: Adline De Gruyter, 1993. – 566 p.
151. Searle, J.R. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World [Text] / J.R. Searle. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 175 p.
152. Sperber, D. Mutual knowledge and relevance in theories of comprehension [Text] / D. Sperber // Mutual Knowledge / Ed. by N.V. Smith. – London: Academic Press, 1982. – P. 61-85
153. Sperber, D. Relevance: Communication and Cognition [Text] / D. Sperber, D. Wilson. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. – 279 p.
154. Swales, J.M. Genre Analysis. English in Academic and Research Settings [Text] / J. M. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
155. Stubbs, M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis Of Natural Language [Text] / Stubbs M. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 256 p.
156. Trent, J.S. Political Campaign Communication: Principles and Practices [Text] / J.S. Trent, R.V. Friedenber. – Westport, CT: Praeger, 2000. – 386 p.

157. Thargard, P. Adversarial problem solving: modeling an opponent using explanatory coherence [Text] / R. Thargard // *Cognitive Science*. – 1992. – № 16 (1). – P. 123-149.
158. Witherspoon, P.D. *Within These Walls: A Study of Communication between Presidents and Their Senior Staffs* [Text] / P.D. Witherspoon. – New York: Praeger, 1991. – 256 p.
159. Winograd, T. Formalisms for knowledge [Text] / T. Winograd // *Thinking. Readings in Cognitive Science* / Ed. By. P.N. Johnson, P.S. Wason. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – P. 13-27.
160. Wodak, R. Language, power, and ideology [Text] / R. Wodak // *Studies in Political Discourse*. – Amsterdam: Benjamins, 1989. – P. 199-226.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Изд-во «Норинт», 1998. – 1063 с.
3. БПС – Большой психологический словарь [Текст] / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд. – М : Изд-во «Прайм-Еврознак», 2002. – 633 с.
4. БТСЛ – Большой толковый социологический словарь (Collins) [Текст] Т. 1 (А-О) пер. с англ. – М: Изд-во «Вече»: АСТ, 1999. – 544 с.
5. ВЭФ – Всемирная энциклопедия: Философия [Текст] / под ред. А.А. Грицанова. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
6. КСКТ – Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
7. Словарь-справочник [Электронный ресурс] Режим доступа URL: [http:](http://) (дата обращения: 02.05.13).

8. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / под. ред. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. ТСРЯД – Толковый словарь русского языка В.И. Даля. Современная версия [Текст] / В. И. Даль. – 3-е изд. – М.: ЗАО изд-во ЭКСМО-пресс., 2000. – 736 с.
10. ALDCE – The Advanced Learner’s Dictionary of Current English [Text] / ed. by A. Hornby. – Изд-во: СПИИП «Сенгилей», 1992. – 540 p.
11. CCED – Collins Cobuild English Dictionary [Text] / The University of Birmingham: ed. by J. Sinclair, 1995. – 1951 p.
12. LASDE – Longman Active Study Dictionary of English [Text] / ed. by S. Main-
gay. – London: Longman, 1991. – 784 p.
13. LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture [Text] / New
Edition. – Harlow: Longman, 1998. – 1568 p.
14. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. 3d Edition with New
Words Supplement, 2001. – 1668 p.
15. LLA – Longman Language Activator: The World’s First Production Dictionary
[Text] Harlow: Longman, 1993. – 1583 p.
16. MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text] / Inter-
national Student Edition. – Oxford: Macmillan Publishers Ltd., 1993. – 1692 p.
17. ODCE – The Oxford Dictionary of Current English [Text] / Ed. by D. Thompson.
– N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 1136 p.
18. OTCE – Oxford Thesaurus of Current English [Text] / A. Spooner. – Oxford:
Oxford University Press, 2003. – 503 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. High Speed Rail (Preparation) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm130626/debindx/130626-x.htm>
2. Marriage (Same Sex (Couple) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm130205/debindx/130205-x.htm>
3. Marriage (Same Sex Couples) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm130516/debtex t/130516-0001.htm#13051644000036>
4. Marriage (Same Sex Couples) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm130520/debtex t/130520-0002.htm#13052013000002>
5. Further and Higher Education (Access) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110304/debindx/110304-x.htm>
6. Immigration Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm131022/debindx/131022-x.htm>
7. Energy Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm121219/debindx/121219-x.htm>
8. Finance (No. 2) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm130415/debindx/130415-x.htm>
9. Canterbury City Council Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201213/minutes/121203/ldordpap.htm>

10. High Speed Rail (Preparation) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm131031/debtext/131031-0002.htm#13103165000001>
11. National Insurance Contributions Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm131104/debtext/131104-0001.htm#13110440000001>
12. Water Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm131125/debtext/131125-0002.htm#13112514000001>
13. Social Care (Local Sufficiency) and Identification of Carers Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120907/debtext/120907-0001.htm#12090717000002>
14. Mobile Homes Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm121019/debtext/121019-0001.htm#12101926000001>
15. Public Service Pensions Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm121029/debtext/121029-0002.htm#12102923000001>
16. Growth and Infrastructure Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm121105/debtext/121105-0001.htm#12110580000001>
17. Armed Forces Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110110/debtext/110110-0002.htm#11011090000001>
18. Civil Aviation Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120522/debtext/120522-0003.htm#12052255000001>

19. Electoral Registration and Administration Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120523/debtext/120523-0002.htm#12052368000001>
20. Electoral Registration and Administration Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120627/debtext/120627-0001.htm#12062759000001>
21. Enterprise and Regulatory Reform Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120611/debtext/120611-0002.htm#12061114000001>
22. Defamation Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120612/debtext/120612-0001.htm#12061240000002>
23. Defamation Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm130424/debtext/130424-0002.htm#13042446000003>
24. Finance Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120703/debtext/120703-0001.htm#12070396000002>
25. Bank of England (Appointment of Governor) Bill [Electronic resource] URL.:
<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmhansrd/cm120706/debtext/120706-0001.htm#12070648000001>
26. Стенограмма заседания (10 июня 2014 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/4096/>
27. Стенограмма заседания (01 июля 2014 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/4111/>
28. Стенограмма заседания (23 апреля 2014 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/4071/>
29. Стенограмма заседания (13 ноября 2013 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3954/>

30. Стенограмма заседания (19 ноября 2013 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3960/>
31. Стенограмма заседания (20 ноября 2013 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3963/>
32. Стенограмма заседания (22 января 2013 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3781/>
33. Стенограмма заседания (12 февраля 2013 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3792/>
34. Стенограмма заседания (18 декабря 2013 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3982/>
35. Стенограмма заседания (21 декабря 2012 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3767/>
36. Стенограмма заседания (11 июля 2012 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/3681/>
37. Стенограмма заседания (25 ноября 2005 г.) [Electronic resource] URL.:
<http://transcript.duma.gov.ru/node/992/>